
ЗАКОН
ИЗиСП
ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРАВО КАК СОЗИДАТЕЛЬ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Монография

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Ю.А. Тихомиров

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2024

УДК 34.01
ББК 67.01
П68

Одобрено секцией публичного права ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Рецензенты:

В.Б. Исаков — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Н.В. Кичигин — и.о. заведующего отделом, ведущий научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

П68 **Право как созидатель новой социальной реальности**: монография / Г.М. Азнагулова, Ж.А. Гаунова, О.Ю. Еремина и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: Проспект, 2024. — 304 с.

ISBN 978-5-392-39597-2

Название предлагаемой вниманию читателя монографии, ракурс рассматриваемых вопросов, общая постановка проблемы нетипичны для отраслевых исследований. Цель работы – выявить и осмыслить творческую силу права в развитии общественных отношений. При таком понимании право выступает в роли созидателя социальной реальности, двигателя научно-технического прогресса. Комплексно и по-новому исследованы такие явления, как гражданские инициативы, регионализация, ресурсы интеллектуальной собственности, культурные права. В качестве атрибутивного признака темы предложены эвристические и прогностические функции правового мышления, продемонстрирован механизм эволюции правовой системы.

Для юристов — ученых и практиков, преподавателей, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, представителей бизнес-сообщества, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами развития права.

УДК 34.01
ББК 67.01

ISBN 978-5-392-39597-2

© Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2023

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

LAW AS THE CREATOR OF A NEW SOCIAL REALITY

Monograph

Executive editor
Doctor of law, Professor,
Honored Scientist Of the Russian Federation
Yu.A. Tikhomirov

• PROSPEKT •

Moscow
2024

Approved by the Section of "Public law" of the Academic Council of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Reviewers:

V.B. Isakov — Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics;

N.V. Kichigin — acting Head of Department, Leading Researcher of the Department of Environmental and Agrarian Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Law as the Creator of a New Social Reality: Monograph / G.M. Aznagulova, Zh. A. Gaunova, O.Y. Eremina et al.; exec. ed. Yu.A. Tikhomirov; The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. — M.: Prospekt, 2024. — 304 p.

ISBN 978-5-392-39597-2

The title of the monograph presented to the reader, the perspective of the issues considered by the team of authors, and the general formulation of the problem are atypical for industrial research. The authors set out to identify and comprehend the role of the creative power of law in the development of social relations. With this understanding, law acts as the creator of social reality, the engine of scientific and technological progress, and sectoral approaches are presented in interconnection. This made it possible to take a comprehensive and new look at such phenomena as civil initiatives, regionalization, intellectual property resources, and cultural rights. Heuristic and predictive functions of legal thinking are proposed as an attributive feature of the topic under study. The monograph demonstrates the mechanism of evolution of the legal system.

For lawyers — scientists and practitioners, teachers, students and graduate students of law universities and faculties, representatives of the business community, as well as for a wide range of readers.

ISBN 978-5-392-39597-2

© The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2023

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Юрий Александрович Тихомиров (ответственный редактор) — заместитель заведующего центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (предисловие, § 1 главы 1, краткие выводы)

Гузель Мухаметовна Азнагулова — главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, профессор кафедры теории, истории и философии права ИЗиСП, доктор юридических наук, доцент (§ 4 главы 1)

Жанна Азретовна Гаунова — научный сотрудник центра публично-правовых исследований ИЗиСП (§ 1 главы 4)

Ольга Юрьевна Еремина — старший научный сотрудник отдела социального законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 2 главы 6)

Оксана Олеговна Журавлева — ведущий научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 1, 2 главы 2)

Максим Викторович Залоило — ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 1 главы 6)

Анастасия Валентиновна Калмыкова — ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 3 главы 6)

Влада Юрьевна Лукьянова — заведующий лабораторией правового мониторинга и социологии права ИЗиСП, кандидат философских наук (глава 3, § 2 главы 7)

Тимур Евгеньевич Мельник — старший научный сотрудник отдела социального законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 4 главы 4)

Сариа Бесланович Нанба — ведущий научный сотрудник центра публично-правовых исследований ИЗиСП, старший преподаватель кафедры теории, истории и философии права ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 2 главы 4)

Наталья Владимировна Омелёхина — доктор юридических наук, доцент (§ 3 главы 1)

Алексей Владимирович Павлушкин — ведущий научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 4 главы 6)

Дмитрий Алексеевич Пашенцев — главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор (§ 5 главы 6)

Наталья Васильевна Путило — заведующий отделом социального законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук (глава 5, § 1 главы 7)

Сергей Андреевич Синицын — главный научный сотрудник центра частного права ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор РАН (§ 3 главы 2, § 3 главы 4)

Фатима Валерьевна Цомартова — ведущий научный сотрудник отдела социального законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук (§ 2 главы 1)

Мария Евгеньевна Черемисинова — старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, заведующий центром научных изданий ИЗиСП, кандидат юридических наук (глава 8)

AUTHORS

Yuri Aleksandrovich Tikhomirov (executive editor) — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law (preface, § 1 of Chapter 1, brief conclusions)

Guzel Mukhametovna Aznagulova — chief researcher of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation of ILCL, professor of the department of theory, history and philosophy of law, Doctor of Law, Associate Professor (§ 4 of Chapter 1)

Zhanna Azretovna Gaunova — researcher at the Center for Public Law Research of ILCL (§ 1 of Chapter 4)

Olga Yuryevna Eremina — senior researcher at the Department of Social Legislation of ILCL, candidate of legal sciences (§ 2 chapter 6)

Oksana Olegovna Zhuravleva — leading researcher of the department of financial, tax and budget legislation of ILCL, candidate of legal sciences (§ 1, 2 of chapter 2)

Maxim Viktorovich Zaloilo — leading researcher of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation of ILCL, candidate of legal sciences (§ 1 chapter 6)

Anastasia Valentinovna Kalmykova — leading researcher of the Department of Administrative Legislation and the Process of ILCL, candidate of legal sciences (§ 3 of chapter 6)

Vlada Yuryevna Lukyanova — head of the Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law of ILCL, PhD (Chapter 3, § 2 of Chapter 7)

Timur Evgenievich Melnik — senior researcher at the Department of Social Legislation of ILCL, candidate of legal sciences (§ 4 chapter 4)

Saria Beslanovna Nanba — leading researcher at the Center for Public Law Research of ILCL, senior lecturer at the Department of Theory, History and Philosophy of Law of ILCL, Candidate of Legal Sciences (§ 2 of Chapter 4)

Natalya Vladimirovna Omelyokhina — Doctor of Law, Associate Professor (§ 3 of Chapter 1)

Alexey Vladimirovich Pavlushkin — leading researcher at the Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law of ILCL, candidate of legal sciences (§ 4 chapter 6)

Authors

Dmitry Alekseevich Pashentsev — chief researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research of Legislation of ILCL, Doctor of Law, Professor (§ 2 of Chapter 2)

Natalya Vasilievna Putilo — head of the Department of Social Legislation of ILCL, candidate of legal sciences (Chapter 5, § 1 Chapter 7)

Sergey Andreevich Sinitsyn — Chief Researcher of the Center for Private Law of ILCL, Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Sciences (§ 3 of Chapter 2, § 3 of Chapter 4)

Fatima Valerievna Tsomartova — leading researcher of the Department of Social Legislation of ILCL, candidate of legal sciences (§ 2 chapter 1)

Maria Evgenievna Cheremisinova — senior researcher at the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research of Legislation of ILCL, head of the Center for Scientific Publications of ILCL, candidate of legal sciences (chapter 8)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 17

Глава 1
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 18

§ 1. Новый потенциал права 18

§ 2. Правовое «управление» временем в условиях ускоренного развития общества 19

§ 3. Динамика статусов человека в общественном развитии 29

§ 4. Правовая культура как фактор созидания права 47

Глава 2
ТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРАВА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПОЗНАНИЯ И РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 63

§ 1. Тенденции цифровизации в России 63

§ 2. Новые возможности реализации права с использованием современных технических средств 75

§ 3. Искусственный интеллект в фокусе права 84

Глава 3
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ЭВРИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ 98

Глава 4
ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА 122

§ 1. Гражданские инициативы и их роль в развитии общества: правовые аспекты 122

§ 2. Регионализация: вектор государственного и правового развития общества 132

§ 3. Ресурс интеллектуальной собственности как фактор общественного развития 142

§ 4. Культурные права как гарантия созидательной деятельности человека 146

Глава 5
ПРАВОВЫЕ НОРМЫ КАК СТИМУЛЯТОРЫ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 156

§ 1. Право: фиксатор или созидатель? 156

§ 2. Право как самоорганизующаяся система и ее значение для развития общества 162

§ 3. Специализированные правовые нормы и их вклад в реализацию функций права 183

§ 4. Запрещение и обязывание как средства моделирования общественных отношений 193

Глава 6
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 197

§ 1. Правоприменительная деятельность в созидании новой социальной реальности 197

§ 2. Доктринальные подходы к пониманию эффективности правоприменительной деятельности: российский и зарубежный опыт 211

§ 3. Правоприменительный процесс: основания и стадии 223

§ 4. Правовые формы оценки и контроля правоприменительной деятельности 234

§ 5. Преодоление юридических ошибок: значение для правоприменительной и правотворческой деятельности 246

Глава 7
ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ 255

§ 1. Новый концепт правового регулирования научной деятельности: от научного работника к творцу науки 255

§ 2. Совершенствование правового регулирования науки 268

Глава 8
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ 283

§ 1. Правовая система как средство и результат созидания социальной реальности. Эволютивные признаки развития правовой системы 283

§ 2. К вопросу об архитектуре правовой системы. Формирование новых отраслей права и законодательства 291

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ 303

TABLE OF CONTENTS

PREFACE 17

Chapter 1
THE LEGAL MECHANISM OF TRANSFORMATION OF PUBLIC RELATIONS 18

§ 1. The new potential of law 18

§ 2. Legal "management" of time in conditions of accelerated development of society 19

§ 3. Dynamics of human statuses in social development 29

§ 4. Legal culture as a factor in the creation of law 47

Chapter 2
THE CREATIVE ROLE OF LAW IN THE VIRTUAL SPACE. NEW HORIZONS OF COGNITION AND REGULATORY IMPACT 63

§ 1. Trends of digitalization in Russia 63

§ 2. New opportunities for the implementation of law using modern technical means 75

§ 3. Artificial intelligence in the focus of law 84

Chapter 3
FORMATION OF LEGAL HEURISTIC THINKING 98

Chapter 4
LEGAL CONDITIONS FOR ENSURING THE CREATIVE ACTIVITY OF MAN AND THE DEVELOPMENT OF SOCIETY 122

§ 1. Civil initiatives and their role in the development of society: legal aspects 122

§ 2. Regionalization: the vector of state and legal development of society 132

§ 3. Intellectual property resource as a factor of social development 142

§ 4. Cultural rights as a guarantee of human creative activity 146

Chapter 5
LEGAL NORMS AS STIMULATORS OF CREATIVE ACTIVITY 156

§ 1. Law: the fixator or the creator? 156

§ 2. Law as a self-organizing system and its importance for the development of society 162

§ 3. Specialized legal norms and their contribution to the realization of the functions of law 183

§ 4. Prohibition and obligation as a means of modeling public relations 193

Chapter 6
EFFECTIVENESS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES 197

§ 1. Law enforcement activities in the creation of a new social reality 197

§ 2. Doctrinal approaches to understanding the effectiveness of law enforcement activities: Russian and foreign experience 211

§ 3. Law enforcement process: grounds and stages 223

§ 4. Legal forms of assessment and control of law enforcement activities 234

§ 5. Overcoming legal errors: importance for law enforcement and law-making activities 246

Chapter 7
INCREASING THE ROLE OF SCIENCE IN SOCIETY 255

§ 1. A new concept of legal regulation of scientific activity: from a researcher to the creator of science 255

§ 2. Improving the legal regulation of science.....268

Chapter 8
EVOLUTION OF THE LEGAL SYSTEM..... 283

§ 1. The legal system as a means and result of the creation of social reality. Signs of the evolutionary development of the legal system 283

§ 2. On the issue of the architecture of the legal system. Formation of new branches of law and legislation 291

BRIEF CONCLUSIONS..... 303

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях жизни нашего общества особое значение имеет увеличение потенциала государства. Необходимо, с одной стороны, наращивать мобильную готовность и способность противостоять различным угрозам, с другой — сохранить правовые основы, созданные предыдущими поколениями. В связи с этим в монографии ставится и решается задача раскрыть креативную роль права, способную оказать влияние на формирование стойкого гражданского правосознания, активный созидательный труд, правомерное поведение и строгое соблюдение законности. Разрабатывается особый подход к исследованию правовых явлений, направленный на выстраивание таких корреляций, которые четко показывают, что целесообразно поступать по закону, а не вопреки ему. При этом право должно служить приращению возможностей государства, укреплению его позиций во всех сферах жизнедеятельности.

В работе показаны направления рационального использования социальных ресурсов нашего общества, громадных природных богатств и главное — значение творческой деятельности в самом широком смысле. Монография построена на основе новейших представлений о теории права и государства и об особенностях межотраслевых исследований. Сохраняя высокое уважение к отраслевой системе права, авторы уделяют особое внимание нормативно-правовым комплексам, обеспечивающим достижение стратегических целей, среди которых обеспечение безопасности, снабжение продовольствием, сохранение климата, устойчивое развитие промышленности, стимулирование новых научных открытий. Подчеркивается, что юриспруденция призвана преодолевать конфликтные ситуации и поддерживать основы устойчивого развития государства. Обосновываются новые теоретические положения в данной сфере, сформулированы соответствующие научно-практические рекомендации, обобщен большой социальный и правовой опыт.

Книга рассчитана на работников публичных органов и бизнес-структур, тех, кто трудится в области науки и образования, интересуется вопросами права в условиях устойчивого гражданского общества.

Глава 1
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. НОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВА

В изменившихся условиях трансформируется роль права в регулировании и развитии общественных отношений. Предваряя комплексное исследование проблемы созидательной силы права, следует выделить новые ориентиры, цели правового воздействия на общественные отношения, которое не ограничивается описанием новых возможностей человека, общества, государства.

Юридической науке и практике еще предстоит осознать созидательную силу и потенциал права. Уже сейчас можно отметить следующие реперные точки изменения предмета и метода правового регулирования. Схематично изобразим это следующим образом:

1) право в условиях новых скоростей и ситуаций;

2) национальные цели: стабильность и динамика;

3) деятельный правовой человек:

– изменение в юридическом мышлении и переход к креативному правосознанию;

– целевая активизация правомерного поведения;

4) эволюция статусов и компетенций субъектов права:

– повышение роли гибких структур;

– изменение компетенций и переход от обилия отчетно-контрольных норм к прогнозно-организующим;

– новая динамика взаимоотношений субъектов права;

5) изменение системы и содержания правовых регуляторов:

– повышение удельного веса стимулирующих и поощряющих норм;

– возрастание роли организующих и обеспечивающих норм;

– новые критерии оценки эффективности норм по степени достижения целевых результатов;

6) эффективный механизм предотвращения и преодоления юридических конфликтов:

– формирование рискологии;

– использование механизма эффективного антикризисного регулирования и управления;

7) возможности правовой науки:

– стимулирование массового научного творчества и научная компетентность;

– эффективный механизм освоения научного творчества и использование научных достижений;

– увеличение прикладного значения патентоведения в привязке к национальной экономике;

8) правильное использование корреляций, позволяющее избегать и вовремя преодолевать риски, должным образом реагировать на различные отклонения, исправлять ошибки;

9) типология последствий воздействия правовых регуляторов на реальные процессы, которые могут быть прямыми, косвенными и форс-мажорными, а также способны проявляться в той же или смежных сферах (экономической, социальной, политической и др.);

10) предвидение возможных системно связанных последствий, позволяющее продолжить разработку формулы правового воздействия, в которой органически сочетаются креативное мышление, деятельностно-поведенческий компонент, нормативный и институциональный элементы, недооценка или одностороннее использование которых снижает эффект.

§ 2. ПРАВОВОЕ «УПРАВЛЕНИЕ» ВРЕМЕНЕМ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Право, как любое явление объективной реальности, атрибутируется временем, выражающим такие сущностные его свойства, как длительность существования, последовательная и перманентная изменчивость, направленность развития и т.п.[1]

Несмотря на всеобщий и универсальный характер времени, его проявления имеют некоторую специфику в зависимости от того, в рамках каких материальных отношений и научных дисциплин оно рассматривается. При этом в отличие от диалектически парной категории пространства, глубоко и системно изученной методами государственно-правовых наук, специальных теоретических исследований фактора времени в правоведении немного[2], а вопрос пра-

---

[1] См., например: Лолаев Т.П. Функциональная концепция времени: дис. ... д-ра философ. наук. М., 1993.

[2] См.: Петров Г.И. Фактор времени в советском праве // Правоведение. 1982. № 6. С. 46–52; Его же. Время в советском социальном регулировании // Правоведение. 1983. № 6. С. 47–52; Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. № 3. С. 19–27; Его же.

вового времени до сих пор обозначен только в качестве постановки проблемы[1].

Имеющиеся общетеоретические разработки преимущественно сосредоточены на проблемах действия закона во времени, в особенности обратной его силы[2], разрешения темпоральных коллизий; в отраслевых юридических науках — гражданском и процессуальном праве — обоснована теория сроков.

Вместе с тем форсированная общественная динамика и стратегическая ориентация на ускоренное технологическое и социально-экономическое развитие, а также новая нормативная модель временной организации общественных отношений, отразившаяся в законодательстве с заведомо ограниченным сроком действия, законодательстве об экспериментальных правовых режимах, законодательстве об обязательных требованиях, объективно актуализируют обращение к вопросам временных аспектов в праве.

Восприятие времени как критически важного и в то же время недооцененного и малоизученного инструмента правового регулирования переводит эту проблематику из разряда самоочевидных или же юридико-технических в сущностные. Востребованность ее изучения и решения в сочетании с научным заделом, сформированным в результате осмысления антипандемийного, антисанкционного, антикризисного регулирования[3], открывает возможность переоценки фактора времени в общем механизме правового регулирования и ставит ряд вопросов методологического характера.

В соответствии с общенаучными представлениями о том, что С.П. Капица называет законом трансформации темпов развития во времени[4], современная эпоха характеризуется повышенной динами-

---

Своевременность в праве // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1991. Вып. 9. С. 55–62; Залесский В.В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 114–121; Догадайло Е.Ю. Время и право: монография. М., 2013.

1 См.: Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М., 1989. С. 63; Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 15–22.

2 См.: Тилле А.А. Время. Пространство. Закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965.

3 См.: Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 5–17; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право и пандемия: уроки кризиса // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 8. С. 803–808; Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022.

4 См.: Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М., 2010.

кой социально-экономических изменений, обусловленной ускорением оборота в производстве, обмене, распределении и потреблении материальных и нематериальных благ вследствие процессов технологизации (главным образом информатизации и цифровизации). При этом в связи с неравномерным ходом научно-технического прогресса такое ускорение зачастую сопровождается состоянием так называемой динамической турбулентности, в котором равновесие и устойчивость перестают восприниматься как норма, а изменчивость и неопределенность приобретают перманентный характер[1].

Это приводит к глубинным переменам во взаимосвязи пространства и времени, к их сжатию и дистанцированию, упору на процесс становления, а не к бытию в пространстве[2], к замене пространственного существования временным, экстенсивного развития — интенсивным[3]. В такой пространственно-временной модальности креативная деятельность, инновации и прогресс приобретают исключительное, сверхценное значение, а их скорость становится ключевым фактором научно-технологического, экономического, экологического, социального, культурного, национального и государственного развития.

Названные всеобъемлющие тренды находят отражение в ходе публично-властной деятельности по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию общественного развития и обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации. В документах стратегического планирования определено прорывное, опережающее свое время развитие Российской Федерации[4] на основе ускоренного инновационно ориентированного экономического роста и повышения качества жизни населения, обеспеченных технологическими инновациями и полученными социально-экономическими эффектами от их внедрения в качестве генерального национального приоритета[5]. Отдельно декларируется нацеленность на

---

1 См.: Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008; Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М., 2014.

2 См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003; Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. М., 2021.

3 См.: Степин В.С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей: науч. изд. М., 2018. С. 6.

4 См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

5 См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

обеспечение ускоренного развития информационных[1], генетических[2] технологий, искусственного интеллекта[3], беспилотной авиации[4], творческих (креативных) индустрий и предпринимательства[5], цифровой и функциональной трансформации социальной сферы для совершенствования процессов предоставления мер социальной поддержки на базе цифровых технологий[6] и т.д.

Сущность и назначение права как важнейшего социального регулятора предопределяют потенциал его воздействия на общественные отношения не только с точки зрения придания им определенного направления развития, но и в плане скорости осуществления различных видов деятельности и тем самым времени протекания социальных процессов. Переходя к более высокой степени обобщения, французский правовед Жан-Луи Бержель утверждает, что право, разворачиваясь во времени и не имея возможности уклониться от его неумолимого течения или попытки подчинить его себе, «вынужденно одновременно констатировать господство времени над человеком и разрешить господство человека над временем»[7].

Общесоциальные функциональные характеристики права во всяком случае гарантируют «поддержание временной упорядоченности общественной жизни, обеспечение темпоральной определенности в социальном общении различных субъектов»[8]. Эта хронологическая

---

1 См.: Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации».

2 См.: Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации».

3 См.: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

4 См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации».

5 См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года».

6 См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года».

7 Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000.

8 Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. № 3. С. 20.

согласованность, являющаяся одним из основных имманентных свойств любой урегулированной правом деятельности, формируется по мере освоения детерминистской природы временных отношений «прошлое –настоящее — будущее».

В этом смысле преамбула Конституции Российской Федерации может быть представлена как конституционная формула таких отношений, которая, отражая в памяти прошлое («...соединенные общей судьбой на своей земле», «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость»), позволяет преодолевать горизонт настоящего («утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы») и оказывать целенаправленное воздействие на будущее («исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», «стремясь обеспечить благополучие и процветание России»)[1].

Кроме того, в рамках специально-юридических функций правовое воздействие оказывается непосредственно на временные отношения. Стоит подчеркнуть, что при этом нормы права регламентируют не время как таковое, а темпоральные параметры деятельности, выступающей объектом правового регулирования: ее своевременность, длительность, повторяемость, одновременность, последовательность и преемственность, в совокупности квалифицируемые в качестве форм времени в праве[2]. Таким образом, право организует, контролирует временной фактор, повышает эффективность его использования, выступая своего рода инструментом управления временем.

Посредством установления времени, в течение которого должна быть достигнута определенная цель, а также обозначения меры деятельности, включая ее виды и интенсивность, темпорально-правовое регулирование может влиять на скорость общественных отношений.

---

[1] См.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020; Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021.

[2] См.: Петров Г.И. Фактор времени в советском праве // Правоведение. 1982. № 6. С. 46–52; Его же. Время в советском социальном регулировании // Правоведение. 1983. № 6. С. 47–52.

Наглядный пример правового воздействия такого типа представляет собой институт нормирования труда, задающий с помощью норм выработки, времени, нормативов численности и других показателей, исчисляемых в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда, общественно-необходимую степень напряженности труда, плотность использования рабочего времени, частоту повторения трудовых действий, количество выполняемых трудовых функций и т. п.

Выдвинута гипотеза о том, что со временем «скорость» войдет в категориальный аппарат юридической науки и станет важной и неотъемлемой частью правообразования, динамики права, правовой интеграции и т. д.[1]

Регулятивный потенциал права в равной степени может эффективно использоваться как для замедления жизнедеятельности человека и общества, так и для обеспечения большей ее динамики, в качестве сдерживающего средства или катализатора социальной эволюции, отражая объективные свойства динамизма и стабильности права. Любой правопорядок есть попытка стабилизации социальных отношений, пребывающих в вечном становлении, вызов времени, усилие, направленное на консервацию утверждаемого и закрепляемого им социального устройства[2]. Одновременно право вынуждено непрестанно совершенствоваться в своем содержании и формах в целях своевременного обеспечения их соответствия отражаемой и регулируемой деятельности и сохранения эффективности перед лицом социальных преобразований.

Более того, оно может предварять исторические сдвиги, направлять их и служить проводником с целью установления нового порядка[3].

Ярко выраженную темпоральную окраску имеет идея циклов правового развития, относительно устойчивых по содержанию, взаимосвязанных и последовательных периодов, охватывающих все стадии «жизни» права: правопонимание, правосознание, правовую культуру, идеи, теории и образы права; проектирование права, прогнозирование, программы и стратегии, планы развития законодательства и правового обеспечения; правотворчество, стадии разработки нормативных правовых актов, их обсуждения, принятия и вступления в силу; правоприменение и правореализацию; контрольно-оценочный

---

1 См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 92.

2 См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 195.

3 Там же.

механизм, включая правовой мониторинг[1]. При этом циклы правового развития относительно самостоятельны и, в свою очередь, встраиваются в общие циклы развития общества или подвергаются их сильному влиянию.

Опираясь на достижения системно-правовой теории в сочетании с постнеклассическими положениями о самоорганизации сложных открытых структур, можно сказать, что оказалось возможным построение специфической модели развития правовых массивов, не обособляющихся, а встраивающихся в большинство элементов системы права, определяя векторы и темпы их преобразований, идентифицируемых в виде циклических нормативных массивов.

Процесс «циклизации» такого рода включает в себя появление юридических норм, направленных на удовлетворение приоритетных общественных потребностей, их имплементацию в сложившиеся нормативные комплексы и следующую перенастройку законодательства на решение актуализированных задач, формирование нового элемента системы права в виде циклического правового массива[2].

Цикличный подход положен в основу разрабатываемых Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — Институт) научных концепций совершенствования законодательства, рассматриваемых в качестве инструмента познания конкретно-исторических циклов правового развития, включая системное предвидение его путей[3].

---

1 См.: Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 15–22.

2 См.: Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

3 См.: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1994; Правовая реформа: Концепции развития российского законодательства. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1995; Концепции развития российского законодательства. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1998; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2004; Концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.

Относительно новое для отечественной правовой системы явление — законодательство с заведомо ограниченным сроком действия.

Несмотря на то что нормативный правовой акт подчиняется законам времени и объективно имеет временные пределы действия, с ним традиционно связана идея некоторого постоянства в философско-правовом его понимании.

Согласно правовой доктрине одним из обязательных признаков формы права является длительность ее существования, поскольку заключающиеся в ней общие установления распространяются на тот или иной вид общественных отношений и поэтому рассчитываются на продолжительное применение.

Эти теоретические воззрения находят свое практическое воплощение в запрете на внесение в постоянно действующий законодательный акт правовых норм временного характера. При необходимости установить временное, отличающееся от общеустановленного правовое регулирование по определенным вопросам, урегулировать какие-то правоотношения на определенное время рекомендуется принимать самостоятельный федеральный закон, носящий временный характер[1].

Временные нормы противопоставляются постоянным[2]. Наличие норм временного характера расценивается в качестве дефектов правового регулирования. Их использование признается нежелательным и допустимым только в исключительных случаях, когда иные законодательные решения неприменимы. Считается, что введение в правовую систему норм ограниченного срока действия не способствует стабильности правового регулирования и правореализации, вызывая сложности уяснения актуальных прав и обязанностей участников правоотношений[3]. Таким образом формируется образ вечного закона, который оторван от любых временных измерений (детемпорализация права).

Вопреки этим постулатам на практике заметной тенденцией последнего времени стало широкое распространение нормативных правовых актов с заранее определенным сроком действия.

Начало было положено рассчитанным на регулирование общественных отношений в экстраординарных условиях антипандемийным

---

1 См.: Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (ред. 2021 г.), утвержденные Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (п. 58).

2 См.: Fagan F. Law and the Limits of Government: Temporary versus Permanent Legislation. Edward Elgar Publishing, 2013.

3 См.: Тенилова Т.Л. Время в праве: монография. М., 2001. С. 37–38.

законодательством: Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 124-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» и множеством временных подзаконных нормативных правовых актов, принятых в его развитие[1]. Затем временность действия стала использоваться в специальных правовых режимах антисанкционной направленности в целях обеспечения возможности более оперативной и точной реакции на соответствующие угрозы национальной безопасности[2].

В апогее законодательное обоснование получили новые типы нормативных правовых регуляторов заведомо временного характера. Так, в соответствии с законодательством об обязательных требованиях в нормативном правовом акте, содержащем обязательные требования, должен предусматриваться срок его действия, как правило, не превышающий шести лет со дня его вступления в силу. По результатам оценки применения обязательных требований этот срок может быть продлен не более чем на шесть лет[3].

В силу законодательства об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций основным правовым принципом экспериментального режима является его определенность во времени; срок действия экспериментального правового режима предусматривается его программой и не может превышать трех лет. Кроме того, могут быть установлены различные сроки участия для разных его субъектов[4].

Таким образом, нормы временного действия изначально утвердились в экстраординарных обстоятельствах, когда обычные регуля-

---

1 Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 373 «Об утверждении Временных правил учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции»; приказ Минздрава России от 19 марта 2020 г. № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» и др.

2 См., например: Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах».

3 См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ч. 4, 5 ст. 3, ст. 7).

4 См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (п. 6 ст. 4).

торы, рассчитанные на нормальное состояние общественных отношений, оказались нефункциональными и подменялись чрезвычайными правовыми режимами, действие которых, как правило, ограничивается периодом разрешения кризисной ситуации и носит временный характер.

Дальнейшие перспективы использования инструментов временного нормативного правового регулирования связаны с их приспособленностью к стремительно меняющимся социальным или технологическим условиям и неординарным сценариям общественного развития, прежде всего в инновационных, высокотехнологичных и высокорисковых областях[1].

Адаптация правовых систем к подвижности и нетипичной изменчивости новых форм общественной жизни способствует гибкости правового регулирования и установлению правил, которые по своему содержанию и регулятивной направленности не требуют нормативной фиксации на неопределенный срок по умолчанию, а, напротив, нуждаются в периодических и планомерных пересмотре и корректировки.

В современных зарубежных правопорядках законы, длительность действия которых ограничена в момент вступления в силу, объединяются под зонтичным понятием временного законодательства. Нормы, определяющие продолжительность действия таких законов, называются лимитирующими оговорками (sunset clause). Истоки подобных лимитирующих положений находятся в римском праве. Правила ad tempus concessa, post tempus censetur denegata[2] и противоположное по смыслу ad tempus prohibitum illud tempus censetur permissum[3] во времена Римской республики ограничивали права сената по сбору налогов и использованию войск сроком полномочий проконсула, а позже вошли в Кодекс Юстиниана.

Нормативно оформленные предложения по идентификации предписаний временного действия нашли отражение в последней редакции разработанного Институтом инициативного проекта федерального закона о нормативных правовых актах[4].

---

1 См., например: Право и биомедицина: монография / отв. ред. Ф. В. Цомартова. М.: ИЗиСП, 2021.

2 «То, что разрешено на время, считается запрещенным по его истечении».

3 «То, что запрещено на время, считается разрешенным по его истечении».

4 См.: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021.

В нем, в частности, предлагается закрепить исключение из общего правила о том, что действие нормативного правового акта не ограничивается сроком, если в самом акте или акте о введении его в действие не предусмотрено иное. Для всего нормативного акта (или отдельных его норм) может быть установлен срок действия. В этом случае в нормативном правовом акте (акте о введении его в действие) должно быть указано время или событие, при наступлении которого он автоматически утрачивает силу. До истечения установленного срока орган, принявший нормативный правовой акт, может утвердить решение о продлении действия данного акта на новый срок или о придании ему бессрочного характера.

Для дальнейшего постижения временных закономерностей жизнедеятельности в условиях повышенной общественной динамики и потенциала права в смысле их отражения или опережающего отражения следует считать целесообразной постановку междисциплинарных комплексных исследований проблематики правового «управления» временем.

Необходимость научно-правового сопровождения ускоренного развития позволяет обратиться к размышлениям В.И. Вернадского о том, что ходу научной мысли также свойственна определенная скорость движения, что она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и ее усиления[1]. Для развития научного творчества и открытия нетронутых ранее научной мыслью полей исследования требуется «напряженное непрерывное созидание, темп которого все усиливается»[2].

§ 3. ДИНАМИКА СТАТУСОВ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Современный мир представляет собой сложноорганизованную субстанцию, синтез объективного и субъективного, в центре которого находятся человек как индивид и общество как коллективное образование, совокупность определенным образом организованных индивидов, условно именуемая «коллективная личность». Внутренняя организация современного общества отличается сложностью и разнообразием, в которой наряду с различными социальными институтами выделяют особые, такие как публично-правовые образования, представляющие собой политико-территориальную органи-

---

[1] См.: Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997. С. 141–142.

[2] Там же.

зацию, основанную на использовании права в качестве основного регулятора.

В связи с этим понимание социальной сущности человека, его социальных статусов — непреходящая тема, с глубокой древности занимающая мыслителей. Так, например, принято считать, что зарождение идеи прав человека происходило в V–IV в. до н.э. в древних полисах (Афинах, Риме). Права человека, их генезис, социальные корни, назначение — одна из вечных проблем социокультурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия и неизменно находившаяся в центре внимания политической, правовой, этической, философской и религиозной мысли[1].

В настоящее время исследования статусов человека, личности характеризуются масштабной междисциплинарностью, составляют предметную область различных социальных, естественных (в вопросах клонирования человека, изменения его геномов, трансплантации органов, паллиативной медицины, исследования эмбрионов и пр.) и технических наук (в вопросах развития робототехники, искусственного интеллекта и пр.). Идея статусов человека завладевает все большими сферами научных знаний, расширяя спектр направлений поиска, включающих ее в орбиту своих тем. Не стоит в стороне от этих процессов и правовая наука. Исследование статусов человека традиционно на протяжении многих веков не выходит из активного научно-правового дискурса. Кроме того, оно постоянно находится в центре внимания законодателей. Каждое государство современного мира в той или иной степени сосредоточено на подобной проблематике.

Обзор многочисленных трудов по теории права и доктринальных разработок по различным правовым отраслям показывает, что их основную идейную направленность составляют: права и обязанности человека как самостоятельной правовой единицы — субъекта права, участника правовых отношений, динамика во временном и пространственном аспектах; взаимодействие человека с иными субъектными сущностями: общественными и политико-правовыми образованиями.

Особый интерес представляют исследования, проводимые в последнее время Институтом. Например, методологическую ценность в связи с этим имеет монографический труд профессора Ю.А. Тихомирова «Законы общества и окружающего мира»[2], фундаментальное

---

[1] См.: Общая теория прав человека / под ред. Ю.А. Лукашевой. М.: НОРМА, 1996. С. 2–4.

[2] См.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М.: Проспект, 2023.

содержательное исследование правового статуса человека и гражданина в меняющемся мире[1].

Тем не менее, глубинный юридико-философский концепт правового положения человека, индивида, личности в системе правовых ценностей, системе права, правовом механизме, включая динамику его развития, оценку перспектив изменения социальных статусов в современном обществе, до настоящего времени остается сложнопознаваемой темой. В то время как понимание этого может способствовать решению множества как ситуационных, так и системных проблем и задач правовой действительности.

В процессе постановки проблемы обращает на себя внимание многообразие терминологического ряда, используемого применительно к обозначению субъекта объективной реальности, к человеку как объективной сущности, как единицы бытия. Так, в правовой науке наряду с термином «человек» используют такие термины, как «индивид», «личность»[2].

Более того, в законодательстве также наблюдается подобная множественность. И в Конституции РФ, и в кодексах (Гражданском кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, Уголовном кодексе РФ и пр.), и в иных нормативных актах находят легальное применение обе категории при закреплении прав и обязанностей индивидуального субъекта права — человека.

В частности, гл. 2 Конституции РФ называет основные права и свободы человека и гражданина. В то же время, в ст. 21 Конституции РФ в числе основных прав закреплено, что достоинство личности охраняется государством, а в ст. 64 Конституции РФ установлено, что положения гл. 2 Конституции РФ составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе, как в порядке, определенном Конституцией РФ. Что касается основных прав гражданина, предусмотренных в Конституции РФ, то они отражают юридическую связь человека с государством. На проблемы правовой идентификации указанных категорий нередко обращается внимание в юридической литературе[3].

В современном мире данное обстоятельство осложняется созданием сущностей, обладающих теми или иными качествами и свой-

---

1 См.: Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире: монография / отв. ред. А.Е. Постников. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023.

2 Надо заметить, что подобные различия наблюдаются и в иных языках, например в английском языке используются понятия human, person, individual.

3 См.: Гонта А.В. Понятие личности в российском законодательстве // в сб.: Юридические науки: проблемы и перспективы: матер. IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016). Казань, 2016. С. 5–7.

ствами человека, так называемых клонов, отдельных организмов с ДНК, идентичной или практически идентичной живым организмам; искусственного интеллекта как технического объекта, обладающего когнитивными способностями, даром обучаться, принимать решения и совершать действия, свойственные человеческому интеллекту.

В социальных науках принято различать понятия «человек», «индивид» и «личность».

В качестве базовой основы формирования терминологического ряда рассматривается человек как живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда[1]. Категория «индивид /индивидуум» (от лат. individuum — неделимое) используется для обозначения единичного представителя человеческого рода[2], конкретного носителя всех социальных и психологических черт человечества: разума, воли, потребности, интереса и т.д.[3] Полагают, что понятие «индивид» отражает, во-первых, целостность и неделимость отдельной особи данного биологического вида, во-вторых, особенности конкретного представителя вида, отличающие его от других представителей[4]. В свою очередь, личностью (от лат. persona — маска, роль актера, личность) признают субъекта социокультурной жизни, самораскрывающего свою индивидуальность в контексте социальных отношений, общения и предметной деятельности[5], т.е. человека как носителя каких-либо свойств[6]. Думается, что эти различия, обозначенные в общественных науках, необходимо учитывать в праве, прежде всего в формировании правового статуса центрального сущностного компонента правового регулирования — человека как созидателя права, как адресата правовых норм и как исполнителя правовых предписаний.

Именно социально-философское понимание всей совокупности проявлений свойств и характеристик человека должно стать основой

---

1 См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // URL: https://slovarozhegova.ru . Сходное определение дано в толковом словаре В. Даля // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка // URL: https://slovardalja.net

2 Там же.

3 См.: Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо. 2008.

4 См.: Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999.

5 См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001.

6 См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // URL: https://slovarozhegova.ru.

для определения многообразия социальных, а также формируемых на их базе правовых статусов человека в современном мире, векторов их изменений, установления правового режима так называемых «прочеловеческих сущностей», создателем которых становится человек, будь то роботы, клоны, искусственный интеллект или иные результаты научно-технологического развития общества.

Исследование всех аспектов такого полисемичного сложноструктурированного явлени я, как социальный статус человека, его видовое разнообразие, динамика в современном мире и правовая идентификация, является гиперзадачей. Для приближения к ее разрешению сформулируем некоторые базисные координаты, ориентиры.

Статус (от лат. status — состояние, положение)[1] в социологических науках рассматривается как положение индивида или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы[2]. Соответственно, для целей правовой идентификации статусов человека, их динамики в современном мире следует выяснить сущностные характеристики, формирующие статус, проанализировать спектр внутренних и внешних воздействий социальной системы, структурирующих его видовое разнообразие и предопределяющих динамику изменений.

В правовой науке до настоящего времени не сложилось ни единой системы критериев дифференциации статусов человека, ни их внутривидовых каталогов. Очевидно, в сложноорганизованных социальных общностях подобное упрощение выглядит недопустимым.

Предпринимаются справедливые попытки сформировать открытый реестр дифференцирующих признаков для определения видового разнообразия статусов человека по территориальным, национальным, профессиональным и иным критериям.

Поскольку человек является составной частью, основным элементом сложноорганизованного «социального организма», соответственно положение человека в обществе, его социальный статус представляют собой конкретную историческую категорию, детерминированную пространственно-временными факторами, экономико-политическими условиями и духовно-нравственными ценностями. Этот набор условий можно отнести к объективным факторам определенной степени.

---

1 См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // URL: https://slovarozhegova.ru.

2 См.: Философский энциклопедический словарь, гл.ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев. В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1993.

Так, территориальные изменения современного мира, открытие государственных границ, создание межгосударственных союзов, обеспечивающее свободное перемещение граждан, с одной стороны, и усиление эскалации и напряженности, проведение внешней санкционной политики как в отношении отдельных государств, так и отдельных граждан, с другой, предопределяют формирование социальных статусов человека, расширяя потенциал человеческих возможностей либо сокращая его.

Наряду с территориально-государственническими пространствами, которые являются одним из объективных факторов, определяющих статус человека, в современном обществе существуют так называемые функциональные пространства, критерием формирования которых выступают иные явления объективного мира, например образовательные и торговые пространства и пр.

Более того, нельзя не замечать и различные модификации пересечения территориальных и функциональных пространств, создающих объективную среду формирования статусов человека.

В то же время научно-технологический прогресс направлен на развитие коммуникативных форм и методов, не только облегчающих физическое перемещение людей для целей общения, взаимодействие через развитие транспортного сообщения, средств связи, но и формирующих новые коммуникативные пространства, создавая виртуальную среду для организации социальных связей. Человек становится в таких условиях субъектом так называемых виртуальных отношений, образуя в нем виртуальный социальный статус, который может не совпадать, а порой и коренным образом отличаться от реального.

Анализируя объективные факторы, влияющие на формирование статуса человека в современном мире, можно заметить сложность определения момента его возникновения и прекращения. Развитие науки и технологий существенно расширяет возможности биологических организмов, раздвигая определенным образом временные рамки их объективного бытия.

Так, в настоящее время развитие биологии, медицины позволяет ставить вопрос о жизнеспособности эмбриона, об определении его статуса и гарантий защиты, а также статуса человека до рождения, что остается неразрешенным как в международном, так и в российском праве. В свою очередь, литература, относящаяся к данной тематике, в большей степени посвящена праву эмбриона на жизнь. Называют три потенциально возможных подхода к определению статуса эмбриона: как объекта отношений; как субъекта, уравнивая

его со статусом человека; как субъекта особого рода, не являющегося человеком, но обладающего определенным статусом[1]. Встречаются исследования правового статуса пациентов — нерожденных детей, в медицине именуемых «плодом», в отношении которых производят медицинские вмешательства. В связи с этим обсуждаются два подхода: наделять плод самостоятельным статусом пациента для защиты его прав либо распространять статус пациента беременной женщины на плод как часть организма матери[2].

Более того, момент прекращения жизни человека как биологического существа, вероятно, автоматически не прекращает статус человека. Законодательством определяется, что моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). Диагноз смерти мозга и констатация биологической смерти должны быть установлены в порядке, предусмотренном законодательством, и зафиксированы в документе о смерти[3], на основании которого осуществляется государственная регистрация данного акта гражданского состояния и выдается свидетельство о смерти[4]. Обозначенный временной разрыв между фактическим прекращением жизни и до момента юридической фиксации смерти позволяет ставить вопрос о сохранении в этот период статуса человека. Более того, предлагают выделять не только прижизненный, но и посмертный статусы человека. Например, утверждают, что врачебная тайна относится не только к прижизненному, но и к посмертному статусу, так как распространяется на время, наступившее после смерти, однако отмечают, что в законодательстве не указаны конкретные периоды времени сохранения (неразглашения этой тайны)[5].

Продолжая углубляться в анализ достижений современных биомедицины, биотехнологий и пр., полагаем своевременно поставить

---

1 См., например: Афанасьев И.В., Машков А.В. Статус человеческого эмбриона в наследственном праве и вытекающие из него юридические проблемы // Современное право. 2022. № 1. С. 72–78.

2 См.: Гибадуллина Л.Т. О проблеме правового статуса плода как пациента //Медицинское право. 2017. № 5. С. 19–24.

3 См.: Статьи 66–68.1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

4 См. Статьи: 64–68 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

5 См.: Бойко И.Б., Бузина О.И. О врачебной тайне и ее соблюдении в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2021. № 3. С. 37–42.

вопрос о соматическом (биоэтическом) статусе человека, основанном на соматическом (биоэтическом) достоинстве человека, по аналогии с общим подходом к достоинству личности в условиях геномной медицины[1].

Думается, что озвученные гипотезы относительно возникновения и прекращения статуса человека требуют дальнейшего самостоятельного комплексного исследования с позиции не только естественных наук, но и достижений социогуманитарного направления, включая юридическую науку.

Сложность внешней среды усугубляется вариативностью субъективного восприятия, складывающегося из осознания своего статуса самим человеком и восприятия его статуса другими людьми, обществом, государством.

Выявленная полисемичность объективных и субъективных факторов и обстоятельств с разновекторной синергией взаимодействия затрудняет как доктринальное исследование, так и юридическую формализацию статусов человека, конструирование его правового статуса. Тем не менее можно выделить некоторые знаковые особенности этого статуса в современном мире для целей правового регулирования.

Прежде всего заслуживает внимания не только динамика статусов человека в обществе, но и скорость таких преобразований. Научно-технологическое развитие молниеносно изменяет экономико-социальную среду, что заставляет человека находиться в постоянном поиске своего места в столь нестабильном мире.

Возникает необходимость постоянного овладевания новыми знаниями как в целях использования благ цивилизации, так и для выполнения своей профессиональной деятельности, что является основополагающим условием человеческого бытия. Подтверждение тому — положения позитивного права.

Так, с высокой степенью уверенности можно утверждать (и это находит реальное подтверждение), что образования, полученного человеком в начале своей трудовой деятельности, будет явно недостаточно, в процессе жизни человеку придется осваивать новые специальности. Данная тенденция в настоящее время отчетливо отражается в законодательстве. Повсеместно внедряются не просто программы повышения квалификации, а программы переквалификации, получения новых специальностей. Более того, законодательством для определенных категорий граждан предусмотрено право на про-

---

[1] См.: Крылатова И.Ю. К вопросу о соматическом и биоэтическом достоинстве личности // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 12. С. 22–25.

фессиональную подготовку по другой специальности без взимания платы за обучение (например, военнослужащим, уволившимся с военной службы по определенным в законе основаниям, предоставляется право на получение новой специальности[1], гражданские служащие имеют право на получение дополнительного профессионального образования и осуществление иных мероприятий по профессиональному развитию[2] и пр.).

Для граждан, которые потеряли работу или находятся под угрозой увольнения, национальным проектом «Демография»[3] предусмотрена возможность пройти бесплатное переобучение (в частности, право на участие в переобучении предоставлено гражданам в возрасте 50 лет и старше, гражданам предпенсионного возраста, женщинам в декрете с ребенком до трех лет, неработающим матерям с детьми до семи лет, а также отдельным категориям молодежи в возрасте до 35 лет) и пр.

В непредсказуемом и динамично меняющемся мире также обнаруживается тенденция конструирования новых статусов. Еще до недавнего времени был неизвестен статус пользователя информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», членов виртуальных групп общения, владельцев личных кабинетов на сайтах государственных органов (например, личного кабинета налогоплательщика[4] и пр.), электронных подписей[5] и пр. Сегодня это стало частью обыденной жизни.

Полагаем, что отдельной самостоятельной тенденцией, оказывающей существенное влияние на изменение статуса человека, является цифровизация общества, внедрение информационно-коммуникационных технологий и средств в многочисленные, если не сказать, что во все сферы взаимодействия человека с окружающим миром, в общественные отношения. Даже звучат предложения о появлении так называемой цифровой личности, статус которой мо-

---

1 См.: Статья 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

2 См.: Статья 62 Федерального закона от 27 апреля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» //СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

3 См.: Паспорт национального проекта «Демография», утвержденный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации // URL: https://mintrud.gov.ru (по состоянию на 6 марта 2023 г.).

4 См.: Статья 11.2 Налогового кодекса РФ.

5 См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

ментально будет отражаться в виртуальной среде, поскольку с самого рождения человек попадает в цифровое пространство[1].

В качестве острого вопроса текущей повестки отмечают проблемы цифровой идентификации личности, формирования информационно-цифрового статуса человека и гражданина, а также обоснованности права на забвение как института гарантирования тайны частной жизни и личной свободы в условиях информационной среды[2]. Очевидно, что проблема формирования и динамики статуса человека под воздействием цифровизации, использования цифровых технологий и средств является перспективной для исследования, актуальность которой будет сохраняться, учитывая общемировые тенденции современного технологического развития. Как справедливо отмечают государственные деятели и ведущие правоведы страны, в настоящее время «зарождается новое право — «право модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта[3].

Данные обстоятельства формируют еще одну проблемную зону, состоящую в соотношении статуса человека со статусом так называемых прочеловеческих сущностей, таких как роботы, искусственный интеллект. Истории юридической науки и практики известно множество случаев наделения различных объектов материального и нематериального мира правосубъектностью (юридические лица, публично-правовые образования, а также такие оригинальные сущности, как реки, корабли, священные тексты)[4].

В качестве основополагающего критерия формирования таких субъектных сущностей выступают соображения юридического прагматизма, реализация определенных интересов, удовлетворение тех или иных потребностей, в данном случае — функциональные возможности влияния данных сущностей на общественные отношения.

---

1 См.: Хаматова С.Х. Проблемы реализации конституционной обязанности личности платить законно установленные налоги и сборы в контексте новой цифровой реальности // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 52–54.

2 См.: Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.

3 См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. 2018. 29 мая.

4 См.: Лебедев В.А., Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Ижаев О.А. Автономные технические средства и правосубъектность: исследование перспектив правового регулирования // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 49–53.

В связи с этим предполагают допустимым рассматривать вопрос наделения определенной правосубъектностью любых объектов, в том числе роботов, если возникнет необходимость[1], а также искусственный интеллект[2]. Однако нельзя не заметить, что признание в качестве субъекта права подобных «прочеловеческих» сущностей с новой силой и в новом ракурсе поднимает проблему исследования статуса человека, его отражения в праве и соотношения со статусом иных субъектов.

В качестве тенденции изменения социальных статусов человека можно отметить их дробление, которое в большей или меньшей степени наблюдается во всех сферах общественной жизни. Наиболее ярким примером является трудовая деятельность человека. Так, применительно к реализации права на труд в последние несколько лет появилась в обновленном формате и заняла свое устойчивое место в организации трудовой деятельности дистанционная форма работы, что представляет собой пример дробления ранее известных трудовых статусов лиц, работающих непосредственно на рабочем месте, и лиц, работающих на дому[3].

Нельзя не замечать при видовом разнообразии и дроблении социальных статусов человека в современном мире тенденцию их пересечения, наложения одного статуса на другой, формирующую множественность статусов отдельно взятой личности. В связи с этим обнаруживаются различия в ценности, значимости статусов как для самой личности, так и для общества, а также возникающая при этом необходимость самоидентификации личности в системно-структурной композиции социальных статусов. Особо ярко это выражается в социальной сфере, когда гражданин в силу объективных особенностей своей жизни и субъективных качеств параллельно имеет разные социальные статусы. Данное обстоятельство пытается учитывать

---

1 См.: Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

2 См.: Ивлиев Г.П., Егорова М.А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, связанных с системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32–46.

3 Так, глава 49.1 Трудового кодекса РФ, введенная Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (// СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1668), фактически была изложена в новой редакции Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» (//СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8052).

законодатель путем предоставления возможности одновременной реализации прав, вытекающих из различных социальных статусов (например, возможность получения в один прием стандартных, социальных, имущественных и профессиональных налоговых вычетов при расчете налога на доходы физических лиц), либо права выбора одного из них (например, одного из видов стандартных налоговых вычетов при расчете налога на доходы физических лиц), либо посредством установления общего предела реализации прав (например, ограничения максимальной суммы всех предоставляемых вычетов)[1].

Указанные тенденции динамики социального статуса человека в совокупности предопределяют такую его особенность, как неустойчивость, нестабильность.

Многочисленные риски и угрозы, возникающие в современном мире, обусловленные как внутригосударственными изменениями, так и внешними вызовами, резко сокращают возможность точного предвидения, достоверного прогнозирования событий не только с отдаленной перспективой, но и в ближайшем измерении. Нестабильность обусловлена природными и антропогенными факторами.

Примером может служить пандемия, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции, охватившая все человечество, серьезно изменившая и наше восприятие окружающей действительности, и модели организации социальных связей. Усиливающаяся международная напряженность, эскалация конфликтов, введение санкционных режимов и пр. тенденции мировой повестки также являются источником социальной нестабильности, влияющим в числе прочего на социальные статусы человека, их отражение в праве.

В связи с этим звучат предложения рассматривать статус человека через призму разного рода рисков. Особое внимание уделяется исследованию социальных рисков и влияния их на статус человека. Полагают, что специфика социальных рисков связана с биосоциальной сущностью человека и закономерностями существования общества, в силу чего определяются положение человека в социуме и тем самым структура общества. Социальные риски в этом плане характеризуют статус человека в качестве субъекта, обладающего социально-обеспечительными притязаниями, и субъекта управления такими рисками, который по причинам объективного и субъективного характера не может быть абсолютно стабильным[2].

---

1 См., например: гл. 23 Налогового кодекса РФ.

2 См., например: Истомина Е.А., Федорова М.Ю. Правовое положение граждан как субъектов управления социальными рисками // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 576–603.

Помимо неустойчивости статусов человека в современном обществе отмечается тенденция к формированию множества так называемых временных, срочных статусов. При этом существование большинства временных статусов предопределено объективными изменениями, касающимися либо самого человека, либо окружающей его действительности.

Например, статус студента учебного заведения априори имеет временный характер, человек приобретает его на период учебы[1], статус вынужденного переселенца также прекращается по истечении определенного времени и изменении обстоятельств[2]. Однако в современном правовом регулировании получили распространение временные статусы иного свойства. Примером могут служить использование так называемого экспериментального законодательства, введение экспериментальных правовых режимов. В статье 1 Налогового кодекса РФ определяется, что федеральными законами может быть предусмотрено проведение в течение ограниченного периода на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, муниципальных образований экспериментов по установлению налогов, сборов, специальных налоговых режимов. Такие эксперименты в настоящее время проводятся в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»[3], Федеральным законом от 25 февраля 2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»[4].

В первом случае на территориях отдельных субъектов РФ (г. Москве, Московской и Калужской областях, Республике Татарстан и др.) с начала 2019 г. (и позже) до 31 декабря 2028 г. включительно будет действовать специальный налоговый режим для физических лиц, которые приобретают статус самозанятого, осуществляющего деятельность, приносящую прибыль при соблюдении условий, установленных в указанном законе. Такие лица освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц, который заменяется налогом на профессиональный доход.

---

1 См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

2 См.: Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 «О вынужденных переселенцах» // СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.

3 СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

4 СЗ РФ. 2022. № 9 (ч. I). Ст. 1249.

Правоотношения, возникающие в ходе проведения экспериментов, регулируются законодательством о налогах и сборах с учетом особенностей, установленных названным федеральным законом.

Позитивным моментом появления таких временных (срочных) статусов является возможность оценки эффективности изменений правового регулирования, оперативного реагирования путем отказа от использования экспериментального режима в будущем или закрепления его в качестве постоянного.

Общепризнанная тенденция формирования современных миропорядков — усиление их человекоцентричной сущности. Данная тенденция отражена в Конституции РФ, четко прослеживается в отечественном нормотворчестве.

Согласно Полному собранию законов Российской империи[1], первые идеи формализации статуса человека появились в Русской правде, в которой отражены категории граждан и их социальный статус, соотносимый с современным пониманием социального статуса человека и его принадлежности к государству[2].

По оценке ведущих специалистов в сфере публично-правовых исследований, действующая Конституция Российской Федерации, закрепив синтетическую модель организации социума и правового статуса человека и гражданина как ее части, соединила ценности свободы, включая здравый индивидуализм, предприимчивость и инициативу, с ценностями ответственности, присущей коллективизму, в том числе взаимные обязанности личности и государства, а также сочленов общества[3].

Тем не менее актуальными продолжают оставаться проблемы правовой идентификации статусов человека как в конституционном и декларативном регулировании, так и в отраслевой дифференциации в рамках системной организации права.

Содержательная компонента позитивистской концепции права предполагает формализацию возможностей, притязаний, их пределов

---

1 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб., 1999. С. 456–461.

2 См.: Григорьева Н.В. Конституционализм в истории России, влияние идей на развитие государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. Ст. 49–53.

3 См.: Эбзеев Б.С. Проблемы реализации Конституции Российской Федерации 1993 года. Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, 19 — 20 сентября 2013 г.) / под ред. С.А. Белоусова. Саратов: СГЮА, 2014. С. 6.

путем формирования реестра прав, свобод и позитивных обязанностей, дополненных системой запретов. В правовую сферу вовлекаются самые разнообразные интересы личности, претворение в жизнь которых вне юридических форм затруднительна. В то же время социальный потенциал личности в современном обществе реализуется через посредничество права, право выступает универсальным инструментом межличностного взаимодействия. Таким образом, происходит отражение человека в праве через закрепление его социального статуса как правовой характеристики личности. Данное обстоятельство позволяет дифференцировать статус человека на нормативный, предписанный правом и соответствующий ему; неформальный, не предписанный правом, но не противоречащий последнему; и противоправный, противоречащий законодательству.

В связи с этим ключевой задачей права видится адекватное отражение многообразия палитры социальных статусов человека, обусловленных объективными реалиями с учетом по возможности их субъективного восприятия и обеспечением их реализации и защиты. Однако при этом нельзя не замечать проблему определения пределов правового регулирования социальных статусов человека, сложность поиска невидимой, но ощущаемой социумом грани между зарегулированностью и вседозволенностью, поиска балансов индивидуальных интересов личности и интересов социума.

Наряду с системно исследуемым и конструируемом в позитивном праве каталогом конституционных прав и обязанностей, динамичным, дискуссионным, а в отдельных сферах слабо разработанным, продолжает оставаться их отраслевое наполнение. В качестве примера можно привести увлеченность позитивным обязыванием в отдельных отраслях публичного права и «остаточность» внимания к субъективным правам. Так, в финансовом праве, основу которого составляют преимущественно денежные обязательства субъектов по отношению к государству и государства в части материального обеспечения своих задач и функций, на второй план отодвигаются денежные притязания человека к публично-правовому образованию. В исследованиях последних лет отмечается, что подобный подход создает впечатление дистанцирования, казалось бы, обеспечительных норм финансового права от потребностей общества конкретного человека. Так, Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»[1] определены порядок исчисления так называемых денежных прав личности и цели их использования.

---

[1] СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

Однако понятие «прожиточный минимум» не тождественно понятию «достойная жизнь», на создание условий которой направлена политика государства (ст. 7 Конституции РФ), а правовые механизмы реализации таких прав вызывают серьезные нарекания[1]. Кроме того, физические лица не признаются субъектами современного бюджетного права и в соответствии с положениями Бюджетного кодекса РФ (гл. 18) не включаются в состав участников бюджетного процесса.

Существенным правовым аспектом формализации статусов человека в современном мире является не только создание каталога прав и обязанностей, составляющих его, но и закрепление в праве гарантий обеспечения их реализации, защиты от вызовов и угроз.

По мнению Организации Объединенных Наций, список угроз безопасности человека можно разделить на семь основных категорий: экономическая; продовольственная; безопасность по вопросам здравоохранения; окружающей среды; личная; общественная и политическая[2]. В связи с этим вопрос о безопасности человека формируется из двух блоков: первый, в котором действия государства должны быть ориентированы на прямое обеспечение безопасности человека, понимаемой в рамках его физической защиты и защиты его имущества; второй основан на праве человека развиваться в благоприятной (благополучной) обстановке, ответственность за которую должно нести государство[3].

В процессе правового конструирования и формирования механизмов реализации и защиты правового статуса человека уместно акцентировать внимание на достоинстве личности в системе сущностных характеристик человека, на правовой идентификации данной категории, определении ее места в праве как основном регуляторе отношений в обществе. В правовых исследованиях достоинство личности в понимании ее абсолютной ценности, относясь к многомерным и многоаспектным явлениям, позиционируется также как межотраслевой комплексный институт и как субъективное право.

---

1 См., например: Омелёхина Н.В. Обеспечительная функция публичных финансов в контексте конституционных принципов социального государства // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 76–85.

2 См.: Программа развития Организации Объединенных Наций: доклад о человеческом развитии 1994 г.: новые измерения человеческой безопасности // URL: http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1994/

3 См.: Бокерия С.А. Концепция личностной безопасности в практике ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 315; Никитина Е.Е. Безопасность личности в конституционно-правовом изменении // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 33–46.

Многообразие коннотаций понятия «достоинство личности», «человеческое достоинство» свидетельствует о его полисемантичности, комплексности. С одной стороны, достоинство рассматривается как объективная ценность личности, которая может быть не связана с ее признанием или осознанием: достоинство принадлежит человеку по праву рождения, потому что он есть человек.

С другой стороны, обосновывается необходимость его нормативно-правового признания и гарантирования, отнесения его к явлениям юридического полиморфизма. Однако замечено, что с какой бы стороны ни оценивать эту категорию, вопрос о человеческом достоинстве — это прежде всего вопрос о правах человека, об их реальном обеспечении. Само же достоинство по своей объективной природе неспособно выступать в качестве объекта юридического нормирования. Оно может быть только объектом правовой защиты. Правоотношения, направленные на обеспечение обозначенных благ, являются предметом регулирования международного права и практически всех отраслей российского права в той или иной степени[1].

При этом нельзя не отметить такие тенденции развития прав человека, как интернационализация, регионализация, постепенное вытеснение национального государства из сферы прав человека и замена его наднациональными институтами[2], с одной стороны, и стремление к национальной идентичности, укреплению государственного суверенитета, с другой, что порой приобретает крайние черты в желании превосходства, мирового лидерства. Отмеченное противоборство усугубляется тем, что основным инструментом воздействия обеих тенденций избрана парадигма всеобщности прав и свобод человека, необходимости их обеспечения и защиты, удовлетворения ею запросов, что выражается в так называемой гуманитарной интервенции.

В связи с этим вызывают особый интерес появляющиеся идеи дополнения исследовательской и законодательной парадигмы «права человека» более широкой и культурно насыщенной парадигмой «правовое положение личности», не сводя человеческую проблематику к правам человека, а рассматривая последнего прежде всего в

---

1 См.: Омелёхина Н.В. Достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 106–120; Ее же. Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности //Актуальные проблемы российского права. № 11. С. 60–75.

2 См., например: Марченко М.Н. Тенденции развития права в современном мире: учебное пособие. М.: Проспект, 2015.

контексте собственной истории и культуры, оставляя дискурс прав человека в основном наднациональным регуляторам[1].

Отмечается, что «забытым» оказалось поведение людей в правовой сфере. Увлечение нормативизмом отодвинуло мир человека в сторону. Между тем различные правовые статусы человека и гражданина и весьма подвижные социальные роли побуждают к исследованию поведения отдельных страт общества (профессиональных, национальных, территориальных, групповых и др.). Поэтому требуются формирование уважения к праву и стимулирование активных гражданских действий[2].

Кроме того, обращает на себя внимание такое научное направление в юриспруденции, как правовая антропология, значение которой состоит в выявлении человеческого измерения права, познании различных аспектов его проявления с позиции лица как правового деятеля. Обосновывается идея человекомерности права, согласно которой все элементы правовой реальности анализируются только в связи с действующим в них человеком[3].

Соответственно, правовой статус рассматривается не просто как права и обязанности, закрепленные за юридическим положением лица. Содержание правового статуса проявляется в деятельности человека — его носителя. Поэтому всегда обнаруживается зазор между декларируемым правовым статусом и реальной его актуализацией в правопорядке, между его формальным и неформальным аспектами. Формируемые позитивным правом статусы человека есть лишь модель.

Каждый имеет возможность тем или иным способом участвовать в выборе личностной траектории — индивидуальной правовой идентичности[4]. Субъект юридической деятельности — это диалог личности и правового статуса в правовой коммуникации: как во внутреннем диалоге — между направленностью сознания и притязаниями личности, так и во внешнем контуре — в правоотношении как социальной связи между людьми.

Высокое правовое сознание и гражданское правовое поведение приобретают особое значение в современной жизни, поскольку от-

---

1 См.: Синюков В.Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.

2 См.: Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.

3 См.: Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. М., 2002.

4 См., например: Честнов И.Л. Юридическая деятельность в постклассической перспективе // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 5–21.

ражают внутренний потенциал человека, его нравственные ценности, духовный мир и гражданскую позицию. Здесь приходится преодолевать правовой нигилизм и отчуждение от права, грубое игнорирование правовых норм и нарушения законности[1].

Задача современного государства и общества — организовать системный мониторинг динамики социальной активности тех или иных страт, используя широкий спектр прогнозно-аналитических механизмов, оперативно и адекватно реагировать на вызовы и угрозы, стимулировать гражданские действия, реализуя регулятивную и охранительную функции права, а также развивать уважение к праву, формируя таким образом правосознание и повышая правовую культуру, увеличивая тем самым созидательный потенциал права.

§ 4. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЗИДАНИЯ ПРАВА

Реализация сложных и комплексных задач развития всех сфер жизнедеятельности российского общества, повышение международного статуса государства в современных реалиях складывающегося многополярного мира ставят глобальные задачи перед правовой наукой в ее необходимом движении от *сущего* к *должному*. Задача заключается не только в том, чтобы право познавало социальную реальность такой, какая она есть в данный момент, но и чтобы оно было ориентировано на получение знаний о том, что и как должно быть. Решение столь масштабной задачи неразрывно связано с единством функционирования государства и общества, ведущими интересами и стратегическими целями государства и определяется множеством взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, одним из которых, безусловно, выступает правовая культура общества.

Согласно современным воззрениям правовая культура представляет собой сложный, многоаспектный, иерархически структурированный класс социальных явлений — органический компонент культуры как таковой, охватывающей все материальное и духовное богатство общества, созданное человеком в ходе его эволюционного развития и передаваемое из поколения в поколение. В качестве глубинного основания культуры в онтологическом смысле, безусловно, следует рассматривать все человечество, которое по своей сути есть всеобъемлющее человеческое бытие, объединяющее в неразрывную

---

[1] См.: Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.

цепь отдельные поколения людей, согласно Марксу, составляющую всемирную историю.

В исторической ретроспективе обнаруживается весьма интересный факт: культурные универсалии в качестве мировоззренческих установок функционировали в Древнем мире (Вавилон, Древний Египет) задолго до появления систематизированных философских знаний и стали источниками возникновения правовых традиций и обычаев, диктуемых потребностями и интересами людей в регулировании материальных и духовных взаимоотношений.

Отметим, что большая работа по осмыслению феномена культуры в техногенную эпоху, представляющая собой синтез и развитие существующих теорий, проведена в Институте философии РАН под руководством академика В.С. Степина[1]. Он определил культуру как процесс развития системы «надбиологических программ человеческой жизнедеятельности», существенными моментами которой выступают ее историческая обусловленность и функциональная роль в обеспечении воспроизводства и изменения социальной реальности. Эти программы включают в свой состав знания, накопленные в ходе цивилизационного развития; нормы поведения, идеи, идеалы, цели, социальный опыт и др.

Рассмотрение культуры как системного явления ведет к важным выводам. Во-первых, как любое социальное явление культура предстает в качестве неравновесной, открытой системы, находящейся в непрерывном информационном обмене с внешней средой. Во-вторых, культуре присущ имманентный признак развития, обусловливаемого взаимодействием между компонентами системы и внешней средой. В-третьих, культура является органической системой, в которой компоненты, входящие в ее состав приобретают дополнительные новые качества таким образом, что система как целое имеет более широкие функциональные возможности по сравнению с механистической системой. Поэтому культуру можно рассматривать как исторически обусловленную самоорганизующуюся систему. Ее компоненты, будучи однородными, объединены в целостность вокруг ядра культуры, которое представляется совокупностью определенных базовых явлений — культурных универсалий; они — предельные основания культуры как сущего в данную историческую эпоху.

Культуру надлежит рассматривать в качестве многоуровневой и многокомпонентной целостности, среди духовных составляющих которой важнейшее место занимает правовая культура. Только в

---

[1] См.: Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018; Лекторский В.А. Человек и культура. Избранные статьи. СПб.: СПбГУП, 2018.

исследовательских целях она, как и другие компоненты культуры, может представлять собой относительно обособленную систему, погруженную в сферу влияния иных явлений социума и выполняющую значимую роль в его функционировании.

Когнитивное отношение к правовой культуре позволяет глубже понять сущность политико-правовой материи. Немаловажное значение имеет и то, что правовая культура пронизывает правовые отношения во всех сферах социальной жизни и приобретает смысл универсального явления, играющего важнейшую роль в позитивном изменении социальной реальности как сферы бытия человека, регулируемой правом. Широкие функциональные возможности правовой культуры детерминируются с ее системным характером.

Полагаем, что в качестве решающего и неотъемлемого компонента правовой культуры выступает правовая система общества. Посредством таких ее составных частей, как правовое сознание и правовая политика, акцентируется роль личности, общества и государства в качестве субъектов правовой культуры. Это происходит вследствие того, что важным признаком личности и общества является мировоззрение, которое также не может не быть составной частью правовой культуры. Тем самым подчеркиваются практические истоки правовой культуры в качестве результата человеческой деятельности.

Таким образом, в состав правовой культуры общества входят следующие компоненты:

– правовая система общества;
– представления о праве;
– правопонимание;
– правовое чувство (чувство законности);
– мировоззрение;
– правовая идентичность.

Заметим, что выделение явления правопонимания, т.е. характеристики социально-правового способа бытия человека, в качестве отдельного компонента правовой культуры связано с тем, что оно в виде процесса имплицитно содержит в себе изначально определенный смысл права, закодированный в целеполагании и мировоззренческой позиции субъекта как правового существа[1].

Для изучения некоторых сторон систем и характеристики их внутреннего содержания в правовой науке довольно широко используется понятие «уровни организации системы», в то время как

[1] См.: Малахов В.П., Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2. С. 37–44.

П.К. Анохин отмечает, что это «не дает ничего конструктивного для исследовательского процесса. (...) Употребление термина «уровни» (...) находится в абсолютном противоречии с понятием «система»[1]. На наш взгляд, использование понятия «уровень» при анализе строения и функционирования системы может быть плодотворно для выяснения иерархической связи ее компонентов не с субстанциональной и логической точек зрения, а при дифференциации носителей правовой культуры, для изучения особенностей их взаимодействия в составе целого.

Объективно можно различать следующие уровни правовой культуры:

– личностно-субъективный;

– групповой (коллективный);

– национально-этнический и конфессиональный;

– общегосударственный;

– цивилизационный;

– мировой, включающий в себя правовую культуру дипломатических сношений.

В юридической литературе имеются разнообразные определения понятия «структура правовой культуры». Эта ситуация вызывается отсутствием общепринятой трактовки понятия «структура» в философии. Определение структуры как «относительное устойчивое единство элементов, их отношений и целостности объекта; инвариантный аспект системы»[2] является абстрактным: неясно, какой фактор определяет устойчивость, что именно является инвариантным (неизменным) и т.д. Логические характеристики: «устойчивый способ организации элементов», «устойчивость», «стабильность», «внутренне расчлененная целостность», «закономерный порядок связи» часто используются в философской науке[3]. Первоначально для анализа понятия «структура» применялось понятие «форма», однако это приводило к определенным трудностям с позиций диалектического учения.

Многими исследователями понятие «структура» с современной точки зрения соотносится с понятием «система», хотя иерархическая соподчиненность этих двух терминов ими не раскрывается, что по-

---

[1] Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. Ч. 1.URL: http:/ www. raai.org / library / books/ anokhin / anokhin. htm

[2] Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова: в 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 140.

[3] См.: Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2010. С. 245; Философия: учебник / под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 644.

рождает большие различия в содержании и объеме указанных понятий. Это создает немалые препятствия для выяснения как самого понятия правовой системы, так и ее структуры. Главным недостатком подобного подхода является неопределенность границ даже понятия «правовая система», когда его содержание может быть задано субъективно в отличие от объективных оснований. Более обоснованным, на наш взгляд, является определение структуры как некоторого аспекта, стороны самой системы.

Структура правовой культуры общества не определяется полностью ее элементным составом, формальным указанием на наличие взаимоотношений, устойчивости, целостности (что само по себе очень важно). Считаем, что для определения структуры системы одним из главных вопросов является выяснение функциональной и пространственно-временной иерархии как ее компонентов, так и самой правовой культуры в системе общественных отношений. При субстанциональном подходе структура предстает внутренней формой системы.

Обсуждая вопрос структуры любой системы, можем утверждать, что компоненты системы как ее существенные части во взаимодействии между собой и внешней средой определяют способ существования ее в целом. Разумеется, логические силлогизмы, переводящие законы природы на общество, являются малообоснованными, однако служат определенной предпосылкой понимания сложных форм организации материи, каковыми являются и право, и культура. Тогда мы сможем понять структуру правовой культуры как ее внутреннюю форму, способ существования содержания явления. Подобной точки зрения придерживается Д.А. Керимов, утверждая, что структура — есть не что иное, как внутренняя форма целого, следовательно, и ее элементы являются моментами, связями, блоками организационного устройства этого целого[1].

Являясь субстанциональным подходом, наше положение о структурном составе правовой культуры требует уточнения применительно к функциональным системам, к которым также может относиться и внешняя сторона системы, ибо их структурная организация, как правило, способствует достижению определенного целевого результата. Однако внутренняя форма правовой культуры, будучи ее существенным признаком, как способ существования ее содержания лишена внутренних диалектических противоречий и, согласно Гегелю, не имеет внутренних причин развития. Поэтому считаем, что в содержании понятия «структура» должна существовать дополнительная

---

[1] См.: Керимов Д.А. Методология права. М., 2003. С. 197.

логическая линия — взаимосвязь компонентов системы. Выполнение этого требования достигается наличием такого внутреннего признака структуры правовой культуры, как «сознательная человеческая деятельность», выраженная в соответствующих компонентах правовой культуры. Данный подход означает, что правовая культура включает в себя не только онтологический и гносеологический компоненты, но и праксиологический и аксиологический аспекты, поскольку ценность как таковая имеет определенный смысл только в практической деятельности людей и их объединений[1].

Основным признаком структуры правовой культуры является существование как разноуровневых взаимообратных связей внутри нее, так и наличие связей компонентов и самой правовой культуры как целого с обществом. Это еще раз подчеркивает, что правовая культура, будучи функциональной, представляет собой открытую систему, имеющую различное содержание и движущуюся по разнообразным каналам взаимодействия с обществом.

Глубокое понимание правовых явлений требует разработки новых методологических подходов в их познании. Профессор В.П. Сальников предлагает системно-детерминационный анализ, при котором внутрисистемные причины развития и внешние детерминирующие воздействия — факторы внешней среды — должны быть рассмотрены в комплексе как единая целостность[2].

Правовая культура и право как таковое, будучи сложноорганизованными системами, не являются обособленными социальными объектами, они находятся в постоянном взаимодействии на каждом историческом этапе развития, как части целого, составляют *единство* в структуре социальной реальности и в союзе с государством выполняют роль главных факторов в динамической стабильности общества. Поэтому формирование системно-структурного целостного образа правовой реальности — правовой картины мира — может быть достигнуто только посредством выявления сущностных и устойчивых связей, их особенностей, всестороннего исследования влияния не только внутригосударственных процессов, но и всего многообразия общемировых интеграционных явлений, в ходе которых между ними

---

[1] См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность / в кн.: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов, Г.Г. Пирогов и др. Т. 4. Век глобальных трансформаций / отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. М.: Мысль, 2004. С. 334.

[2] См.: Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Фонд «Университет», 2005 (Сер. Наука и общество).

объективно возникают определенные отношения, представляющие в общетеоретическом плане соотнесение их сущностей.

Поэтому выяснение состава и структуры социальных систем, как и систем вообще, является значимой задачей науки, особенно в условиях быстро меняющейся системы общественных отношений, революционных инноваций в технологическом укладе общества. В связи с этим сделаем отдельные замечания, относящиеся к структурному составу правовой культуры.

Во-первых, культура в общепринятом смысле представляет собой совокупность всех материальных и духовных достижений человека, выступающего в качестве объединяющей идеи, целетворящей и целереализующей активности целостного набора сознательных индивидов, абстрагируясь от индивидуально-субъективных качеств отдельных из них. При таком подходе правовая культура связана логически с феноменом культуры родовидовыми отношениями и, обладая специфическими свойствами, характерными для нее, несет в себе все качества культуры как целого.

Во-вторых. При расширительном толковании правовой культуры в качестве культурных явлений больших общностей людей, всего общества правовая система последнего должна рассматриваться как ее составной компонент, а не наоборот. Такое утверждение основывается на том, что ядром, системообразующим фактором правовой культуры предстает позитивное право в форме закона, санкционированного государством. Более того, в праве важным элементом культуры являются органическое единство прав и обязанностей человека и институт принуждения, принадлежащий только государству. Эти моменты правовой культуры составляют необходимые элементы самой правовой системы общества.

В-третьих. В функционировании права важное место занимает феномен правового сознания общества. Вместе с тем правовое сознание, высшим носителем которого является человечество в качестве гносеологического субъекта, может возникать и развиваться только вместе с правом, системой права как части правовой реальности. Уместно полагать, что рассмотрение правосознания главным компонентом правовой культуры, когда правовая система как целое предстает элементом внешней среды, допустимо лишь при характеристике объективно-субъективной правовой культуры как отдельного конкретного человека. И в этом случае право выступает внешним фактором наряду с иными социальными условиями. Очевидно, что тогда нарушается относительно независимое существование правовой культуры личности, так как право есть ее главный детерминант и содержание правовой культуры.

В-четвертых. Компоненты любой функциональной системы всегда взаимосвязаны и в известной мере взаимообусловлены. Составляя совокупность однородных явлений и предметов, они входят в сложные переплетения между собой. Однако, имея *общее* некоторое ядро, они сохраняют свои единичные качества.

В интегративных системах, которыми по существу являются системы функциональные, компоненты системы за счет внутренних связей приобретают новые качества и поднимаются до уровня *особенного,* вследствие чего возникает взаимосвязь *единичного* и *всеобщего*.

Сказанное всецело относится и к правовой культуре, рассматриваемой категориально как *всеобщее* — объективно-субъективной социальной целостности, качество которой существенно обогащено вследствие кооперативных взаимодействий ее составных частей.

В-пятых. В качестве компонента правовой культуры было введено явление, названное Р. Иерингом правовым чувством, играющим важную роль в практическом осуществлении права. Согласно его теории действие этого чувства имеет односторонний характер: каждый должен бороться за осуществление своих субъективных прав, значит, есть действующее «*Я*», но нет «*Другого*». Объективное содержание этого понятия было дано известным российским юристом — теоретиком права Г.Ф. Шершеневичем. Он ввел и раскрыл понятие «чувство законности». «Чувством законности, — писал Г.Ф. Шершеневич, — называется побуждение соблюдать установленные законы, т.е. общие правила поведения, не сообразуясь с конкретными условиями их применения»[1]. Чувство законности он выражает следующими формулами: 1) «не нарушай чужого права»; 2) «не допускай нарушения своего права»[2].

Таким образом, можно заключить, что структурный подход к изучению (метод структурного анализа) социальных явлений имеет важное значение и позволяет установить единство и целостность, субстанциональную и логическую связь между компонентами правовой культуры.

Главным составляющим системной теории в рамках рассматриваемого подхода выступает структурно-функциональный анализ, основанный на определении любой системы как структурно организованного целого, компоненты которого органически взаимосвязаны, пересекаются между собой, обеспечивают исполнение функцио-

---

1 Шершеневич Г.Ф. Избранное / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. С. 454.

2 Там же. С. 458.

нальной роли системы. Наличие обратных связей между компонентами правовой системы рождает новые интегральные качества системы в целом во взаимодействии с внешней средой и определяет всю полноту ее действия.

Логика развития общества на каждом историческом этапе с неизбежностью ставит проблему философского и политико-правового осмысления общественных отношений как сложного многоуровневого переплетения материального и духовного бытия человека. Эта проблема приобретает особую значимость в условиях, когда коренные изменения общественных отношений, ломка традиционного уклада жизни вызывают существенные трансформации сферы культуры, в том числе правовой.

Сегодня мир испытывает многоплановые глобальные изменения. Одним из важных факторов таких изменений является стремительное внедрение в практику конвергентных технологий, которые активно и открыто воспринимаются в обществе. Широкое использование новых технологий и смена технологического уклада оказывают сильное воздействие не только на экономическую сферу, но и на традиционные ценностные ориентиры, которые во многом определяют динамику правового поведения личности.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и возникновение виртуальной реальности, где реализуется значительная часть социальных взаимодействий, нарушают существующие способы передачи ценностей и моделей поведения новому поколению.

В юридической науке высказываются опасения, что изменения, инициированные современными технологиями, неизбежно приведут к трансформациям в праве, возможно, к смене господствующих моделей правового регулирования. Очевидно, что и правовая культура, будучи элементом такой модели, подвергается влиянию новых, ранее неизвестных вызовов. Технологизация общественных отношений, выражающаяся на современном этапе прежде всего в их цифровизации, детерминирует векторы модификации правовой культуры, в том числе связанные с психологическими механизмами социального и правового взаимодействия. Процессы в информационно-коммуникационной сети неминуемо сказываются на восприятии правовых ценностей как фундамента правовой культуры.

Следует признать, что в процессе цифровизации сложившаяся в обществе система ценностей, в том числе ценностей права, проходит проверку на прочность. Вместе с тем в условиях внутренне дифференцированного общества она позволяет поддерживать сложную, но целостную картину мира, создавать своего рода общенациональ-

ные ориентиры, которые, в свою очередь, интегрируют действия различных социальных групп, имеющих зачастую конкурирующие интересы.

Возникает вопрос о том, что происходит с сущностными характеристиками правовой культуры в условиях стремительного научно-технического развития, усиления зависимости общества и государства от его результатов. В связи с этим исследование закономерностей, которые проявляются при переходе к постиндустриальному обществу и отражаются на правовой культуре, предполагает рассмотрение динамики правовой культуры в период формирования общества нового типа с последующей разработкой подходов к ее пониманию, определению структуры и социальной обусловленности.

Правовая культура как явление характеризует динамику социальной реальности, духовно-нравственное развитие общества и устанавливает действенность и эффективность его правовой системы. Ее особенности определяются спецификой конкретного социума и менталитетом его членов. Общество, как и существующая в нем правовая система, активно взаимодействуют с окружающей средой, обмениваются информацией, нормами и опытом. При этом культура в целом реализует функцию социальной адаптации, имеет выраженное аксиологическое значение.

Правовая культура соответственно неразрывно связана с правовыми ценностями. Она показывает тесную взаимосвязь личности и ее правового статуса, общества и его правовой системы, государства и принимаемого им законодательства, формируемой им модели правоприменения. Фактически правовая культура объединяет в единую целостность правовую систему общества, правопонимание, правовой статус личности и деятельность государства в сфере права.

Существующая в современном обществе правовая культура, сформированная в течение длительного времени под воздействием процессов передачи юридического опыта от одного поколения к другому, оказалась перед лицом нового технологического вызова, трансформирующего модель общественных отношений и меняющего коллективное и индивидуальное правосознание. Иными словами, состояние правовой культуры прослеживается на фоне социальных изменений, которые приобретают перманентный характер в связи с увеличением интенсивности текущих событий, информационных потоков и технологических нововведений.

Современный многополярный мир развивается стремительными темпами, что свидетельствует об ускорении социального времени. Это связано с тем, что в настоящее время наблюдаются трансформация социальных отношений, нарастающая дифференциация и

усложнение государственных структур, организаций гражданского общества, иных общественных учреждений.

Россия, встав на путь нового качественного развития в условиях происходящей регионализации общественных отношений, находится перед выбором направления развития права, укрепления государственной власти, поиска справедливого общественного порядка. Научно-теоретический интерес к проблеме эффективности развития современного права обусловлен выбором средств оптимизации правовой сферы, прогнозированием возможных последствий принятия тех или иных законодательных актов, стратегий и государственных программ, нацеленных в конечном счете на повышение благосостояния народа.

Современная тенденция переосмысления оснований социального начинается с осознания того, чем является социальная реальность, существует ли она или представляет собой конструктор.

Выяснение структуры социального бытия, выделение отдельных сфер и областей, таких как экономика, наука, политика и т.д., — всего лишь гносеологическая процедура понимания и изучения сущности социальной реальности, которая есть органическая, целостная система. Понимание социальной реальности, представляющей собой понятие гуманитарной науки, может быть достигнуто лишь в рамках феноменологического подхода, то есть требует поиска ее смысла.

Правовые воззрения на мир существуют в исторически обусловленных формах различных учений, теорий и концепций, общечеловеческих принципов практики и норм морали в сфере материальных и духовных отношений, общественного и государственного управления, объемлющих все когнитивно-практические мировоззренческие системы, которые имеют своим содержательным моментом устойчивое функционирование общества и государства как сущего и должного.

Специфическая особенность юриспруденции как историко-герменевтической науки состоит в том, что познание правовых феноменов и текстов достигается путем понимания и разъяснения смысла в соответствии с методами и правилами герменевтики. Критический анализ возможных теорий и концепций осуществляется толкованием текстов, приобретающим первостепенное значение при практической реализации права.

Понятие цели является универсальной категорией философии и означает устремление субъекта на определенную реальную вещь, а также завершающий результат, на который сознательно направлен процесс. Это понятие неразрывно связано с осуществлением деятельности субъекта и представляет собой предвосхищение в мыслитель-

ном процессе результатов его деятельности и пути их реализации. При этом главные мотивы действий человека, основанные на рефлексированных потребностях и перешедшие в цели, детерминируют его деятельность, организуя ее в определенную, последовательную систему. Поэтому вполне обоснованно рассматривать цели в качестве одного из основных факторов, движущих сил становления реальности в немецкой классической философии.

Процесс разработки целей субъектом основан на целесообразности тех или иных действий, приводящих к заранее ожидаемым результатам, иначе говоря, к соответствию вполне завершенных состояний ментально предполагаемой их модели. Следовательно, целесообразность может быть рассмотрена, во-первых, как имманентная характеристика внутренне присущих взаимодействий объекта *самого по себе и,* во-вторых, как отношение между объектом и субъектом. В марксизме понятие целесообразности предполагает целеполагание в качестве сущностного элемента мыслительного процесса и предметно-продуктивного труда, объемлющего собой духовную и творчески преобразующую формы деятельности.

Категория цели в ее соотнесении с правом как социальным феноменом выступает в двух аспектах.

Во-первых, она может быть рассмотрена как «цель в праве», когда в соответствии с лингвистическими нормами понятие цели, получившее конкретное содержание и свою конкретную действительность, становится внутренним атрибутом права, направленным на понимание связей и отношений его элементов, их смыслов, а также тенденций развития правовой системы в ее социально-исторической обусловленности.

Во-вторых, категория цели может быть соотнесена с внешним проявлением права в контексте регулируемых им общественных отношений, характеризующих право в качестве одного из функциональных элементов, организующих и направляющих общественную жизнь. В этом случае цель, заложенная в содержании нормативных правовых документов и главным образом дающая качественную определенность той или иной правовой системы, служит исходным критерием действительности и действенности социального предназначения права. Тогда уместно говорить о «цели права» в духе позитивизма Р. Иеринга в осуществлении права.

Необходимо сделать следующее замечание. В отечественной юриспруденции широко используется понятие цели в праве в строгом смысле. При этом делается акцент не на онтологической сущности права, а на его функциональной роли. При этом главной целью в праве обозначается его практическое осуществление, исполнение

требований нормативных правовых актов. По сути подобная трактовка определяет установку, заложенную законодателем в нормативный правовой акт, предполагающий достижение конкретного социально значимого результата в совершенствовании определенной сферы общественных отношений. Такое понимание правовой цели характерно для судебных органов при телеологическом толковании права для уяснения смысла правовой нормы[1].

Разработка и реализация стратегических направлений развития государства, постановка конкретных целей и их осуществление в интересах государства и общества существенно детерминируются уровнем развития политико-правовой, социально-экономической и духовной культуры и в границах действия права определяют потенциал культурно-правового воздействия на создание новой социальной реальности.

Культурно-нравственное единство человеческого рода проявляется в стремлении народов к тому, чтобы их внешняя политика отражала моральные ценности, которые и в этой сфере подлежат поддержке государством. Однако ввиду принципиальной невозможности принятия единой шкалы измерений в теории моральных ценностей, рассуждения о них приобретают абстрактный характер и свойственную для Запада маскировку истинных интересов и целей.

Международная политика государства призвана защищать политические, экономические, духовные, языковые и т.д. интересы народа, т.е. должна быть эффективной именно с точки зрения реализации государственных интересов на международной арене. В рамках геополитики международное право самым тесным образом связано с политикой и интересами суверенных государств, что служит причиной противопоставления морали и международного права. Однако такая точка зрения не может быть полностью обоснованной, так как одним из важным источников права является обычай, который своим происхождением обязан сфере морали и нравственности.

Сведение оснований этого обычая международного общения к принципу самосохранения было бы вульгаризацией идей дарвинизма и отрицания социальной и нравственной сущности человека. Во внутригосударственном праве наличие нравственных оснований права — общепризнанной факт. Согласно учению Э. Канта, внутригосударственное и международное право являют собой части единого целого — системы права. Поэтому государство находит свое право

---

[1] Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства / Т.Я. Хабриева. М.: Российская академия наук, 2018.

не в абстрактном, а в конкретном существовании, а морализаторский подход не может служить принципом его деятельности. Взгляд о мнимом неправе в отмеченном противопоставлении «покоится преимущественно на поверхности представлений о моральности, о природе государства и его отношении к моральной точке зрения»[1].

В условиях развернувшейся гибридной войны Запада против России возникает настоятельная необходимость разработки теории государственного интереса и выработки научно-обоснованных государственных интересов.

В настоящее время все большую актуальность приобретает деятельность России и дружественных государств по сохранению статуса Устава ООН и других основополагающих международно-правовых актов — международного права в целом, вызванная унилитаристскими действиями прежде всего США после распада Советского Союза и Варшавского договора. Е.М. Примаков отмечал: «Право вето, обладанием которым могут воспользоваться постоянные члены Совета безопасности ООН, безусловно, затрудняет осуществление американского гегемонизма. Но в таких условиях США делают ставку на Северо-Атлантический союз в качестве альтернативы ООН. НАТО практически перестало быть региональной организацией в Европе — она распространяет свои действия далеко за ее пределы»[2].

Действия Запада подрывают основы международного права и мирового порядка, установленные после Второй мировой войны.

Таким образом, признание каждым национальным государством ценностей и идеалов, закрепленных в общепризнанных принципах и нормах международного права, создание нормативных и институциональных механизмов их реализации на внутригосударственном уровне служат основой для осуществления «диалога цивилизаций» и установления справедливых международных отношений между всеми государствами в соответствии с основополагающими принципами международного права.

Важнейшими элементами правовой культуры, нацеленной на будущее, являются повышение уровня правового сознания и укрепление государственно-правовой идентичности личности. Идентичность личности есть процесс и является результатом динамического взаимодействия человека с государством, воспринимаемым им не как нечто абстрактно-теоретизирование, а как конкретную институ-

---

1 Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц, авт. вступит. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. С. 368.

2 Примаков Е.Н. Россия. Надежды и тревоги / Евгений Примаков. М.: ЗАО Изд. Центрполиграф, 2015. С. 142–143.

ционализированную систему органов государства. Взаимодействие личности с государством всегда вовлекает в этот процесс многообразные структуры гражданского общества. Поэтому в понятийном аппарате последнее должно рассматриваться в качестве среднего термина между понятиями личности и государства. Гражданское общество как система общественных институтов, которая согласно марксистскому учению, к примеру, охватывает сферы материальной, экономической и духовной деятельности людей, является важным каналом воздействия на идентичность личности, ее формирование и развитие.

Государственно-правовая идентичность личности является сложноструктурированной многоуровневой системой, состоящей из двух общезначимых подсистем: объективное социально-политическое бытие гражданина в системе его прав и обязанностей, регулируемой прежде всего правовой системой, находящей свое концентрированное выражение в конституции страны; субъективный, единичный элемент, представляющий собой оценивающее восприятие реальности, рассматриваемое как процесс и как результат. Тем самым, идентичность личности становится связанной с потребностями и значимыми интересами человека: «...момент субъективной единичности и ее деятельности, — пишет Гегель, — это и есть интерес»[1].

Идентичность человека, будучи единичностью, выступает качественным признаком индивида, формируется и развивается в процессе становления личности. Однако чувства человека, его сознание и самосознание, а также идентичность культурно-исторически обусловлены и представляют собой явления социальные. Основанием такой объективизации выступают человеческое общение и совместная деятельность[2].

Понимание государственно-правовой идентичности происходит только при целостном подходе к политико-правовым, социально-экономическим и духовным феноменам, в целом — к культуре в ее расширительном толковании. Однако определение этой целостности в известной мере носит неоднозначный характер, и поэтому государственно-правовая идентичность может быть рассмотрена как *часть* явления идентичности в качестве *целого*, т.е. оставаться в рамках правового познания действительности. С одной стороны, само правовое явление может быть включено в более широкую, социальную

---

1 Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1 / сост.; общ. ред. и вступит. ст. А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1972. С. 34.

2 См.: Лекторский А.В. Человек и культура. Избранные статьи. СПБ.: СПбГУП, 2018. С. 245.

действительность, становясь элементом социологического познания общества.

Одним из важных моментов государственно-правовой идентификации личности является уровень ее культуры.

На самом деле мы сегодня находимся в ситуации, подобно той, когда благодаря открытиям эпохи Просвещения в области естественных наук и техники, рационализации государственного управления в середине XVIII в. общественное сознание общего прогресса достигло своей вершины. Однако тогда Руссо выступил против этой всеобщей восторженной удовлетворенности, а именно в 1749 г. в своем труде на вопрос о том, способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, ответил, что оно их испортило. С тех пор началась критика культуры и прогресса, продолжающаяся и в настоящее время.

В заключение отметим, что появление новых средств производства и новых технологий не новшество. Они сопровождали человека в длительном пути цивилизационного развития в течение тысячелетий и становились все интенсивнее в ходе накопления знаний и создания более совершенных средств производства, повышения качества и производительности труда для удовлетворения растущих потребностей и новых интересов. Развитие производительных сил, материальной и духовной культуры, включая правовую культуру, представляло собой единый процесс становления общества. При этом трудно отрицать роль культуры в совершенствовании общественных отношений как важнейшего признака исторически существующей социально-правовой реальности. Важным моментом в понимании роли правовой культуры в создании нового социального мира в его правовом измерении является глубокое осознание того, что будущее коренится в прошлом, в органическом единстве традиций и новаций. При этом требуется широкий историко-диалектический подход к социологическому видению мира правового бытия человека в социуме, охватывающего сферу правового регулирования социальных взаимодействий субъектов деятельности во взаимосвязи с прогнозом развития не только политики и права, но и естественных, технических наук и технологий.

Глава 2
ТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРАВА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПОЗНАНИЯ И РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

§ 1. ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

Раскрывая творческую роль права[1] в виртуальном пространстве, определяя новые горизонты познания и регулирующего воздействия[2], необходимо выявить и рассмотреть тенденции цифровизации[3], характерные для России.

Цифровизация осуществляется в нашей стране[4] уже не первый год, охватывая различные сферы жизни общества[5].

---

1 Возможность формирования новой реальности возникает в силу наличия у права стимулирующего потенциала и способности организовывать общественное устройство. См.: Тихомиров Ю.А. Субъекты и их интересы в правовом пространстве // Государство и право. 2022. № 7. С. 9.

2 Для эффективной реализации регулирующего воздействия, осуществления в его результате целенаправленного преобразования необходимо знать соответствующий объект. См.: Черепахин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск, 1926. С. 22.

3 В юридической литературе нередко этот феномен рассматривается в качестве самостоятельной тенденции, определяющей генезис права как науки, нормативного массива, учебной дисциплины, а также его отдельных структурных элементов. См., например: Доронина Н.Г. Унификация правового регулирования трансграничных сделок на примере соглашений о государственно-частном партнерстве // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 37; Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М., 2022. С. 19, 28, 29, 31, 40 и др.

4 Процесс охватил многие страны, включая Россию. См.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М.: Проспект, 2023. С. 72.

5 Институтом был проведен ряд исследований различных этапов, сфер и направлений цифровизации. См., например: Путило Н.В., Волкова Н.С., Глазырин Т.С., Цомартова Ф.В. Информационные технологии в сфере охраны здоровья: науч.-практ. комментарий к Федеральному закону от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоро-

Ее влияние ощутимо как в области частных[1], так и публичных отношений[2].

Считается, что вначале наиболее бурно процессы цифровизации протекали в электронной торговле и в области финансов[3]. Так, например, к ключевым тенденциям цифровизации в финансовом секторе экономики России принято относить[4]: 1) внедрение цифровых технологий в банковской сфере; 2) формирование «цифровых банков»; 3) появление на финансовых рынках бигтех-компаний; 4) рост доступности финансовых услуг (кредитных и частного инвестирования); 5) стирание границ между банковской и небанковской деятельностью, в том числе в результате появления экосистем; 6) переход к платформенной экономике.

вья» / отв. ред. Н.В. Путило. М., 2019; Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021; Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах: науч.-практ. пособие / Т.И. Чурсина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, Н.Ю. Трещетенкова; отв. ред. А.Н. Пилипенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021; Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: науч.-практ. пособие / С.А. Синицын. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2020; Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М., 2019; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019; Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2019.

1 См., например: Синицын С.А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 12; Емельянцев В.П. Цифровизация экономики и ее влияние на реновацию институтов гражданского права // Журнал российского права. 2021. № 11. С.51. В литературе особо обращается внимание на процессы цифровизации имущественной сферы. См.: Увакина Т.В. Электронная акция как иллюстрация тенденции цифровизации имущества в современном российском законодательстве // Гражданское право. 2019. № 3. С. 13–16.

2 См., например: Омелёхина Н.В. Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 138; Кабытов П.П., Стародубова О.Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 124.

3 См.: Артамонова Л.Н. Основные тенденции цифровизации экономики России в современных условиях // Modern Economy Success. 2022. № 3. С. 121.

4 Там же. С. 118.

В публичной сфере цифровая трансформация[1] охватывает практически все области государственного и муниципального управления, поэтому в результате ее осуществления ожидается рост эффективности использования информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти и государственных внебюджетных фондов.

Законодательно соответствующий термин («цифровая трансформация») не определен, но в подзаконных актах под ним понимается совокупность осуществляемых государственным органом действий, нацеленных на изменение (трансформацию) государственного управления посредством предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий[2]. Подобные процессы направлены на достижение нескольких целей. Центральное место среди них отводится росту уровня удовлетворенности людей государственными услугами, в том числе предоставляемыми в цифровой форме. Также значимым считается снижение издержек бизнеса при взаимодействии с государством и издержек государственного управления, отраслей экономики и социальной сферы. Одновременно цифровая трансформация должна способствовать формированию условий для повышения собираемости доходов и роста легального сектора экономики.

С технологической точки зрения необходимо повышение уровня надежности и безопасности информационных систем, технологической независимости информационно-технологической инфраструктуры от оборудования и программного обеспечения, сохранение уровня надежности и безопасности информационных систем, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, устранение избыточной административной нагрузки на подконтрольные субъекты в рамках контрольной (надзорной) деятельности.

В России к областям экономики и общественной жизни, в которых цифровизация призвана способствовать достижению национальных

---

[1] Цифровая трансформация была отнесена к национальным целям развития России на долгосрочный период (до 2030 г.). См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

[2] См.: Пункты 2 и 16 Положения о ведомственных программах цифровой трансформации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. III). Ст. 6612.

целей развития[1], отнесены деятельность органов власти, промышленность, строительство (в том числе государственный строительный надзор), рынок ипотеки, благоустройство (городское хозяйство), здравоохранение, образование и подготовка кадров. По всем перечисленным направлениям цифровизация осуществляется на соответствующих уровнях публичной власти, а также в частной сфере.

Внимание к процессам технологической трансформации общества и их результатам проявляют представители различных отраслей науки. В связи с этим тенденции цифровизации выступают в роли не только самостоятельного предмета исследования, но и одного из его значимых элементов. Определенная часть исследований сконцентрирована на процессах цифровизации в России, причем затрагиваться могут почти все сферы экономики (например, финансовой, отдельных отраслей промышленности, строительства, здравоохранения, сельского хозяйства, животноводства, рыболовства и аквакультуры).

В юридической литературе к тенденциям цифровизации в сфере публичного управления[2] России относят полный переход к электронному виду совершения отдельных административных действий[3], в правосудии — осуществление процессуальных действий с использованием специализированных государственных информационных ресурсов — платформ[4], в правотворчестве[5] — применение при проектировании нормативных правовых актов специальной государст-

---

1 Например, цифровизация деятельности по управлению человеческими ресурсами рассматривается также в качестве меры по снижению вероятности и влияния социального риска острого дефицита квалифицированных кадров. См.: Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и план мероприятий по ее реализации, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р // СЗ РФ. 2023. № 27. Ст. 5055.

2 О зарубежном опыте в этой сфере см., например: Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах. С. 221.

3 См.: Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 36.

4 См.: Харитонова Ю.С. Платформизация правосудия: опыт Китая и будущее судебных систем мира // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 3–11.

5 В литературе обращается внимание на изменение роли права в процессе цифровизации, поскольку из средства оно трансформируется в объект воздействия. См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2019.

венной информационной системы, позволяющей повысить эффективность взаимодействия участников процесса, в том числе за счет работы в едином облачном пространстве, автоматического формирования проектов документов, таблиц разногласий и др.

Так, например, в рамках федерального проекта «Цифровое управление» была разработана федеральная государственная информационная система «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений» (платформа «Нормотворчество»)[1]. Соответствующий информационный ресурс предполагает ограничение круга лиц, имеющих к нему доступ. Планируется, что в 2025 г. половина правовых актов будет создаваться в электронной форме с использованием этой системы[2].

Таким образом, общей является тенденция создания специализированных государственных информационных ресурсов, способствующих повышению эффективности государственного управления (принятию обоснованных и объективных решений).

С технологической точки зрения основными трендами в цифровизации признаются низкокодовые платформы, рост миграции в облака, искусственный интеллект и машинное обучение, интеллектуальный поиск, автоматизация, увеличение инвестиций в блокчейн, виртуальные бизнес-коллаборации, платформы данных пользователей, подход «все как сервис»[3]. Характерны они и для России.

В то же время в последние годы в отечественной цифровизации сформировались следующие специфические тенденции: 1) импортозамещение; 2) создание новой социальной и технологической реальности; 3) активная роль государства; 4) многомерность (федеральный, региональный и муниципальный уровни); 5) охват социальной сферы.

---

1 См.: Ведомственная программа цифровой трансформации (ВПЦТ_2022–2024), утвержденная Министерством экономического развития Российской Федерации. URL: https://portal.eskigov.ru

2 Следует отметить, что аналогичная система согласования документов уже создана и функционирует в Москве. См.: Постановление Правительства Москвы от 25 сентября 2019 г. № 1239-ПП «Об автоматизированной информационной системе «Согласование документов» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2019. № 55.

3 Предоставление доступа малому и среднему бизнесу к этой технологии (к экосистемам крупного бизнеса) в литературе относят к инструментарию мер по оказанию возможной поддержки публичным субъектом. См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М.: ИЗиСП, НОРМА, 2022. С. 226.

Среди недавно проявившихся трендов можно выделить: упрощение доступа к поддержке, реализуемой публичными субъектами для частных в процессе цифровизации[1]; постоянная адаптация ее инструментария к потребностям получателей для решения задач технологического развития[2]; технологический суверенитет (ориентация на технологическую независимость[3]); широкое внедрение технологий искусственного интеллекта[4]. Все эти тренды учитываются при предоставлении мер государственной поддержки. Особое внимание уделяется последней из названных технологий (искусственному интеллекту). Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2023 г. № 962[5] эта технология в целях предоставления субсидий из федерального бюджета АНО «Центр поддержки инжиниринга и инноваций» для создания инструментов доработки под требования крупных корпораций продукции технологических компаний была поставлена на первое место в перечне приоритетных[6].

На темпы цифровизации промышленных предприятий оказала существенное влияние пандемия, во время которой с некоторым

---

1 Содействовать этому призваны цифровые паспорта предприятий согласно проекту обновленной Стратегии цифровой трансформации обрабатывающей промышленности. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6162035?from=glavnoe_2

2 Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р, предусматривает внедрение принципов клиентоцентричности и упрощения администрирования мер поддержки на основе цифровизации процессов при инвентаризации и последующей перекомпоновке инструментов, технологическим инновациям. // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

3 В рамках реализации дорожной карты по направлению «Новое индустриальное программное обеспечение» предполагается рост к 2030 г. индекса технологической независимости в области программного обеспечения в промышленности почти в два раза с — 47,8% до 82,1%. См.: URL: https://www.cnews.ru/articles/2023-03-03_na_sozdanie_v_rossii_novogo_industrialnogo

4 Созданию, внедрению и использованию соответствующих технологий ученые и практики уделяют значительное внимание. В частности, в июне 2023 г. на Всемирном конгрессе «Теория систем, алгебраическая биология, искусственный интеллект: математические основы и приложения» был представлен пленарный доклад Т.Я. Хабриевой «Искусственный интеллект в координатах права», также Институтом была проведена секция «Право и искусственный интеллект» в рамках Конгресса, организованного Российской академией наук совместно с иностранными академиями наук, отечественными и зарубежными университетами и институтами. См.: URL: https://izak.ru/institute/events/t-ya-khabrieva-vystupila-s-plenarnym-dokladom-na-vsemirnom-kongresse-teoriya-sistem-algebraicheskaya/?sphrase_id=31127.

5 СЗ РФ. 2023. № 24. Ст. 4350.

6 См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 марта 2022 г. № 392 // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1875.

запаздыванием резко увеличилась динамика взаимодействия не только с поставщиками и партнерам, но и с потребителями, включая физических лиц, посредством ИКТ[1]. В то же время сохраняются различия в доле расходов на Интернет и соответствующую рекламу в общем объеме расходов предприятий в сфере услуг и в промышленности, у первой группы они значительнее[2].

Соответственно, возросла потребность в обеспечении гарантий реализации конституционных прав и соблюдении баланса частных и публичных интересов при регулировании подобных взаимодействий на законодательном и подзаконном уровнях, в том числе на уровне локальных нормативных актов. Побуждает к этому и складывающаяся судебная практика распределения рисков от некорректной работы применяемых организациями сервисов для взаимодействия с потребителями (включая технологические сбои)[3].

Следует также учитывать, что в отечественной общественной системе в ряде отраслей проявлялись мировые тренды, например в строительной (внедрение цифровых решений в управление строительством и эксплуатацию зданий и сооружений[4]).

За последние годы на формирование и изменение тенденций цифровизации в России оказали влияние некоторые факторы, среди которых прежде всего стоит отметить критические ситуации (пандемия COVID-19[5], обострившееся геополитическое противостояние

---

1 См.: Спицына Л.Ю., Грибанова Е.Б., Спицын В.В. Цифровой капитал российских предприятий: тенденции развития в условиях цифровизации экономии и пандемии коронавируса // Вестник университета. 2022. № 2. С. 160.

2 См.: Спицына Л.Ю. Цифровой капитал и его влияние на развитие предприятий в условиях санкций и пандемии: эконометрическое моделирование. НИР: грант № 22-28-01795. Российский научный фонд. 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-otnosheniy-s-klientami-promyshlennyh-predpriyatiy-rossii-tendentsii-i-zakonomernosti-razvitiya.

3 См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4// URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2258070

4 См.: Цифровизация в строительстве. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0._%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_TAdviser_2023

5 На данную особенность влияния пандемии на процесс цифровизации обращают внимание не только исследователи. Она нашла отражение и в документах программного характера, например в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р. // СПС «КонсультантПлюс».

США и Китая, повлекшее беспрецедентное санкционное давление в финансовой и технологической сферах).

Импортозамещение как тренд в немалой степени было обусловлено уходом с российского рынка иностранных разработчиков программного обеспечения и поставщиков соответствующего оборудования. На этот процесс оказало влияние принятие государством ряда неотложных мер, направленных на обеспечение суверенитета и безопасности, прекращение использования иностранной продукции на внутреннем рынке (например, запрет закупки и использования зарубежного программного обеспечения в целях применения его в критической инфраструктуре, продолжают вводиться ограничения по использованию в служебной деятельности технических средств определенных зарубежных производителей), стимулирование разработки и внедрения отечественного программного обеспечения.

Для успешной реализации импортозамещения в цифровизации необходимо наличие отечественной технической платформы, которая будет технологически независима. Соответствующая «операционная система должна развиваться на основе независимого репозитория, находящегося в российской юрисдикции, а процессор — создаваться на основе архитектуры, интеллектуальная собственность на которую принадлежит»[1] находящимся в России российским юридическим лицам, причем их контроль должен осуществляться без иностранного участия. Последнее существенно, поскольку в противном случае не гарантируется независимость в управлении и распоряжении названным имуществом.

С точки зрения анализа нормативной базы можно отметить, что сохраняется множественность актов и содержащихся в них норм, их противоречивость, что существенно снижает эффективность правового воздействия в процессе внедрения цифровизации, а порою и тормозит его. Необходима ревизия и упорядочение массива во избежание противоречий между нормами и для обеспечения целостного системного подхода.

В частности, результаты проведенного Счетной палатой Российской Федерации в 2022 г. анализа цифровизации в различных сферах[2]

---

[1] URL: https://iz.ru/1453650/valerii-kodachigov/karta-bitov-promyshlennost-khotiat-na-90-perevesti-na-rossiiskii-soft

[2] См.: Выступление Галины Изотовой на пленарном заседании Госдумы с отчетом о работе СП РФ 16 марта 2023 г. URL: https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-galiny-izotovoy-na-plenarnom-zasedanii-gosdumy-s-otchetom-o-rabote-sp-rf-?highlight-search-result=%D0%A6%D0%98%D0%A4%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6

свидетельствуют, что «большинство процессов не оптимизированы», присутствует значительная региональная вариативность.

В сфере образования Счетной палатой Российской Федерации была выявлена потребность в единой отраслевой стратегии развития и дополнении федерального проекта «Цифровая образовательная среда», в котором бы получили отражение показатели «уровня цифровой квалификации педагогов» и соответствующие результаты[1]. Анализ информационных систем большинства федеральных ведомств[2] позволил органу парламентского контроля выявить технологическую и архитектурную разобщенность государственных информационных систем, обособленность и противоречивость содержащихся в них сведений. Все это препятствует их использованию в государственном управлении при принятии решений, а также тормозит синхронизацию планов развития и интеграции[3].

Система распределенного реестра согласно Концепции технологического развития на период до 2030 года относится к сквозным технологиям, активно используется для обеспечения достоверности информации о товаре, работе, услуге посредством прослеживания его жизненного цикла[4]. В публичном управлении наряду с позитивными эффектами от ее применения возникает ряд рисков[5], нивелировать которые призвано право.

В аграрной сфере к перспективным цифровым технологиям относят, например, управление фермами, переработкой и логистикой, платформы электронной коммерции[6]. Можно добавить, что

---

1 Там же.

2 Было проанализировано 1100 систем 67 ведомств.

3 См.: Выступление Галины Изотовой на пленарном заседании Госдумы с отчетом о работе СП РФ 16 марта 2023 г.

4 В том числе предполагается их использование для сокращения и ликвидации серого сегмента рынка семян, одновременно реализация предлагаемой меры должна позволить повысить урожайность культур и их сбор. См.: URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%A2_%D0%B2_%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BC_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

5 В частности, это риски необеспечения сохранности персональных данных и роста конфликтности отношений на этапе внедрения технологии. См., например: Талапина Э.В. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного управления. 2020. № 3. С. 108–109.

6 URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%A2_%D0%B2_%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%B

и многие иные современные технологии, не являющиеся цифровыми, базируются и презюмируют применение цифровых продуктов в процессе своей реализации (например, биоэнергетика и биоматериалы, роботы и робототехника, инновационное продовольствие). Право создает предпосылки для развития технологий, посредством определения мер поддержки и стимулов концентрирует ресурсы общества для совершенствования конкретных сегментов, тем самым влияя на востребованность отдельных продуктов и технологий.

Если обратиться к цифровизации на региональном уровне, то в результате анализа можно обнаружить: охват в той или иной степени всех субъектов Российской Федерации, включая новые; разные темпы, степень и глубину вовлеченности в него сфер и областей; вариативность подходов с учетом участия отдельных субъектов в экспериментальных режимах в сфере цифровых инноваций[1]; реализацию пилотных проектов в некоторых регионах с поддержкой со стороны Федерации.

При выработке региональных стратегий и подходов субъекты Российской Федерации учитывают не только федеральный опыт цифровизации, но и опыт других субъектов Российской Федерации. Например, в Концепции развития региональной платформы Липецкой области на 2023–2027 годы непосредственно упоминается опыт Москвы[2].

Одновременно происходят определенная унификация подходов на региональном уровне, интеграция и консолидация региональных цифровых решений, поскольку субъекты Российской Федерации осуществляют перевод своих информационных систем на единую платформу «ГосТех».

E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BC_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

[1] Например, постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2023 г. № 211 на три года был установлен экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по выдаче электронного разрешения на добычу охотничьих ресурсов на территории Новосибирской области и утверждена соответствующая программа. Предусмотрено использование специальных мобильных приложений «iЕгерь» и «iХантер» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1320. В Республике Башкортостан установлен экспериментальный правовой режим по эксплуатации беспилотных авиационных систем. См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 535 // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2687.

[2] См. Распоряжение Правительства Липецкой области от 5 мая 2023 г. № 426-р // СПС «КонсультантПлюс».

Для субъектов Российской Федерации в целом характерно создание специальных органов исполнительной власти, осуществляющих выработку и реализацию единой государственной политики на их территории по государственному управлению и нормативному регулированию в сферах цифрового развития, информационно-телекоммуникационных технологий, связи, телекоммуникаций (например, Владимирская область), а также органов, координирующих региональное цифровое развитие (Тамбовская область).

Еще одно направление действий в области цифровизации на региональном уровне — координация отдельных отраслей в рамках межведомственных рабочих групп (например, природопользования и лесного хозяйства в Рязанской области). Деятельность по ведению официальных страниц органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления также способствует успешной цифровизации на этих уровнях публичной власти (Тамбовская и Орловская области).

Отдельная задача, решаемая регионами, — цифровизация взаимодействия публичной власти с гражданами, оказание поддержки в применении соответствующих технологий. В качестве иллюстрации — создание единого контактного центра для оказания информационной поддержки населения в Рязанской области.

На региональном уровне можно отметить тенденцию стимулирования проведения научных исследований[1] по цифровизации экономики субъекта Российской Федерации в целом и определенных ее секторов (например, фундаментальных и прикладных исследований по цифровой трансформации региона и цифровизации сельскохозяйственного производства в Тамбовской области[2]).

В процессе цифровизации при разработке планов ее осуществления и их корректировке субъекты Российской Федерации могут осуществлять сотрудничество с частными субъектами и институтами гражданского общества. Например, планы цифровизации и конкретные мероприятия на региональном уровне могут вырабатываться с

---

1 О различных инструментах поддержки научной деятельности и оценки эффективности подробнее см.: Эффективность научной деятельности: критерии правовой оценки: монография / отв. ред. Н.В. Путило. М., 2023. С. 147.

2 Предусмотрено выделение грантов в форме субсидий. См.: Постановление Правительства Тамбовской области от 17 мая 2023 г. № 388 «Об утверждении Порядка предоставления грантов в форме субсидий из бюджета Тамбовской области некоммерческим организациям на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://pravo.gov.ru, 18 мая 2023 г. № 6800202305180013.

учетом поступающих от них предложений. Так, в 2023 г. между Правительством Московской области и обществом с ограниченной ответственностью «Яндекс» было заключено Соглашение о сотрудничестве в сфере архивного дела на период до 2030 г.[1] в целях внедрения технологий искусственного интеллекта в указанную сферу и обеспечения условий для создания онлайн-сервиса, позволяющего просматривать, распознавать и переводить рукописный текст метрических и актовых книг, входящих в состав соответствующих фондов указанного субъекта Российской Федерации, в машиночитаемый формат с возможностью полнотекстового поиска.

Следует обратить внимание, что список направлений сотрудничества в соглашении открытый, в нем прямо поименованы выработка предложений по созданию условий для усиления заинтересованности населения в изучении документов соответствующего архивного фонда, в том числе с использованием поисковых сервисов, по повышению уровня цифровизации, развития и применения технологий искусственного интеллекта в сфере архивного дела, а также по реализации мероприятий, направленных на интексификацию доступности соответствующих документов.

Способствуют цифровизации и применяемые субъектами Российской Федерации типовые программные решения, например проекты цифровых муниципальных образований[2]. В некоторых субъектах Российской Федерации создаются региональные системы управления строительством (Курская область, Республика Татарстан).

Еще один тренд цифровизации, прослеживаемый на региональном уровне, — внимание к обеспечению прав и законных интересов граждан в связи с применением цифровых сервисов и электронных актов[3], особенно в контексте соблюдения прав человека на обжалование таких актов.

---

1 Соглашение № 6 заключено в г. Красногорске 22 февраля 2023 г. Официальный интернет-портал Правительства Московской области URL: http://www.mosreg.ru, 14 марта 2023 г.

2 В частности, в некоторых регионах реализуется разработанный ООО «Русатом Инфраструктурные решения» программный комплекс «Умный город» на основании соответствующих соглашений (Курская область, Нижегородская область).

3 В Докладе Уполномоченного по правам человека Калужской области в отношении соблюдения прав и свобод человека и гражданина обращалось внимание на необходимость проведения в 2023 г. анализа соблюдения прав граждан на обжалование электронных постановлений, взыскания убытков и т.п., поскольку в применяемых программных средствах отсутствует «законное усмотрение и творческое начало». См.: Постановление Законодательного Собрания Калужской области от 20 апреля 2023 г. № 773 «О ежегодном докладе «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калужской области и о деятельности Уполномоченного по правам человека в Калужской области в 2022 году» // Весть документы. 2023. № 17.

Анализ регионального и муниципального уровней позволяет сделать вывод о сохранении различий в темпах цифровизации городов и сельской периферии: как феномен она больше характерна для городов, сельских населенных пунктов, особенно расположенных в удаленных и труднодоступных местностях; есть проблема доступа в Интернет, поэтому цифровизация меньше распространена как среди населения, так и среди бизнеса[1]. Отмечается потребность в более активном ее использовании в социальной сфере в «сельских» регионах, где доля сельского населения значительна, а доступность ИКТ низкая[2]. В связи с этим остается актуальной проблема сокращения цифрового разрыва (межпоколенного и территориального).

Таким образом, можно заключить, что тенденции цифровизации в России схожи с общемировыми с учетом специфики географических и экономических особенностей нашей страны, геополитической обстановки.

§ 2. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Технические средства сопровождают человечество на всем протяжении его существования, оказывая влияние на формирование права и его реализацию. Поэтому на каждом новом витке технологической спирали актуализируются вопросы соотношения частного и публичного интересов и поиска их баланса.

Стремление большинства современных государств гарантировать права и свободы человека, в том числе с учетом особенностей технологического развития, проявилось еще в прошлом веке. В частности, Генеральная Ассамблея ООН утвердила резолюцию 3384 (XXX) от 10 ноября 1975 г. — Декларацию об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества[3]. Согласно документу государства приняли на себя обязательство осуществлять все эффективные меры, в том числе законодательные, для превенции

---

1 См.: Попов А.В. Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий. НИР: грант № 22-28-01986. Российский научный фонд. 2022. URL: https://www.rscf.ru/project/22-28-01986/

2 Решить эту проблему призваны низкоорбитальные спутники. См.: https://www.ferra.ru/news/techlife/otdalyonnye-rossiiskie-regiony-obespechat-svyazyu-cherez-sputniki-17-08-2023.htm

3 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/science.shtml

и исключения применения достижений науки и техники в ущерб человеку, его правам и основным свободам, достоинству личности, а также в случае необходимости принимать меры для обеспечения надлежащих гарантий прав и свобод человека в реалиях научно-технического прогресса (п. 8 и 9)

Быстрота и многообразие технологических изменений всегда завораживают стороннего наблюдателя, порождая ощущение могущества и всесилия если даже не создателя новшества, то непосредственно технологии, устройства или программного продукта. Не случайно в литературе обращается внимание на такую тенденцию в восприятии роли человека в современном мире, как «абсолютизация значения» технических новшеств[1].

При этом для права как общественного регулятора центральной фигурой остается человек. За каждым «чудом» (техническим средством) стоит множество людей, сопричастных в определенной мере к его созданию и существованию в пространстве и во времени (от создателя до пользователя). Множественность субъектов, деяния которых могли или могут повлиять на техническое средство, создает сложности в построении правовых конструкций, например при разрешении вопроса о превенции причинения вреда таким устройством и (или) распределении ответственности. Указанные вопросы разрешаются императивно или диспозитивно, на некоторые из них только предстоит найти ответы, в правовом дизайне могут быть использованы традиционные средства и их сочетания в отношении новинок техники. Соответственно, названный аспект подлежит учету в праве.

Различия в видах технических средств, том числе обусловленные их назначением (например, средства идентификации, связи, фиксации, хранения, защиты, обработки информации, транспортные средства, технические средства реабилитации и др.), предопределяют их значение для правореализации и возможности использования. В теории права реализация признается многоаспектным явлением (процессом и его результатом), который может иметь индивидуальную и коллективную формы[2].

С позиций права не только технологический, но и правовой режимы эксплуатации существенным образом влияют на возможности применения рассматриваемых средств в процессе реализации. Их

---

1 См.: Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 11.

2 См., например: Мельников С.А. Индивидуальная и коллективная формы реализации права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 10, 13.

несоблюдение может приводить к нарушению общественных и частных интересов и образовывать самостоятельный состав правонарушения, например, административного[1]. Характерной чертой современных условий правореализации является широкое распространение экспериментального регулирования, которое носит временный характер и призвано приводить к ревизии более стабильной, в том числе облеченной в форму закона, модели.

Для определения новых возможностей, предоставляемых современными техническими средствами в реализации права, необходимо учитывать многообразие подходов к определению соответствующей категории в юридической литературе. При широком подходе она может дополнительно охватывать биодетекторы[2] и соответствующие технологии, при узком — только одну из групп технических средств.

Если обратиться к национальному законодательству, то можно обнаружить отсутствие универсальной дефиниции «технические средства» и одновременно разное определение термина в отраслях законодательства, а также и производных от него. При этом в зависимости от специфики предмета и целей правового регулирования, как и в доктрине, встречаются широкий и узкий подходы к смысловому наполнению. Например, в п. 1 ст. 1299 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) раскрывается «техническое средство защиты авторских прав», которое охватывает не только технические устройства, но и любые технологии, а также их компоненты. Функциональное назначение этой группы средств состоит в контроле доступа к произведению, в предотвращении либо ограничении осуществления действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения.

В Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) при установлении ответственности за нарушение в области использования технических средств обеспечения устойчивости радиосвязи в определение не включаются технологии (ст. 13.8), в то же время охватываются как целое, так и

---

[1] Так, ст. 13.8 КоАП РФ устанавливает ответственность за изготовление, реализацию или эксплуатацию технических средств, которые не отвечают стандартам и нормам, регулирующим допустимые уровни индустриальных радиопомех.

[2] В качестве таковых могут выступать различные животные и насекомые, используемые в интересах человека в правовой сфере, в частности при раскрытии преступлений и привлечении к уголовной ответственности. См., например: Гук В.А. Закономерности, особенности и эффективность использования запаховых биодетекторов в криминалистических, оперативно-разыскных и уголовно-процессуальных целях : автореф. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 10.

его элементы («изделия, оборудование, аппаратура и (или) их составные части»), которые функционируют на основании законов электротехники, радиотехники и (или) электроники и содержат электронные компоненты и (или) схемы. Аналогичный подход реализован в квалифицированном составе, предусматривающем административную ответственность за проведение археологических полевых работ с использованием специальных технических средств при отсутствии соответствующего разрешения, полученного в установленном порядке. К указанным средствам отнесены «технические средства, позволяющие определить наличие археологических предметов в месте залегания», среди таковых законодатель прямо указывает на «металлоискатели, радары и магнитные приборы» (ст. 7.15 КоАП РФ).

При этом единство подходов к определению технического средства обнаруживается при административно-правовой и уголовно-правовой охране отношений в сфере обеспечения конституционных прав и свобод (касающихся производства, хранения, продажи и приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации).

К соответствующим средствам в российских кодексах отнесено помимо «приборов, систем, комплексов, устройств, специальных инструментов для проникновения в помещения и (или) на другие объекты» и «программное обеспечение для ЭВМ и иных электронных устройств», которые предназначены «для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя» (ст. 20.23 КоАП РФ и ст. 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)).

Узкий подход реализован также в ст. 26.8 КоАП РФ при определении такой группы технических средств, как специальные, поскольку к ним отнесены только соответствующие приборы — «измерительные <...>, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку». Поскольку применение средств фиксации затрагивает права и законные интересы лиц, то сертификация устройств и метрологическая поверка направлены на создание гарантий реализации принципов равенства и законности.

В настоящее время основное внимание в литературе по большинству направлений юридических исследований уделяется группе технических средств, основанных на применении цифровых техноло-

гий[1]. Подобный подход не случаен, учитывая специфику современной стадии технологического развития, в которой «цифра» играет центральную роль.

Следует согласиться с выводом исследователей, что в результате воздействия информационных технологий не только происходит расширение области правового воздействия, но и осуществляется специфическая структуризация процессов правоформирования и правореализации[2].

Однако появление новых возможностей нередко сопровождается и противоположным ему процессом — ограничением или даже запретом использования прав другим образом или ограничением прав иных лиц, поскольку право призвано откликаться на пагубные последствия использования технических новинок и создавать гарантии сохранения общественного консенсуса.

Препятствия в реализации права определяются его содержанием и конкретными правовыми механизмами, предусмотренными в правовой системе. Условно их можно разделить на несколько групп в зависимости от вызывающих их причин: 1) время; 2) дистанция (несовпадение места нахождения лица и предписанного места реализации); 3) специфика правового статуса; 4) экономические, в том числе связанные с технологической недоступностью технических средств. Устранение указанных причин может приводить к созданию новых возможностей для реализации прав, например в связи с ростом доступности соответствующих механизмов и инструментов, широким внедрением и распространением среди населения устройств доступа к информационным сервисам (вследствие их удешевления, предоставления права на бесплатное использование), массовым их использованием. Также важными аспектами широкого применения технических средств, способствующими этому процессу и одновременно представляющими собой его следствие, являются рост осведомленности и повышение технологической и правовой грамотности носителей права, оказание поддержки на этапах первоначального закрепления соответствующих механизмов.

---

[1] См., например: Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М., 2019. В уголовном праве значительный массив публикаций посвящен исследованию электронных доказательств и средств судопроизводства, например электронным делам. См.: Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 163.

[2] См.: Умнова-Конюхова И.А. Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 14 (4). С. 42.

Появление новых технических средств, в том числе связанных с осуществлением оплаты (например, системы быстрых платежей, цифрового рубля), расширяет спектр реализации конституционных прав на свободное распоряжение имуществом и осуществление предпринимательской деятельности, права на труд. При этом возникают новые обязанности и права, проявляются новые риски, в том числе в отношении неприкосновенности частной жизни, зависимости от воли иных лиц, обеспечивающих производство, поставку и обслуживание, предоставляющих доступ к информационным каналам связи, и др[1].

Современные технологические средства способствуют преодолению расстояний, обеспечивая дистанционное присутствие и участие в различных событиях и мероприятиях. В связи с этим в различных отраслях права получили закрепление блоки, позволяющие соблюдать баланс частных и публичных интересов при применении соответствующих средств для удаленного доступа. В немалой степени способствовала ускорению этого процесса пандемия COVID-19.

Так, в гражданском праве широкое распространение ИКТ повлекло, например, адаптацию правил соблюдения письменной формы в сделках при применении «электронных либо технических средств» (п. 1 ст. 160 ГК РФ). При этом законодатель допустил применение любого способа, который дает возможность достоверно определить лицо, выразившее волю. Такой способ может быть закреплен в правовых актах различного вида, включая закон и соглашение сторон. Существенной особенностью названных средств является воспроизведение на материальном носителе в неизменном виде содержания сделки.

Разрешены в гражданской сфере и вопросы реализации права с использованием аналогичной группы технических средств при проведении собрания гражданско-правовых сообществ, участия в них и в соответствующих обсуждениях (ст. 181.2 ГК РФ). Отдельные аспекты реализации подобных прав с учетом специфики взаимодействия могут определяться не только законом, но также уставом или единогласным решением участников. В целях соблюдения баланса частных и публичных интересов при заочном голосовании с помощью технических средств установлены пороговые значения для участников, голосующих заочно, а также для квалификации решения в качестве принятого[2].

---

[1] См.: Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 10.

[2] Соответственно не менее половины от общего числа участников, решение будет признано принятым при условии голосования за него большинства направивших документы.

Скорость взаимодействий и коммуникаций, обеспечиваемая современными технологиями связи повлекла сокращение сроков осуществления юридически значимых действий, прежде всего процедур, необходимых для получения и обработки сведений, принятия решений как обязанными лицами, так и управомоченными.

Одновременно наблюдалось изменение презумпций извещения лица с учетом специфики применяемых технологий. Использование технологии личного кабинета при взаимодействии с публичной властью повлекло для граждан и организаций обязанность обеспечения доступа к таким сервисам, а также защиты персональных данных от несанкционированного использования. Фактически можно констатировать появление обязанности регулярного мониторинга состояния подобных ресурсов со стороны пользователей. Этот же формат взаимодействия и вменение его использования привели к пересмотру применяемых публичной властью способов информирования лица, существенной экономии расходов, а также к распределению бремени ответственности за несоблюдение сроков и технологические сбои. Эксплуатация личного кабинета позволила изменить содержание правореализации, поскольку иные способы могут законодателем не дозволяться.

Применение технических средств в процессе публичного управления привело не только в переходу к безбумажному документообороту, но и к коррекции механизма реализации права налогоплательщика на получение документа. В частности, Налоговый кодекс Российской Федерации с апреля 2024 г. устанавливает ограничения в части реализации права на предоставление налогоплательщику — физическому лицу документов на бумажных носителях, когда направление документов предусмотрено исключительно в электронной форме.

Важным аспектом в анализе созидательной роли права необходимо признать воздействие нормативных предписаний на рынки соответствующих технических средств и культуру их потребления. Закрепляя обязательность применения технических средств с заданными характеристиками, публичная власть воздействует на товарные рынки, стимулирует развитие отдельных отраслей и сегментов, формируя спрос на определенные виды товаров и услуг и оказывая влияние на поведение потребителей, производителей и дистрибьюторов.

Однако указанная проблема технологической доступности, включая возможность получения специального технического устройства для реализации своего права, является существенной, принимая во внимание вероятность субъекта реализовать свое право. Она подлежит учету при установлении императивных форм реализации права, а также при определении прожиточного минимума и минимального

дохода с учетом необходимых расходов. Следует обратить внимание, что на материальное положение лица влияют также и меры государственного воздействия на соответствующие рынки, используемые в связи с развитием новых технологий, например в части прослеживаемости товаров.

Хотя считается, что в процессе цифровизации акцент при конструировании правовой реальности смещается в сторону правоприменения[1], правотворчество остается значимой сферой, в которой также проявляется специфика реализации прав с использованием новых технических средств.

В связи с этим в публичной сфере регуляции появились сходные по своему назначению блоки норм, в том числе ориентированные на обеспечение возможности деятельности органов публичной власти с использованием дистанционного формата в условиях, вызванных ограничениями общественной жизни, например в связи с пандемией[2].

Реализация права на участие в выборах и референдумах еще до пандемии рассматривалась в контексте использования электронного голосования. В настоящее время предусмотрено применение комплекса для электронного голосования, являющегося разновидностью специального технического средства (подп. 41.1 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[3]). Закреплен особый режим для такой формы электронного голосования, как дистанционное. Названный способ голосования допускается к применению Конституционным Судом Российской Федерации, если он организован надлежащим образом: гарантируется надежность, эффективность и прозрачность процедур[4]. В литературе в отношении сферы избирательных прав наряду с применением пилотных технологий отмечается потребность в использовании в избирательных процедурах законодательной формы закрепления регуляции для большей ее стабильности и обеспечения прав граждан на участие[5].

---

1 См.: Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография. М., 2022. С. 111.

2 О возможностях и ограничениях в налоговой сфере с учетом зарубежного опыта см.: Журавлева О.О. Принцип законности налогообложения в условиях преодоления чрезвычайных ситуаций // Налоги. 2022. № 1. С. 16–22.

3 СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

4 См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2568-Ою URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision641789.pdf

5 См.: Постников А.Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 42.

В российском законодательстве при проектировании новелл, направленных на реализацию конституционных положений, также были учтены сложившиеся технологические и социальные реалии. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» предусматривает, что в законах субъектов Российской Федерации может устанавливаться порядок дистанционного участия в заседаниях законодательного органа субъекта Российской Федерации (ч. 2 ст. 2).

Применение современных технических средств упрощает реализацию права для субъекта: не требуется предоставлять копии документов, если орган может подтвердить их иным образом, в том числе запросить в автоматическом режиме у другого органа либо получить доступ самостоятельно. Тем самым снимаются определенные барьеры в реализации права, утрачивают силу императивные предписания об обязанностях, появляются новые права. При этом необходимо сохранять возможности предоставления и обращения за корректировкой сведений о физических лицах и организациях в государственных информационных системах, соответствующих регистрах. В противном случае не будет создано надлежащих гарантий для реализации прав граждан в силу неполноты или недостоверности соответствующих сведений.

Например, в процессе первоначального формирования государственных регистров лица, сведения о которых содержатся в таковых, обычно не наделяются правом корректировать содержащую в них информацию, что может затруднить реализацию права с использованием указанных ресурсов. Например, с 2023 г. допускается установление в качестве единственного обязательного источника информации о населении в федеральном регистре сведений о населении (далее — ФГС). При этом только с января 2026 г. физическим лицам будет предоставлено право обращения за изменением сведений о себе в записи ФГС (ч. 10 ст. 8 Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»). Соответственно для обеспечения эффективной реализации прав граждан сроки предоставления указанного права подлежат коррекции[1].

---

[1] На это направлена, в частности, законотворческая инициатива, ставшая основой проекта федерального закона № 253843-8 «О внесении изменений в статьи 8 и 14 Федерального закона «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/253843-8

С учетом обилия информационных ресурсов необходимо предусматривать обратную связь, позволяющую своевременно вносить коррективы в части сведений, непосредственно влияющих на реализацию конституционно гарантированных прав и свобод.

К сожалению, все многообразие охваченных правом сфер (социальной, промышленности, экологии, судопроизводства, контрольно-надзорной деятельности и строительства) довольно сложно рассмотреть в рамках краткого анализа новых возможностей реализации права с применением технических средств в контексте одного параграфа, но можно сделать следующие выводы.

Новые возможности реализации права с использованием современных технологий подлежат регламентации на уровне законодательства, подобный подход позволит в полной мере соблюсти предписание ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и обеспечить баланс частных и публичных интересов. Их нормативное закрепление на первых этапах должно предполагать диспозитивный характер регуляции, поскольку в противном случае не обеспечивается равенство возможностей носителей права. Необходим постоянный мониторинг процесса реализации с целью уточнения подходов, коррекции границ и режимов применения соответствующих технических средств. Информирование лиц о появляющихся возможностях представляется значимым для востребованности новых механизмов реализации права, их более широкого распространения, повышения культуры использования новых технических средств.

§ 3. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФОКУСЕ ПРАВА

В интерпретации российского юридического мировоззрения современный этап развития социально-экономических отношений, науки и техники связывается едва ли не с новой технологической формацией или революцией, для которой сложившиеся принципы и контуры правового регулирования если не принципиально не приемлемы, то в полной мере недостаточны. Ожидания кардинальных изменений в картине права объясняются беспрецедентными достижениями техники за весь опыт человеческого общежития. Однако в истории цивилизации возможно проследить постоянное развитие технологий без слома или кардинальной перестройки системы и принципов правового регулирования, проявление свойств адаптации права по мере технического прогресса. Изначально право является сбалансированным и универсальным регулятором социально-экономических отношений, а не инструкцией пользования находящи-

мися в процессе постоянного совершенствования продуктами техники, со временем устаревающей. Эта особенность позволяет проследить предпосылки искомой стабильности правового регулирования. Для подтверждения смен экономических и технологических укладов жизни общества, цифровой революции, констатации износа сложившихся правовых регуляторов и моделирования новых необходимо подтвердить качественные и бесповоротные изменения социально-экономических отношений, разделив значение права и влияние на него экономических факторов и достижений научно-технического прогресса. В этом аспекте заметна разница использования техники для созидания, образования, автономии, заботы о человеке (Ж.Б.Л. Фуко) и для получения экономической прибыли отдельными лицами.

Всеобщая и часто принудительная для всех категорий населения автоматизация, цифровизация производства и социальных коммуникаций в немалой степени способствует призывам к пересмотру координат правового регулирования с преобладающим вектором развития начал самоорганизации и самоопределения как альтернативы жестким государственным регуляторам. При этом важно понимать, что гарантии прав человека при активном развитии технологий могут быть единообразно и полно обеспечены только императивными нормами закона.

Прогнозирование будущих перспектив развития законодательства в меняющихся социально-экономических условиях прежде всего предполагает ясность масштабов и задач модернизации права. Могут быть сходу названы основные сферы активного использования искусственного интеллекта и его широкие возможности: цифровая торговля, интернет-расчеты, смарт-контракты, беспилотный транспорт, машинное творчество. Однако для утверждения самостоятельного значения и автономии искусственного интеллекта как сущности достаточных оснований не находится.

Продукты труда и результаты деятельности человека не могут сравниваться и ассоциироваться с возможностями человека, который использует новые технологии для удовлетворения своего интереса и улучшения условий жизнедеятельности, постоянно совершенствуя орудия труда и средства производства. В отличие от любого даже самого высокотехнологичного продукта и достижения техники именно человек «как незавершенное существо, находящееся в вечном движении и становлении» (К. Маркс) может восприниматься в качестве результата своей деятельности, по мере накопления знаний и опыта выходить за собственные пределы. Нельзя, впрочем, не видеть, что именно человек как продукт высшего эволюционного развития

природы в условиях современности сделал искусственность и «протезность» основой своего существования, констатировав превосходящие возможности вычислительных машин и положившись на них, хотя именно критическая оценка техники позволяет ее лучше приспособить к постоянно растущим потребностям человека. При этом искомого прямого влияния новых технологий на структуру общества, его ценности не прослеживается[1].

Любая автоматизированная система решения задач, программное обеспечение имеют сугубо прикладной характер и заранее определенные ограниченные возможности, обеспечивая отдельные потребности человека, облегчая его труд. Результаты машинной обработки больших объемов информации контролируются и подтверждаются человеком, когда скорость и функционал автоматизированной системы этой обработки сами по себе не могут обеспечить точность, оптимальность и адекватность решения поставленной машине задачи. Соответственно машинные вычисления не обладают разумом, а в замкнутой формальной системе исчислений невозможно достичь истины (К. Гедель). Человеческое мышление как предпосылка создания и критерий оценки любого алгоритма не тождественно вычислению как принципу работы любого машинного алгоритма, а создает бифуркации через волю человека как биопсихосоциального существа.

Алгоритм определяет критерии оптимальности выбора машинного решения задачи по предоставленным во вводе данным работой программного обеспечения, но «непременное присутствие человека (как окончательной инстанции, принимающей решение) не отменяется даже при наличии полностью автоматизированной системы управления, которая, казалось бы, принимает решение без участия человека; нельзя забывать о том, что само создание управляющего алгоритма, выбор одного из возможных его вариантов есть тоже решение, и весьма ответственное; по мере развития управляющих автоматов функции человека не отменяются, а просто перемещаются с одного элементарного уровня на другой, высший»[2].

При определении приоритетов технологического развития общества именно человечество должно сделать осознанный выбор развития технологий, которые откроют новые возможности, а не допустят деградации и умирания социальных ценностей и институтов, умирания человека — общество машин немыслимо[3]. Парадокс состоит

---

1 См.: Stiegler B. La société automatique. Paris. 2017. P. 11.

2 Верцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология. М., 2006. С. 16.

3 См.: Лекторский В. Человек и культура. М., 2018. С. 286–288.

в том, что повсеместное и всеобщее использование техники сокращает знание человека о мире. Использование трудноопределимых терминов «искусственный интеллект» и «искусственные нейронные сети» предначертано факторами и ценностями экономики и политики, но и это обстоятельство требует установления пределов развития технологий в областях, создающих риск уничтожения человеческой расы[1]. В целом же прогнозы о сингулярности и скорой замене человеческого разума машинными вычислениями представляют собой маркетинговые стратегии экзосоматизации, а не описание реальной действительности.

При всей распространенности и привычности употребления терминов «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» в программных документах развития законодательства, бизнес-планах корпораций возможно отметить подвижность и неопределенность контекста допускаемого словоупотребления в каждом конкретном случае. Для уточнения понимания искусственного интеллекта в постоянно развивающихся категориях техники достаточно вспомнить широко известное определение искусственного интеллекта Л. Теслера — «искусственный интеллект — это все, что не сделано до сих пор», из которого видно восприятие искусственного интеллекта ожиданиями будущего. Интересно, что именно в технических науках и естествознании, но не в науках гуманитарного цикла констатируются служебное и прикладное назначение технологий искусственного интеллекта и ограниченность его возможностей[2].

Отдельного внимания заслуживает гносеология и онтология понятий «искусственный интеллект» и «искусственные нейронные сети». Применительно к деятельности и восприятию мира разумными существами исходный термин «интеллект» не является устоявшимся и единообразным в науке, поскольку подходы к его пониманию основываются на концепциях отдельных и противостоящих друг другу философских, социологических школ. В любом случае при использовании термина «искусственный интеллект» речь идет о новых возможностях техники и технологий, которые служат и используются человеком для решения поставленных им задач в диалектике постоянно возрастающих потребностей, не существуя самостоятельно. Разделение искусственного интеллекта на сильный и слабый в

---

1 См.: Ganascia J-G. Le Mythe de la singularité. Faut-il craindre l'intelligence artificielle? Paris, 2017. P. 125–127.

2 См.: Brendel W., Bethge M. Approximating CNNs with Bag-of-local-Features models works surprisingly well on ImageNet // Published as a conference paper at ICLR 2019. P. 1.

действительности основано на различных объемах и алгоритмах мощности цифровых технологий, и только поэтому вопрос о расширении границ правосубъектности, появлении новых субъектов права в зависимости от возможностей техники не имеет под собой явных и достаточных оснований. Отдельно следует обратить внимание на то, что в прообразах животного мира (нейробиология, нейрофизиология, медицина) масштаб и принципы деятельности мозга человека, связи и функции нейронов в нервной системе как прототипа искусственного интеллекта не выяснены, хотя и очевидно, что функции нейронов не ограничиваются только передачей, они трансформируют и преображают передаваемую информацию — этими обстоятельствами объяснима индивидуальность и эволюция животного мира даже на уровне одного вида живых организмов, существующих на Земле. Одновременно это обстоятельство свидетельствует об отсутствии прообраза и первоосновы искусственного интеллекта и искусственных нейронных сетей в живой природе как базы и необходимого условия математического и эвристического моделирования искусственного интеллекта, искусственных нейронных сетей в технике и системе объектов правового регулирования, а следовательно, об отсутствии изначальной определенности словоупотребления и научной идентификации понятий[1]. При таких обстоятельствах термины «искусственная нейронная сеть», «искусственный интеллект» не имеют четкой визуализации и идентификации в реальности, а также гносеологических оснований в технической, социологической и в правовой доктрине, не обозначают содержание и значения научных понятий, которые могли бы по мере научно-технического прогресса развивать имеющиеся представления человека о меняющейся картине мира, открывая ему новые познавательные возможности. В действительности термины «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» означают разработку и использование новых технологий в различных сферах производства и потребления, но их использование не предполагает и не требует их отождествления с интеллектом и нейронной сетью организмов живой природы.

Независимо от уровня сложности и сферы реализации роботизированные системы организации и управления производственными процессами с использованием высокотехнологичных средств «искусственного интеллекта» остаются продуктом и орудием труда человека, применяемыми для удовлетворения его потребностей, и в правовом регулировании должны рассматриваться исключительно в сис-

[1] Подробнее об этом см.: Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское законодательство в условиях роботизации и цифровизации. М., 2020. С. 29–56.

теме объектов гражданских прав, требуя нормативного распределения ответственности между их производителем, собственником и эксплуатантом в случае причинения их деятельностью вреда жизни, здоровью и имуществу третьих лиц. В условиях стремительного технического развития, цифровизации экономики актуальной задачей правового регулирования является не столько перманентная актуализация и конкретизация законодательства по мере всевозрастающего роста технологий, сколько обеспечение безопасности и охраны законных интересов граждан и юридических лиц, действующих в цифровой среде и (или) вовлекаемых в нее (ведь она должна облегчить, но не заменить социальные коммуникации). Сами по себе и в изолированном состоянии высокотехнологичные модели «искусственного интеллекта» и «искусственных нейронных сетей» в отрыве от деятельности человека не могут рассматриваться в значении объектов гражданских прав, что, с одной стороны, показывает их служебное предназначение, а с другой стороны, предполагает ответственность за случаи причинения ими вреда в гражданских правоотношениях. Время, техника и пространство неотделимы от человека и вне его деятельности и оценки не существуют.

Оставаясь высокотехнологичным результатом и средством человеческого труда, модели и продукты «искусственного интеллекта» и «искусственных нейронных сетей» не могут быть верифицированы в значении источника разумной деятельности и не являются аналогом человека. Программное обеспечение не обладает функциями анализа как ноэтической способностью мышления, абстрагированием и пониманием, возможностью выхода за пределы реализуемой алгоритмом задачи в принятии решений через синтетические суждения, доступные только человеку (И. Кант).

Без анализа технической стороны проблемы в современной юридической литературе рассмотрение этих первоочередных вопросов преимущественно уступает чрезмерно абстрактному определению и поиску признаков правосубъектности в продуктах высокоточной и многофункциональной автоматизированной техники, имеющей функции самообучения, самопрограммирования. К сожалению, остается без ответа самый главный из них — о цели и последствиях таких допущений применительно к интересам всех участников регулируемых социально-экономических отношений, не говоря уже о достаточных объективных предпосылках к искомому авторами признанию. Многими учеными предлагается уже на уровне теории права не только подтвердить принципиальную возможность расширения и дополнения правосубъектности роботами, но и наметить этапность комплексного развития правового регулирования «внедрения сквоз-

ной цифровой технологии «Искусственный интеллект»: на первых этапах в экспериментальном режиме, в перспективе — путем принятия базового федерального закона[1]. Причем, по утверждению М.В. Залоило, «цифровые технологии искусственного интеллекта гарантируют непротиворечивость создаваемых правовых норм, определение эффективных направлений применения технологий искусственного интеллекта в государственно-управленческой деятельности, бизнес-среде, обеспечение жизнедеятельности человека и общества, профилактику коллизий между скозными цифровыми, а также юридическими технологиями»[2]. Позволительно спросить об основаниях таких суждений и выводов. Особенные затруднения вызывает предложение о «сохранении правом свойств опережающего отражения действительности в условиях высокой динамики общественных отношений в связи с цифровизацией, переходом к новым технологическим укладам». Дело в том, что право регулирует либо сложившиеся, либо находящиеся в фазе становления общественные отношения, но в любом случае не пишет картины неопределенного будущего при неясности контекста правового регулирования и нечеткости смены и состояний экономических и технологических укладов общественной жизни. Существует практическая потребность определения диапазона опережающего воздействия права. Представляется, что перманентное развитие высоких технологий не требует специального регулирования в отдельных источниках права, а может последовательно по мере развития техники и инноваций ставить новые задачи по адаптации и актуализации правового регулирования в меняющихся социально-экономических условиях.

В немалой степени сложившемуся стереотипу мышления современного юриста о сверхспособностях и автономии искусственного интеллекта способствуют малоопределенные и малоаргументированные тезисы о координации автономных машин: «под информационно-электронными системами понимается совокупность технологических компонентов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой в целях решения различных задач в сфере экономики, политики, управления, права, безопасности, здравоохранения, науки и ряда других на основе использования информационно-электронных средств различной конфигурации и принципов действия»; «перспективы правового регулирования безопасного функционирования и развития ИЭС допустимо связывать не только с необходимостью разработки правовых норм, предназначенных для регулиро-

---

1 См.: Залоило М.В. Искусственный интеллект. М., 2021. С. 99.

2 Там же. С. 100.

вания отношений, которые складываются в связи и по поводу использования информационно-электронных технологий для хранения и доступа к сведениям конфиденциального характера, проведения генетических исследований, создания и применения биоэлектронных и психокомпьютерных систем, но и с необходимостью обеспечения условий для совершенствования автономно-осознанных начал регулирования действий пользователей информационно-электронных сетей, установления юридических качеств носителей искусственного интеллекта (продуктов биотехнологий)»[1]. Любые предложения о смене сложившейся картины правового регулирования и искусственного возведения продукта техники в статус субъекта прав имеют экономические основания и существенные последствия, прежде всего для общества и человека, требуя по меньшей мере ясности и определенности.

Вопрос о расширении правосубъектности новыми цифровыми сущностями и искусственным интеллектом едва ли видится корректным без предварительного анализа цели и последствий принятия таких радикальных решений. Отдельно подлежит оценке уровень предоставляемых гарантий безопасности и компенсаций неопределенному кругу лиц, участвующих в обороте, в соотношении с интересами производителей новой технологической продукции, в ограничении или минимизации своей ответственности за работу созданных автономных цифровых машин, оборудования, аппаратов. Невозможно игнорировать и то обстоятельство, что искусственный интеллект в любых формах его визуализации не имеет собственного интереса и волеизъявления в правоотношении, что существенным образом затрудняет его отнесение к правосубъектным лицам. Очень удачно в этом аспекте дополнение о том, что искусственный интеллект не имеет способности к самосознанию, что является определяющим при установлении критериев правосубъектности[2]. Манифестация правосубъектности искусственного интеллекта объясняется отнюдь не картиной объективной реальности, а субъективным экономическим интересом крупных производителей высокоточной продукции, борющихся за господство и контроль на рынках производства и сбыта продукции, а также исключением и минимизацией собственной ответственности перед потребителем.

---

[1] Степанов О.А. Теоретико-правовые основы безопасного функционирования и развития информационно-электронных систем: автореф. дис. .. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 7, 10.

[2] См.: Что мы думаем о машинах, которые думают / под ред. Д. Брокмана // Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. М., 2017. С. 26.

Ни при каких обстоятельствах правовое регулирование не может отрываться от реальности и действительного состояния техники, руководствуясь примерными и неточными представлениями о достижениях и возможностях научно-технического прогресса, подтверждая правосубъектность инновационных механизмов и машин и их независимость от человека. При расширении перечня субъектов права новыми цифровыми сущностями особенно тщательно следует разобраться с изменением парадигмы взаимосвязи субъектов права в отношении объектов права, со структурой самих социально-экономических отношений как объекта правового регулирования и с последствиями их дополнения роботами. Абсолютизация искусственного интеллекта в отношениях субъектов права, а не в отношениях субъект-объект ведет к дегуманизации социальных ценностей и отношений как основы и объекта правового регулирования. При такой антисоциальной направленности человеку нет места в цифровом обществе и цифровой экономике, например телемедицина без врача и здравоохранения (протокольная диагностика и терапия, компьютерные игры как критерий оценки компетенции хирурга).

Примечательно, что в технической литературе, опирающейся на реальное состояние научно-технического прогресса, искусственный интеллект изначально не наделялся сверхвозможностями и способностями в сравнении с человеком, а воспринимался как новые технологии и раздел науки о них[1]. Как представляется, именно такой подход является наиболее реалистичным, вопрос же о наделении качествами правосубъектности новых явлений в действительности предопределен субъективными экономическими целями и управлением рисков участия в предпринимательской деятельности при использовании арсенала права экономически господствующим классом.

Только из приведенных выдержек очевидна полезность междисциплинарного ракурса исследований искусственного интеллекта. Интересно мнение зарубежных ученых, отмечающих стремительный рост, распространение, проникновение цифровых технологий во все сферы социальных коммуникаций, перспективы улучшения качества жизни, обусловленные их дальнейшим совершенствованием, но отрицающих в связи с этим предпосылки формирования новых правовых институтов (например, право собственности на данные, цифровое юридическое лицо) — «вместо того, чтобы инициировать крупные изменения, зачастую представляется более целесообразным

[1] См.: Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. М., СПб. — Киев, 2007. С. 24.

толковать существующие нормы нейтрально технологически и руководствоваться целью использования искусственного интеллекта, а не заниматься размножением юридических понятий»[1].

Право должно сопровождать, но не подменять собой развитие техники. В связи с этим оторванными от реальности представляются выводы юристов о том, что исследования в области искусственного интеллекта развиваются по двум направлениям: логическому и нейрокибернетическому; первое занимается созданием прикладного (слабого) искусственного интеллекта, решает одну или несколько задач; второе направлено на создание универсального (сильного) интеллекта, по сути, аналога человеческого мозга, способного решать любые интеллектуальные задачи[2]. По той же причине оторванными от реальной технологической основы являются определения искусственного интеллекта российскими юристами[3], не говоря уже и вовсе о нереалистичных утверждениях: «в результате научных и технологических прорывов рано или поздно искусственный интеллект подойдет к уровню человеческого или сформирует свой, особенный вариант мышления»[4].

При осмыслении любых вновь открывающихся горизонтов и сфер правового регулирования (нынешних и будущих) следует помнить, что юридическая наука по сущности и функциям права не является идеологией или фантастикой, а представляет собой двигатель правового регулирования и обеспечения всемерного соблюдения прав человека на всех этапах существования общества. Соответственно, прогнозы о будущем правового регулирования должны опираться на четкие и достоверные представления о трансформации объекта правового регулирования, а соотношение права и технологий в динамике должно быть представлено как неразрывная связь объекта и механизма правового регулирования. Право не должно явиться средством минимизации издержек и бремени одних субъектов за счет ущемления интересов других (например, исключение или ограничение ответственности производителя и собственника беспилотного транспорта за причиненный вред за счет субъективации высокотех-

---

1 Künstliche Intelligenz und Robotik. Rechtshandbuch hrsg. M. Ebers, C. Heinze, T. Krüger, B. Steinrötter. München, 2020. S. 38, 170.

2 См.: Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 60.

3 См.: Цифровая экономика. Концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / под ред. В.А. Лаптева, О.А. Тарасенко. М., 2020. С. 277–278.

4 Занковский С.С. Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях / под ред. С.С. Занковского М., 2021. С. 309.

нологичных роботов; использование и обработка неанонимизированной информации крупными участниками рынка в логистических каналах и технологиях управления спросом). Интересно, что именно в технической литературе еще в середине XX в. были отмечены фантасмагоричность анонсов о создании мегамозга и их сугубо рекламационные цели: «многие современные научные сочинения написаны полумистическим языком как бы специально для того, чтобы создать у читателя тягостное ощущение постоянного присутствия какого-то супермена» (К. Ланцаи). Необходимо отметить, что сочинение мифов о сверхмогуществе роботов и искусственного интеллекта предопределено прежде всего интересами крупных производителей — разработчиков технологий и игроков медиарынков, когда функции права состоят в балансе интересов социально-экономических отношений и изначально не сводятся к констатации воли экономически господствующего класса, в противном случае пришлось бы констатировать отмирание всей концепции защиты прав человека как достижения цивилизации.

Наиболее ярко текущая технизация общества выражена в процессах роботизации и цифровизации. Феномен роботизации находится в фокусе исследования различных наук. Так, с точки зрения технических наук робот определяется в качестве исполнительного устройства с двумя или более программируемыми степенями подвижности, обладающего некоторым уровнем автономности и способного перемещаться во внешней среде с целью выполнения поставленных задач[1]. Согласно экономическим исследованиям широкое применение робототехники будет благотворно воздействовать на общее повышение производительности и способствовать экономическому подъему[2]. Философский аспект роботизации связывается с ее социальной пользой и социальной справедливостью (Ж.-М. Ферри). Акцентируется внимание на психологической, социальной и нравственной гранях этого явления: работники по глубоким психологическим причинам привязаны к своей работе, и ее потеря влечет риск социального отчуждения и человеческой «ненужности» [3].

Стремительное распространение робототехники как фактора социальных трансформаций повышает внимание к постановке целого

---

1 См.: Приказ Росстандарта от 29 ноября 2016 г. № 1842-ст «ГОСТ Р 60.0.0.2-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация» // СПС «КонсультантПлюс».

2 См.: Kahn H. The Coming boom: Economic, Political and Social. N.Y. 1982.

3 См.: Ferry J.-M. Robotisation, utilité sociale, justice sociale // «Esprit». Paris, janvier, 1985.

спектра мировоззренческих вопросов, в частности: каковы формы и пределы ее воздействия на человеческое бытие; является ли она благом для человечества или таит в себе непредвиденные роковые предопределения?[1] Во многих документах межгосударственных объединений, а также отдельных государств обозначенные вопросы нашли отражение. Так, в Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. отмечается, что «преимуществам расширения возможностей людей при помощи использования робототехники сопутствует ряд противоречий или рисков, которые должны быть подвергнуты более серьезной оценке с точки зрения здоровья, безопасности и защищенности человека; с точки зрения свободы, конфиденциальности, неприкосновенности и уважения человеческого достоинства, самоопределения, недискриминации и защиты личных данных»[2]. Российское законодательство также ориентировано на расширение применения инструментов сорегулирования и саморегулирования, формирование кодексов (сводов) этических правил разработки, внедрения и применения технологий искусственного интеллекта и робототехники[3].

Наступательное и глубинное по своему эффекту развертывание потенциала робототехники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Робототехника применяется в космической отрасли, военном деле, в промышленности (сборка автомобилей, конвейерная сборка устройств) и повседневной жизни. Данные обстоятельства актуализируют социально-правовую повестку, в основе которой, с одной стороны, — качественное управление сложными процессами, а с другой — выработка правовых оснований и пределов воздействия таких технологий на человека.

Во многом решение обозначенных задач связано с формированием системного правового обеспечения процесса роботизации[4].

Анализ представленных обстоятельств позволяет сформулировать ряд предварительных выводов.

1. Поскольку роботизация в Российской Федерации находится на раннем этапе развития, представляются целесообразными поэтап-

---

1 См.: Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 3.

2 European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html

3 См.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».

4 См.: Тихомиров Ю.А., Сариа Б.Н. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. URL: https://doi.org/

ность и стадийность ее правового обеспечения. В связи с этим в сфере правового регулирования робототехники следует действовать постепенно, используя первоначально примерные (модельные) правовые решения, современные научно-технические стандарты и иные виды специальной документации. Поэтапно будет формироваться база для разработки и принятия ряда нормативных правовых актов, посвященных использованию роботов, продуктов интеллектуальной деятельности во многих сферах государственной и общественной жизни.

2. Широкий охват отраслевых сфер и уровней регулирования позволяет определить модель правового регулирования в области робототехники. Правовое регулирование рассматриваемой сферы представляется комплексным и предполагает следующие уровни:

– наднациональное регулирование (нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, решения международных организаций, имеющих обязательный характер для Российской Федерации);

– национальное регулирование: концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты; стратегические документы и стандарты.

3. Установление пределов ответственности в рассматриваемых отношениях предопределяется функционалом робота. Действующее законодательное регулирование предусматривает различные виды и формы ответственности, такие как смешанная ответственность при совместном причинении вреда; ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; ответственность производителя за качество товара (услуги) — ответственность перед потребителем. Указанные юридические конструкции могут быть использованы при осуществлении правового регулирования отношений с использованием роботов.

В перспективе возможно внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, предусматривающие установление ответственности за вред, причиненный работой автоматизированных систем и робототехники как источников и результатов деятельности, связанной с повышенной опасностью.

В рассматриваемой сфере может быть применена также и совмещенная ответственность, поскольку программные действия или бездействие роботов находятся в причинно-следственной связи с действиями или бездействием производителей, операторов, владельцев или пользователей. Данные субъекты должны нести ответственность за действия робота в пределах находящегося в их собственности

имущества, переданного во владение, и (или) за пользование роботом.

4. В результате развертывания процессов роботизации не только трансформируется содержание труда, но и повышается его производительность. В связи с этим представляется оправданной разработка механизма социально-технической организации труда, который включает в себя дополнительные способы компенсации материального или иного ущерба, причиненного использованием робототехники, поскольку вследствие широкой роботизации различных сфер экономической и социальной жизни отдельные профессии могут исчезнуть или стать менее востребованными. Кроме того, представляется важным определить порядок и этапы внедрения профессий будущего (перечень которых содержится в Атласе новых профессий), а также установить сдерживающие механизмы сохранения профессий, в которых задействован человеческий потенциал.

Глава 3
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ЭВРИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Право и отдельные его институты на протяжении всей истории человеческого общества выступают действенным инструментом придания социальной действительности и отдельным ее составляющим желаемых человеком параметров. Это становится возможным благодаря тому, что право, будучи, по меткому выражению П. Бурдье, «наивысшей формой активного дискурса, обладающего властью вызывать реальные последствия»[1], формирует «поле возможностей», в рамках которого реализуется социальная активность, предопределяются легитимность и правомерность тех или иных ее видов. Вместе с тем интенсивность и эффективность воздействия на трансформации социальной действительности различных правовых механизмов и институтов детерминируется рядом факторов, среди которых для целей настоящего исследования особое значение имеют правосознание и правовое мышление субъектов правоотношений. В связи с этим необходимо отметить следующее.

1. Проблема мышления вызывает интерес у исследователей с древнейших времен. Но при этом, по меткому выражению К.П. Злыгостевой, мышление во многом до сих пор остается «знакомым незнакомцем»[2], так как общепринятого понимания того, что представляет собой этот феномен, до настоящего времени не выработано.

Так, например, некоторые представители теоретического языкознания и философии языка (Ф.Э.Д. Шлейермахер, И.Г. Гаман и др.) отождествляют мышление и язык.

Современная социология трактует мышление как «процесс отражения объективной реальности в умозаключениях, понятиях, теориях, суждениях и т.п.»[3]. При этом социологический аспект его исследований ориентирован на изучение исторического развития процес-

---

1 См.: Бурдье П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 2007. С. 104–105.

2 См.: Злыгостева К.П. Становление и эволюция мировоззренческого мышления: дис. ... канд. философ. наук. Киров. 2000. С. 4.

3 Социологический энциклопедический словарь: на рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / ред.- координатор Г.В. Осипов; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. Ин-т социологии РАН. М.: Норма; НОРМА- ИНФРА. М., 2000.

сов познания в зависимости от социальной структуры различных обществ.

Всевозможные определения (и концепции) мышления предлагались и предлагаются разными направлениями психологической науки. В частности, один из представителей Вюрцбургской школы Н. Ах призывал воспринимать мышление как «акт усмотрения отношений», понимая под отношением «все, что не имеет характера ощущений»[1]. Видный советский психолог О.К. Тихомиров, рассматривая мышление через призму господствовавшей в СССР марксистско-ленинской философии, подчеркивал его общественно-историческую обусловленность. «Мышление возникает как процесс, включенный в жизнедеятельность, развиваясь, оно превращается в относительно самостоятельную деятельность, имеющую свои мотивы, цели и способы. С помощью мышления обеспечивается один из уровней психического отражения, включающий как осознанный, так и неосознанный компоненты, само мышление как деятельность регулируется этими отражениями», — отмечал исследователь[2]. В настоящее время психологи, исходя из того, что мышление — это рефлекторная деятельность мозга, хотя и специфическая[3], трактуют его как «психический процесс отражения действительности, высшую форму творческой активности человека»[4].

Приведем еще одно определение понятия «мышление», которое его автор называет «функциональным» и согласно которому оно представляет собой «активный процесс в живом мозге, направленный на:

1) построение в мозге активной иерархической модели среды, необходимой и достаточной для восприятия среды и управления активным целенаправленным поведением в многоэкстремальной среде;

2) реализацию процесса активного восприятия среды;

3) реализацию процесса управления поведением в многоэкстремальной среде;

4) реализацию процесса активного обучения;

5) решение неалгоритмических (творческих) задач»[5].

---

1 См.: Тихомиров О.К. Психология мышления: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. С. 112.

2 Там же. С. 2, 6.

3 Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: АН СССР. 1958. С. 13.

4 Большой психологический словарь 4-е изд., расш. Н.Н. Авдеева и др.; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009.

5 Шамис А.Л. Мышление: определение, типы, схемы процесса // Школьные технологии. 2012. № 2. С. 4.

Поясняя это определение, исследователь подчеркивает, что мышление представляет собой сложный, многоплановый процесс, специфика которого зависит, среди прочего, от решаемой мозгом задачи.

Различные подходы к исследованию феномена мышления были предложены и философией[1], и естественными науками, а с момента зарождения информационно-коммуникационных и цифровых технологий — кибернетикой и иными науками, проводящими исследования в области таких технологий.

Анализ всей совокупности подходов к пониманию и изучению проблемы мышления позволяет выделить несколько атрибутивных признаков этого феномена. Одним из важнейших среди них является, на наш взгляд, ***субъектная обусловленность мышления, «принадлежность» конкретному субъекту***. В отличие от последователей идей гештальт-психологии[2], в представлении которых весь процесс мышления заключается в трансформациях, претерпеваемых проблемной ситуацией, а само мышление сводится к соотношению друг в друга переходящих феноменальных ситуаций, многие отечественные ученые, прежде всего С.Л. Рубинштейн и его последователи, исходят из того, что основное в мышлении — это «взаимодействие мыслящего субъекта с познаваемым объектом»[3]. При этом оно (мышление) не только отражает объект(ы) внешнего мира, в том числе познаваемые, но и является выражением определенной активности субъекта, проекцией его внутреннего мира, включая мировоззрение и мировосприятие, мотивацию и личностные особенности. И потому нельзя не согласиться с позицией К.П. Злыгостевой, которая полагает, что сегодня «теория мышления нуждается в такой категории субъекта, когда он понимается в своей целостности и содержит не только когнитивные, логико-гносеологические, но и личностные, культурно-исторические «параметры» в их понятийно-абстрактной форме»[4].

Данный постулат исследователя позволяет выделить и еще один атрибутивный признак рассматриваемого феномена — его ***историческую и социокультурную обусловленность***. Здесь следует отметить следующие ключевые моменты:

---

1 В частности, некоторые проблемы мышления нашли отражение в философских трудах И. Канта, Г. Гегеля, Ф.В. Шеллинга, И.В. Блауберга, Э.Г. Юдина и др. В работах этих и иных философов исследуются сущность и специфика мышления в диалектике обыденного и научного сознания, выявляется его структура, описываются функции мышления, анализируется характер его протекания.

2 См.: Köhler W. Gestalt Psychology. L., 1930. P. 148.

3 См.: Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 18, 137.

4 Злыгостева К.П. Указ. соч. С. 19

1) ***эволюция мыслительных качеств человека в историческом аспекте.*** Исследователи констатируют, что человек (человек разумный, Homo Sapiens) проявил способность к мышлению уже в самом начале своего развития. Н.Г. Храмцова[1] отмечает, что в течение миллионов лет происходил постепенный прогресс в обработке каменных орудий, и вдруг примерно 200 тысяч лет назад в географическом ареале современной южно-восточной Африки появился Homo Sapiens с объемом черепной коробки на 50% больше прежнего, обладающий речью. На этом этапе мышление носило «наивный характер», подразумевая только грубую физическую деятельность: работу по вырубке каменных зубил, собирательство, овладение более совершенной и членораздельной речью, но тем не менее имело место быть.

По мере развития человека как биологического вида и зарождения и все большего усложнения человеческого общества биологическая детерминация эволюционного развития психики, ограничиваемая лишь уровнем развития сенсорно-перцептивных процессов, дополняется детерминацией социальной, которая становится непосредственной предпосылкой и главным фактором развития мыслительных процессов[2]. Соответственно, становление и развитие классового общества влекут за собой усложнение и трансформацию мышления. В частности, в раннеклассовый период, когда все активнее развивается социальная сторона жизни людей, а затем и в эпоху Древнего мира человек начинает мыслить через ощущения, а племенное мышление постепенно сменяется индивидуальным. В Средние века ведущей становится интенция, согласно которой мир подчиняется законам, а задача человека — с помощью силы мысли сформулировать эти законы, используя понятия и формальную логику. Для Нового времени, когда на историческую сцену вместе с новой наукой и техникой выходит «человек нового типа — светский, верящий в разум больше, чем в религию»[3], характерным становится индивидуальное критическое мышление. В свою очередь, в Новейшее время оно развивается по линии «философия — системный подход», вырабатывая, нередко при помощи математического аппарата, тотальную концепцию объективной реальности. Но при этом, как указывали и указывают многие ученые, процесс становления и развития мышле-

---

1 Храмцова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности: монография. Курган: Изд–во Курганского гос. ун-та. 2010. С. 12–16.

2 См.: Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se. 2000. С. 169.

3 Зорькин В.Д. Право эпохи модерна // Российская газета. 2010. 25 июня.

ния не является прямолинейным и равномерным. В частности, блистательный советский философ М.К. Мамардашвили отмечал, что и в XVII–XVIII вв. философский эмпиризм едва ли не отождествлял мышление и чувственный опыт[1].

В последние десятилетия существенное влияние и на развитие мышления, и на его изучение различными науками оказывает совершенствование информационных и цифровых технологий. Еще в 1984 г. О.К. Тихомиров отмечал, что в середине XX в. одним из продуктов развития вычислительной техники и ее программного обеспечения стало понимание мышления как системы обработки информации. В зарубежной (прежде всего) психологии оформилось специальное направление — когнитивная психология, представители которого (У. Найссер, Д. Норман, П. Линдсей и др.) указывали на сходство операций, выполняемых ЭВМ, и когнитивных процессов, протекающих в мозге человека, а различия в «технологии» проведения этого процесса признавали несущественными. Дальнейшее «развертывание» этих тенденций позволило перевести проблемы создания искусственного интеллекта из предмета исследований высокой степени абстракции или, напротив, предмета спекуляций в произведениях научной и ненаучной фантастики в предмет практикоориентированных прикладных научных исследований и технических разработок. При этом особую актуальность приобретает исследование не только выгод, но и угроз, с которыми может столкнуться человек по мере внедрения искусственного интеллекта в различные сферы его жизни. Эти вопросы не раз становились предметом научной дискуссии[2].

Еще один аспект влияния современных цифровых и информационно-коммуникационных технологий на развитие мышления человека — постепенная трансформация современной «культуры книги» в «культуру экрана». Ранее мы уже не раз обращались к этой проблеме[3]. Применительно к теме настоящего исследования отметим лишь,

---

1 См.: Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2011.

2 См., например: XIII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Право в условиях цифровой реальности» // URL: https://izak.ru/science/shkola-molodykh-uchenykh/shkola-molodykh-uchenykh-yuristov-2018-god/; Всероссийский молодежный форум «Цифровой бал» // URL: https://digital-ball.ru/; Всероссийская научно-практическая конференция «Высшее образование в условиях цифровой реальности»; Первая всероссийская конференция «Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий» // URL: https://mbil-conf.ru/#ru и др.

3 См., Лукьянова В.Ю. К вопросу об информационных правах граждан // В кн.: Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сб. науч. ст. / Министерство образования и науки РФ, Вологод. гос. ун-т / под общ.

что в результате все более интенсивного взаимодействия человека с компьютерной техникой сознание перестает быть «универсальным», опирающимся на интеллектуальные познавательные средства, и становится «клиповым», эмоциональным. Мировоззрение заменяется мироощущением, вследствие чего человек переходит от рационального идеала познания к эстетическому (такой переход классическая культура оценивает как регресс). Визуальный, производящий преимущественно эмоциональное воздействие образ быстро схватывается и не требует дополнительного интеллектуального напряжения, поэтому человек стремится большую часть информации получать через картинку, тогда как восприятие текста начинает вызывать затруднения[1];

2) ***социокультурная обусловленность мышления***. Как было показано выше, мышление является проекцией не только внутреннего мира мыслящего субъекта, но и внешних по отношению к этому субъекту факторов, включая господствующие в обществе, в рамках которого он (субъект) сформировался и действует, системы взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нем человека, а также моральные установки. Влияние этого фактора на становление и развитие мышления рассмотрим несколько позже.

Еще один атрибутивный признак рассматриваемого феномена — это ***взаимосвязь мышления с речью и языком***. В настоящее время среди отечественных ученых нет единой позиции по поводу того, насколько прочно связаны мышление и речь. Одни исследователи, впадая в «грех идеализма», говорят о языке как о средстве коммуникации и о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о «мышлении без языка»[2].

Другие, в том числе видный советский и российский ученый, специалист в области нейронауки, психолингвистики и теории сознания, академик РАО Т.В. Черниговская, полагают, что язык явля-

---

ред. Н.А. Ястреб. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 171–175; Vlada Lukyanova. Sociocultural genome of law: digital transformation // SHS Web Conf., 134 (2022) 00077 (DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400077) и др.

[1] См.: Тарасенко В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 111–120; Моргунов А.А. Homo informaticus как эвристическая модель // Вестник СамГУ. 2013. № 1 (102). С. 157–163; Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Селфи, аудионаркотик и гугл-эффект как патологические метаморфозы сознания человека информационной эпохи // Наркология. 2015. № 10. С. 111–120.

[2] См., например: Марр Н.Я. Избранные работы / Академия наук СССР. Государственная академия истории материальной культуры. Л.: Издательство ГАИМК. 1933; Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008 и др.

ется средством мышления. Такое понимание взаимосвязи языка и мышления имеет в нашей стране длительную историю. Так, еще в 1934 г. Л.С. Выготским в одном из основополагающих трудов — «Мышление и речь» — была представлена концепция «внутренней речи», понимаемой в качестве словесной оболочки мышления[1]. В 1950 году И.В. Сталиным был изложен взгляд на проблемы языкознания через призму марксистского понимания социально-экономических отношений, согласно которому язык представляет собой, среди прочего, «орудие» закрепления «в словах и в соединении слов в предложения результатов работы мышления, успехов познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»[2]. Это обобщенное представление, как с удивлением отмечают некоторые современные исследователи, «даже без административного диктата оказалось в целом приемлемым для профессионального лингвистического мейнстрима как во время написания, так и после, вплоть до настоящего момента»[3]. Оно получило широкую поддержку и со стороны представителей иных наук, включая юриспруденцию[4].

Развивая эти представления, отечественные ученые особенно подчеркивали значимость языка при переходе от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению, от отражения мира в формах ощущений, восприятий и представлений к отражению его в понятиях и на их основе в суждениях и теориях. Однако слова в отличие от наглядных психических образов предметов и явлений не обнаруживают, за исключением звукоподражаний, никаких сходств с естественными, чувственно воспринимаемыми особенностями обозначаемых объектов. Более того, прямого соответствия между единицами мышления и соотносительными с ними единицами язы-

---

1 См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр . М.: Лабиринт, 1999. Характерной особенностью этого труда, первое издание которого увидело свет в 1934 г., явилось то, что советскими учеными при его подготовке впервые в истории мировой научной мысли была проведена серия экспериментов, нацеленных на изучение проблем взаимосвязи речи и мышления как неразрывно связанных между собой видов деятельности человека, отличающихся один от другого своей сущностью и специфическими признаками, и их влияния друг на друга.

2 Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Государственное издательство политической литературы. 1953.

3 Вдовиченко А.В. Основы теории «языка» в двустороннем консенсусе. О работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с позиций коммуникативной модели // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 106.

4 См.: Научная сессия, посвященная годовщине опубликования труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: тезисы докладов. М.: Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. 1951.

ка нет: в одном и том же языке одна мысль или ее компоненты могут быть оформлены разными предложениями, словами или словосочетаниями, а одни и те же слова могут быть использованы для обозначения разных представлений. В этих условиях особую значимость приобретают понятия — «специфические (специфицированные) переменные естественного языка»[1]. «Понятие как форма (вид) мысли или как мысленное образование, — писал Е.К. Войшвилло, — есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса — и в совокупности отличительных только для них — признаков»[2]. Основываясь на таком понимании феномена «понятие», ученый отмечал, что именно благодаря понятиям мышление приобретает характер обобщенного отражения действительности и констатировал: «мышление, таким образом, может рассматриваться как процесс оперирования понятиями»[3]. Как минимум, эта формула в полной мере применима к абстрактному мышлению.

2. Как было сказано выше, проблема мышления была и остается значимым предметом исследования различных наук (психологии, философии, языкознания и иных). Мышление, которое изучается каждой из этих наук, представляет собой проекцию единого целого («единого мышления»), снятую в том или ином ракурсе.

Рассматривая с этих позиций правовое мышление, отметим, что для правовой науки проблема мышления предстает в контексте исследования механизма восприятия человеком правовых норм, их осмысления и реализации. При таком подходе некорректным представляется приведенное в Энциклопедии философии и социологии права определение понятия «правовое мышление». Согласно ему этим термином обозначаются «аналитические способности субъекта правоотношений, которые функционируют и развиваются в ходе духовно-практического решения различных социально-правовых противоречий»[4]. Скорее можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что правовое мышление является «когнитивным механизмом правосознания, с помощью которого личность опреде-

---

1 См.: Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2019. С.103.

2 Там же. С. 91.

3 Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика: учебник. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. С. 179.

4 Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический Центр Пресс». 2006. С. 509.

ляет свои правовые позиции и роли в обществе, а также идентифицирует себя как субъекта права, устанавливая при этом свой юридический статус»[1]. Хотя и это определение нельзя признать удовлетворяющим, так как оно чрезвычайно узко. С помощью мышления формируется ценностно-смысловой компонент правосознания, который обеспечивает истинность правовых суждений и умозаключений, с его помощью происходит восприятие права, т.е. перевод нормативных предписаний в социальное поведение.

Необходимо подчеркнуть, что правовое мышление, как и мышление «вообще», субъектно. Вместе с тем анализ юридической литературы показывает, что во многих случаях, говоря о правовом мышлении, исследователи имеют в виду профессионально-доктринальное мышление юристов-профессионалов и ученых правоведов. По нашему мнению, такой подход чрезмерно ограничен. Право формирует «поле возможностей», в котором осуществляется вся хозяйственная и иная деятельность людей, поэтому носителем правового мышления может быть любой субъект. В этих условиях скорее следует согласиться с позицией ученых, предлагающих различать юридическое мышление, субъектами которого являются профессионалы правовой сферы (должностные лица органов публичной власти, занимающиеся нормотворческой деятельностью, адвокаты, ученые-правоведы и т.д.), и правовое мышление, субъектами которого в те или иные моменты своей жизни являются все люди.

Соответственно, исследователи выделяют два аспекта правового мышления: внешний и внутренний. Под внешним понимается осмысление права, его норм и принципов, тогда как внутренний — это личное правообразование индивида, акт смыслообразования права, в котором конструируются его личная правовая реальность и ее нормы. «Все процессы восприятия права, осуществляемые осознанно или неосознанно, предполагают правотворческий момент, правовое смыслопостроение. Действие права в таком контексте приобретает вид движения смысла права, начиная с момента возникновения правового смысла или иного социального отношения, в котором участвует индивид, и завершая моментом осмысления им собственного поступка как соответствующего или не соответствующего той или иной норме действующего законодательства»[2]. Исходя из такого

---

[1] Гуляихин В.Н., Широ С.В. Правовое мышление как регулятор социального поведения // URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/83862-pravovoe-myshlenie-regulyator-socialnogo-povedeniya

[2] Овчинников А.И. Правовое мышление: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. С. 26.

понимания правового мышления, можно выделить следующие его функции:

1) призванные обеспечивать внешний аспект правового мышления. В их числе:

– восприятие феноменов правовой реальности, включая выявление в социальной жизни правозначимых характеристик и процессов;

– согласование единичного и всеобщего в правореализации, правотворчестве, выборе своей позиции и оценке своих интересов по отношению к праву;

– опосредование правовых норм и правоотношений;

– формулирование методологических принципов своей регулируемой правом социальной активности, которые определяют и регулируют отношение мыслящего субъекта к закону;

– взаимодействие с иными мыслящими субъектами общественных отношений;

2) призванные обеспечивать внутренний аспект правового мышления. В их числе:

– формирование и развитие правосознания субъекта;

– оправдание или, наоборот, критика действующего правопорядка мыслящим субъектом (легитимация правопорядка);

– понимание, объяснение, представление и интерпретация феноменов правовой реальности;

– адаптация новых знаний к уже имеющейся системе правовых представлений, составляющих основу когнитивного компонента правосознания;

– опосредование, детерминация и регулирование социального поведения мыслящего субъекта.

Онтологическим базисом названных функций является один из ключевых элементов социокультурного генома современного[1] права: «норма права всегда обращается к воле и разуму человека»; «к воле разумного существа, способного ставить себе цели и стремиться к достижению их»[2]. Иначе говоря, правовые нормы предпи-

---

[1] Следует отметить, что представление о норме права как о предписании, обращенном к воле и разуму человека, характерно именно для современного права, права модерна, одним из краеугольных камней которого является идея равенства всех перед законом и основанный на ней тип правового равенства. Следствие этой идеи — современные принципы демократического государства, в том числе право каждого на доступную и достоверную информацию о его правах и обязанностях. В то же время в государствах прошлого были нередки ситуации, когда языком законов становился язык, понятный лишь узкому кругу, например, латынь в средневековой Европе.

[2] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. Вып. 1. М.: Издательство «Юридический колледж МГУ». 1995. С. 85.

сывают человеку определенный, опирающийся на властное веление государства выбор из возможных линий и вариантов поведения. При этом для права характерно небезразличие к тому, насколько осознанно действует человек. «Объективная возможность направляющего воздействия права на поведение людей и основание для привлечения к ответственности за неправомерное поведение состоят в том, что поведение людей не фатально; напротив, объективные условия допускают различные варианты поведения, и человек ответственен за избранный вариант поведения»[1]. Поэтому отечественный уголовный закон, например, связывает ответственность со способностью совершившего преступление лица отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, устанавливая, что обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является вина, понимаемая как психическое отношение лица к совершенному им деянию.

Это означает, что каждому адресату правовых норм их содержание должно быть доступно. И такая доступность должна обеспечиваться несколькими факторами. Во-первых, формальной определенностью правовых норм, т.е. их выраженностью в письменном виде в официальных документах. Более того, многие юристы именно в текстуальном закреплении правовых норм видят гарантии доступности их содержания для непосредственных адресатов этих норм. Во-вторых, предоставляемой государством гарантией возможности ознакомления с текстом акта[2]. В-третьих, ясностью правовых текстов, их определенностью и недвусмысленностью, а также легкостью их понимания и осознания. Инструментом обеспечения последнего выступает использование при формулировании правовых норм и в целом информации правового характера естественного, общеупотребительного литературного языка, понятного большинству граждан[3]. И, ко-

---

1 Александров Н.Г. Некоторые вопросы теории государства и права в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // Научная сессия, посвященная годовщине опубликования труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: тезисы докладов. М.: Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. 1951. С. 13.

2 Как известно, в Российской Федерации такая гарантия закреплена в ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой не могут применяться как неопубликованные законы, так и любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, если они не изданы официально для всеобщего сведения.

3 См.: Белов С.А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 2. С. 299.

нечно, особую значимость для правового мышления имеют термины, поскольку «всякое определение подытоживает главное, указывает на существенные свойства предмета»[1].

3. Выше было отмечено, что мышление вообще и правовое мышление в частности детерминируются не только внутренними, но и внешними по отношению к мыслящему субъекту факторами. Так, например, американский этнолингвист и антрополог Э. Сэпир отмечал влияние на мышление человека конкретного языка: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения»[2].

Т.В. Губаева, сопоставляя особенности правового мышления юристов, осуществляющих свою профессиональную деятельность в системе романо-германского права, с одной стороны, и англосаксонского права — с другой, отмечает влияние на данное мышление также особенностей «правового языка, в форму которого облечены» соответствующие нормы, сформировавшихся в ходе эволюции права специфических схем рассуждений[3].

Многие из этих внешних факторов определяются геномом культуры того типа цивилизационного развития, к которому принадлежит соответствующее общество. На это указывал академик РАН В.С. Степин, отмечая, что универсалии культуры включены в качестве компонента в категориальный строй мышления того или иного исторического типа общества, поскольку они «всегда выступают в своем исторически конкретном облике, который задает как переживание, так и осмысление и понимание мира человеком»[4], а также диктует особенности принятых в соответствующем обществе «схем мышления». В связи с этим В.С. Степин приводил рассуждения известного психолога К.Г. Юнга, который сопоставлял европейский (т.е. присущий субъектам, сформировавшимся в лоне техногенной цивилизации) и древнекитайский (характерный для субъектов, принадлежащих традиционной цивилизации) способы мышления: «То, что мы называем случайностью для этого своеобразного мышления,

---

1 Пионтковский А.А. К методологии изучения действующего права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): тезисы докладов. М.: 1946. С. 5.

2 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Эдвард Сепир; пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 2002.

3 Подробнее об этом см.: Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. М.: Норма. 2003. С. 14–28.

4 Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 69.

является, судя по всему, главным принципом, а то, что мы превозносим как причинность, не имеет почти никакого значения... Их, видимо, интересует сама конфигурация случайных событий в момент наблюдения, а вовсе не гипотетические причины, которые якобы обусловили случайность. В то время как западное мышление заботливо анализирует, взвешивает, отбирает, классифицирует, изолирует, китайская картина момента все сводит к незначительной детали, ибо все ингредиенты и составляют наблюдаемый момент... Этот любопытный принцип я назвал синхронностью, и он диаметрально противоположен нашей причинности»[1].

Как известно, важнейшими элементами генома культуры техногенной цивилизации[2], господствующей сегодня на значительной части земного шара, являются понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир, а также идеал креативной деятельности. Этому типу цивилизационного развития присуще понимание:

– мышления как «высшей ступени человеческого познания, процесса отражения объективной действительности»[3]. В нашей стране именно оно и было господствующим вплоть до недавнего времени;

– права, которое строится на принципе равенства ответственных индивидов, выступающих перед законом в своем личном качестве, а не в качестве членов различных этнических, конфессиональных и социальных групп, своего рода светской религии. Характерная для этого понимания парадигма практического воплощения идеи справедливости базируется на двух китах. Первый, как уже было отмечено, это идея равенства всех перед законом и основанный на ней тип правового равенства. «Закон неумолим. И желанен в силу этой уравнивающей всех неумолимости. Закон готов покарать как богатого,

---

1 Степин В.С. Цивилизация и культура.

2 Подробнее об этом см.: Степин В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин; Респ. центр гуманит. образования. М.: Высшая школа. 1992. С. 49–54; Его же. Эпоха перемен и сценарии будущего. М.: ИФРАН. 1996; Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. С. 5–17; Крапивенский С.Э., Омельченко Н.В., Стризое А.Л. и др. Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / под ред. С.Э. Крапивенского. Волгоград. 1998; Пристенский В.Н. Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 141–152; Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011; Его же. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития: научное издание / В.С. Степин. М., 2018. и др.

3 Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия. 1989. С. 862.

так и бедного. Нормы закона носят не устный, а писаный характер. Специальное сословие людей придает писаному закону всеобъемлющую полноту. Строго регламентированы процедуры, позволяющие отделить виновного от невиновного. Эти процедуры известны обществу и приняты обществом. За исполнением процедур следят институты. Институты построены так, чтобы в максимальной степени исключить процессуальные ошибки»[1]. Второй — понимание конвенциональности права, которое воспринимается и как мера формального равенства, и как мера свободы: если закон не обеспечивает формального равенства, то это неправовой закон. Если закон чрезмерно, в большей степени, чем это необходимо для защиты свободы и безопасности всех членов общества, ограничивает свободу личности, то это неправовой закон[2];

– определения юридического термина как описания вводимого им слова с помощью более широкого (родового) понятия и других известных словосочетаний (межвидовых отличий) таким образом, чтобы, с одной стороны, была обеспечена возможность однозначной идентификации термина в рамках соответствующей системы понятий, а с другой — были исключены логический круг, тавтология и отрицательные признаки. Кроме того, юридические термины должны обладать моносемичностью.

Однако в настоящее время геном культуры техногенной цивилизации подвергается воздействию ряда факторов, которые условно можно назвать мутагенными. В числе таких факторов особо следует выделить:

1) ***утверждение в общественном сознании парадигмы постмодернизма.*** Как указывает известный отечественный правовед И.Л. Честнов, постмодерн — это отрицание логоцентризма (словоцентризма) эпохи модерна[3]. Поэтому в рамках парадигмы постмодернизма «право объявляется открытой, динамичной, постоянно обновляемой системой, а ее понятия — постоянно трансформирующимися, наполняемыми новым содержанием»[4]. Язык права утрачивает определенность и моносемичность, в нем нарастают такие явления, как транстерминологизация, создание языковых предпосылок, способ-

---

1 Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма. 2013. С. 21–22.

2 См.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

3 См.: Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004. С. 36–37.

4 Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.

ствующих осуществлению разного рода манипуляций, возникновению возможности множественного толкования правовых актов, и т.д.

В качестве иллюстрации влияния этой парадигмы на правовое регулирование общественных отношений можно привести изменение восприятия феномена позитивной дискриминации. На протяжении многих десятилетий он понимался как инструмент обеспечения равенства возможностей различных групп и страт общества за счет создания более благоприятных условий для представителей наиболее слабых (уязвимых) из них. Однако в последние годы акцент все чаще стал делаться на том, что позитивная дискриминация ведет к прямому или косвенному нарушению принципа равенства. Это восприятие все более активно продвигают многие международные организации, разделять его начинают и некоторые российские эксперты и законотворцы. Так, например, в декабре 2022 г. депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — ГД РФ) С.В. Авксентьевой, Р.Б. Чемерис и К.А. Горячевой был разработан и внесен в парламент Российской Федерации проект федерального закона № 251841-8 «О признании утратившей силу статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации»[1]. Этим законопроектом под предлогом необходимости «устранения правовых основ экономической дискриминации женщин»[2] предлагалось исключить из Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) статью, ограничивающую применение труда женщин в условиях, оказывающих неблагоприятное влияние на женский организм, — на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах.

Рассматривая этот законопроект, следует отметить, что позиция его разработчиков перекликается с высказываемой в последние годы позицией таких международных организаций, как:

– Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, по мнению которого в современном международном праве прав человека нет места патерналистской идеологии защиты, поскольку она «основывается на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и жен-

---

[1] Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1251800-7

[2] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 251841-8 «О признании утратившей силу статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1251800-7

щин»[1]. Между тем нормы ст. 253 ТК РФ и принятых с целью ее конкретизации нормативных правовых актов Российской Федерации являются, как полагает Комитет, проявлением именно этой идеологии;

– Европейский Суд по правам человека, полагающий главной целью государств — участников Совета Европы достижение гендерного равенства. Соответственно, только «особо важные причины могут послужить тому, чтобы различие в обращении могло считаться совместимым с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод»[2]. Необходимость предупреждения негативного воздействия вредных производственных факторов на здоровье граждан, вероятно, к таким «особо важным причинам» не относится.

В то же время Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) исходит из иных позиций. Он полагает, что целью введения мер позитивной дискриминации является защита общественно значимых интересов и решение общественно значимых задач, к числу которых относится не только обеспечение равенства полов, но и охрана здоровья настоящего и будущих поколений россиян. «Реализация принципа юридического равенства, — говорится в п. 2.1 определения КС РФ от 22 марта 2012 г. № 617-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» — не может осуществляться без учета общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода, без учета психофизиологических особенностей организма работающих и необходимости особой защиты женщин от вредных производственных факторов, негативно воздействующих на женский организм, прежде всего на репродуктивную функцию»[3]. Это «обязывает

---

1 Правовые позиции Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по данному вопросу представлены во мнении Комитета по делу «Светлана Медведева против Российской Федерации», принятом им 25 февраля 2016 г. Эти правовые позиции изложены в разделе «Практика международных договорных органов» Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г. // БВС РФ. 2017. № 3, 4.

2 Пункт 127 Постановления ЕСПЧ от 22 марта 2012 г. «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

3 СПС «КонсультантПлюс».

государство устанавливать дополнительные гарантии для женщин, в том числе в сфере трудовых отношений, направленные на охрану материнства»[1].

Разделяя позиции КС РФ, Комитет ГД РФ по вопросам семьи, женщин и детей высказал опасение, что в случае одобрения законопроекта «женщины, будучи привлеченными к тяжелым или вредным работам, ухудшат свое здоровье, в том числе репродуктивное, а также снизят уровень собственной социальной защищенности»[2], и признал нецелесообразным его принятие. Отрицательное заключение на законопроект дали также Правительство Российской Федерации и второй профильный комитет ГД РФ — Комитет ГД РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов. Это позволило ГД РФ отклонить законопроект.

Тем не менее можно констатировать, что размывание понятия «позитивная дискриминация», его однозначности создает предпосылки для манипуляций и нарушения прав определенных категорий граждан, в данном случае — женщин.

Среди последствий влияния парадигмы постмодернизма на право можно отметить и отсутствие четкого разграничения в использовании юридических терминов, что влечет за собой следующие негативные явления: размывание сути понятий, утрата их специфичности. В силу образования зон перекрытия значений и смыслов использование таких терминов начинает сопровождаться побочными ассоциациями. При замене одного термина другим представление о сущности правового явления, описываемого им, меняется. Представление о наличии у этого явления свойств, обозначаемых семантическими нюансами и оттенками значения и смысла первоначально использовавшегося термина, исчезает или как минимум размывается, при этом указанному явлению начинают приписываться новые, не характерные для него свойства. В результате одно и то же по сути явление может пониматься разными юристами по-разному, в зависимости от того, какую систему понятий они используют для описания этого явления. Более того, в разных нормативных правовых актах могут содержаться различные определения одного и того же термина, что влечет за собой фрагментацию единого правового пространства Российской Федерации.

---

1 СПС «КонсультантПлюс».

2 См.: Заключение Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей по проекту федерального закона № 251841-8 «О признании утратившей силу статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/251841-8

В качестве примера такого явления можно назвать термины «стандарт» и «технический регламент». Как известно, В Советском Союзе и впоследствии в Российской Федерации в первое 10-летие ее существования основным элементом регулирования безопасности и качества продукции являлась стандартизация. Согласно ГОСТу 1.0-68 «Государственная система стандартизации. Основные положения» она представляла собой «установление и применение правил с целью упорядочения деятельности в определенной области на пользу и при участии всех заинтересованных сторон и, в частности, для достижения всеобщей оптимальной экономии при соблюдении условий эксплуатации (использования) и требований безопасности»[1]. Формами стандартизации являлись стандарты (государственные, отраслевые, республиканские, предприятий). В ходе реформы технического регулирования в систему законодательства был введен новый акт — технический регламент, который и должен содержать обязательные для применения и исполнения требования, тогда как государственные и отраслевые стандарты обязательность утратили. Но при этом в силу того, что технические регламенты принимаются в настоящее время в форме законодательных актов или международных договоров Российской Федерации, содержащиеся в них требования безопасности могут быть сформулированы лишь в общем виде, конкретные же требования к отдельным видам продукции и процессам ее производства и обращения содержатся в национальных стандартах[2];

2) ***интенсивное развитие информационных, цифровых и иных конвергентных технологий, их внедрение во все сферы жизни общества, государства и человека***. Конвергентные технологии негативно воздействуют на ментальную экологию человека и социума, разрушают коллективную, индивидуальную и личностную идентичность человека[3], который, по образному выражению французского философа

---

1 Пункт 1.1. государственного стандарта СССР ГОСТ 1.0-68 «Государственная система стандартизации. Основные положения». В сб.: Государственная система стандартизации. М.: Изд-во Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР, 1970.

2 См.: Лукьянова В.Ю. Технический регламент в системе российского законодательства: монография / В.Ю. Лукьянова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма Контракт». 2017.

3 О некоторых аспектах негативного влияния интенсивного развития цифровых технологий на человека см.: Лукьянова В.Ю. К вопросу об информационных правах граждан // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сб. науч. ст. / под общ. ред. Н.А. Ястреб. М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 171–175; Лукьянова В.Ю. Право в контексте трансформации генома культуры техногенной цивилизации // Право

Ж.-Ф. Лиотара, взаимодействуя с «технонаучным» миром, «распадается на факторы и силы»[1]. В свою очередь, техника, прежде всего компьютерная, т.е. «кремний», «берет реванш над жизнью и естественным человеком («углеродом»)»[2].

Под воздействием этих факторов геном культуры современной цивилизации мутирует в направлении изменения понимания роли и места человека в окружающем его мире. Человек из царя природы, который не собирается ждать от нее милостей и берет их сам, из «меры всех вещей» постепенно превращается в человеческий фактор, который препятствует нормальному (и беспроблемному) функционированию техники. Соответственно, роль актора, прогнозируют апологеты идеологии ничем не сдерживаемого прогресса, примут на себя новые сущности, оснащенные цифровыми и информационно-коммуникационными технологиями, например юниты искусственного интеллекта.

Не менее значимая мутация — распространение присущего техногенной цивилизации понимания природы как особого, закономерно упорядоченного поля объектов, которые, однако, лишены своей самоценности, на самого человека. «Человек-субъект превращается в сингулярность, в лучшем случае в персонаж и «гомутер» (Homo+компьютер) как концепт и техноид, заменяющие целостного телесно-духовного субъекта»[3]. Одновременно с этим «локальные очаги техносферы в биосфере» приобретают новое качество, постепенно становясь все более автономными, приобретая опыт обходиться без управления человеком.

Такое интенсивное развитие конвергентных технологий, порождаемые ими кризисы в различных сферах жизни человеческого общества позволили исследователям, включая академика В.С. Сте-

---

и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сб. науч. ст. / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 183–195; Vlada Lukyanova. Sociocultural genome of law: digital transformation // SHS Web Conf., 134 (2022) 00077 (DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400077)

1 Лиотар Ж.Ф. Заметка о смысле «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 58. Также см.: Кутырев В.А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.

2 Там же.

3 Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. С. 65. Также см.: Степин ВС. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 8–9.

пина, видного отечественного философа В.А. Кутырева[1], известного американского политолога Ф. Фукуяма[2], констатировать, что изменения в геноме культуры современной цивилизации не ограничиваются отказом от логоцентризма. Становление парадигмы постмодернизма является отражением «экспансии информационно-компьютерных технологий» и связано с демонтажем традиционной вещно-телесной реальности и деантропологизацией человека.

Под воздействием названных мутагенных факторов изменяется понимание мышления. Приверженцы парадигмы постмодернизма, лишая человека субъектности, заменяют субъект «пустым» местом. Соответственно, меняется и понимание мышления, которое начинает трактоваться как «процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата»[3]. Как следствие, «мышление становится «пустым», «поверхностным», обращаясь к «пустому» существованию бытия. Бессубъектное мышление предельно объективируется»[4].

Эти мутации оказывают влияние и на социокультурный геном права[5]. По нашему мнению, наиболее значимыми для целей настоящего исследования являются следующие изменения:

а) представление о лицах, «за которыми государство признает способность быть носителями субъективных прав и юридических обязанностей»[6]. Человек в результате разрушения под воздействием информационных технологий своей коллективной, индивидуальной и личностной идентичности оказывается неспособен сформировать целостное мировоззрение. Как следствие, он утрачивает свои позиции в качестве субъекта права. Одновременно в жизни социума все более активную роль начинают играть новые — цифровые — сущности.

---

1 См.: Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.

2 См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004.

3 Новая философская энциклопедия. Л.С. Рубинштейн подчеркивал недопустимость сведения мышления к процессу решения задач, отмечая, что это «значит определить его прагматически, по тому эффекту, который оно дает, не вскрывая его собственной природы — того, благодаря чему этот эффект получается». См.: Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 13.

4 Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления: дис. ... д-ра филос. наук. Ижевск, 1998. С. 226.

5 Подробнее об этом см.: Vlada Lukyanova. Sociocultural genome of law: digital transformation // SHS Web Conf., 134 (2022) 00077 (DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400077)

6 Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник. В 2 т. Т. 2. Право. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2010. С. 607.

б) все более активное проникновение цифровых технологий в сферу правотворческой и правоприменительной деятельности, прогнозируемое замещение нормативного правового акта как способа закрепления правовых предписаний квазиправовыми регуляторами, основу которых составляет программный код;

в) постепенное замещение критерия истинности критерием инструментальной полезности[1].

Таким образом, можно констатировать, что под влиянием названных и иных мутагенных факторов формируется новый тип цивилизационного развития, для которого характерны:

1) понимание права как одного из инструментов коммуникации. При этом оно утрачивает свойства мерила и неспособно воплотить идею справедливости;

2) возрастание роли в правовой системе квазиправовых регуляторов, основанных на программном коде. Это влечет за собой такие последствия, как:

– коренное изменение парадигмы права, направленное на стирание в праве фундаментальных различий между привычными субъектами и объектами правовых отношений — людьми и предметами;

– алгоритмизация, персонализация и натурализация права[2] при одновременном размывании идей правового равенства и прав человека[3];

– наделение юнитов искусственного интеллекта правовым статусом и др.;

3) утрата правовыми терминами определенности и моносемичности;

4) восприятие мышления исключительно как «процесса решения проблем, выражающегося в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата»[4]. В свою очередь, правовое мышление начинает трактоваться как интеллектуальная деятельность, состоящая в решении задач, связанных с использованием правовых средств и правовых аргументов. Можно предположить, что при таком под-

---

1 Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 2–16.

2 Хабриева Т.Я. Технологии будущего и их проекции в праве. Доклад на Пленарном заседании XVII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Право и технологии будущего». URL: https://izak.ru/institute/events/xvii-mezhdunarodnaya-shkola-praktikum-molodykh-uchenykh-vuristov-pravo-i- tekhnologii-budushchego/

3 См.: Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 159–163, 306–308.

4 Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС. 2001. С. 137.

ходе под мыслящим субъектом будет пониматься не только и не столько человек, сколько юнит искусственного интеллекта. Если же рассматривать в качестве носителя мышления человека, то такое восприятие мышления будет чрезвычайно узким.

Представляется, что оптимальной, по крайней мере для целей настоящего исследования, является трактовка мышления как «активного процесса отражения субъектом окружающего мира, способности целенаправленно и обобщенно познавать существенные связи, отношения предметов и явлений, создавать новые идеи, прогнозировать события и действия»[1]. Соответственно, правовое мышление может пониматься как «процесс отражения мыслящим субъектом правовой действительности и отдельных ее феноменов, его способность целенаправленно и обобщенно познавать специфику общественных отношений и регулирования их правом, создавать новые идеи, прогнозировать события и действия и их правовые и социальные последствия и на этой основе регулировать свое социальное поведение».

4. В своих исследованиях многие ученые ВИЮНа подчеркивали служебную роль социалистического права, раскрывая ее как преобразующее воздействие на экономику и культуру страны в целях построения коммунизма[2]. Применяя эти постулаты к современной ситуации, можно сказать, что служебная роль современного российского права в условиях развития информационных, цифровых и иных конвергентных технологий должна состоять в преобразующем воздействии на экономику и культуру страны для создания дружественной человеку цифровой экономики и в целом цифровой среды. Это, среди прочего, предполагает:

– оценку масштаба и последствий влияния процессов развития конвергентных технологий на общество и различные сферы его жизни;

– задание правом новых параметров «поля возможностей», в рамках которого осуществляется хозяйственная и иная деятельность.

Решение этих задач актуализирует эвристические и прогностические функции правового мышления различных субъектов, прежде всего юридического мышления юристов-профессионалов, поскольку именно последним предстоит формулировать нормы, закрепляющие новые параметры этого «поля возможностей».

Как уже было сказано, в настоящее время под воздействием цифровых и иных конвергентных технологий и утверждающейся в обще-

---

1 Новая российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.:А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», ИНФРА-М. Т. 11(1). 2013. С. 408–409.

2 См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С. 7.

ственном сознании парадигмы постмодернизма геном культуры техногенной цивилизации претерпевает изменения, результатом которых может стать формирование нового типа цивилизационного развития. Трансформируются смыслы категорий культуры, эксплицируются намечающиеся в культуре точки роста сегодняшних ценностей, которые позволят сформировать современные представления о желательном образе жизни человечества. Изменяются базисные идеалы цивилизации, программирующие деятельность людей. Однако сегодня мы находимся лишь в начале переходного периода, завершением которого станет формирование нового типа цивилизационного развития, и потому возможно смешение «старых» и «новых» ценностей. В этих условиях формирование современных границ и регуляторов «поля возможностей» представляет собой неалгоритмическую, творческую задачу. Решая ее, право совместно с иными социальными регуляторами определяет допускаемые механизмы достижения желаемого будущего и тем самым участвует в определении новых путей социального развития общества.

Выше было показано, что правовое, в том числе юридическое, мышление формирует ценностно-смысловой компонент правосознания. В свою очередь, правосознание человека основывается на сформированных обществом базисных ценностях. Решая задачу создания правовых инструментов формирования сегодняшнего «поля возможностей» осуществления хозяйственной и иной деятельности в целях построения дружественной человеку цифровой среды, юридическое мышление тем самым вводит новые представления о желательном образе жизни, который предлагается обществу, государству и каждому конкретному человеку. При этом оно не просто опосредует различные сферы и феномены правовой действительности, но и выявляет в них общие смыслы всей совокупности «старых» и «новых» мировоззренческих универсалий и базисных ценностей, программирующих деятельность людей. Оно выносит их на суд разума, сопоставляя их с идеалами и принципами дружественной человеку, ориентированной на него цифровой среды и цифровой экономики, улавливает тенденции их возможных изменений, критически их анализирует и предлагает их новые смыслы, адаптированные к уже имеющейся системе правовых представлений. На этой основе формируется ранее неизвестный ценностно-смысловой компонент правосознания субъекта юридического мышления.

Далее происходит рационализация первичных категориальных смыслообразов, которые переплавляются в довольно строгие понятия, в термины и их определения. Образы упрощаются, схематизируются, становясь своеобразными абстракциями, которыми юриди-

ческое мышление оперирует, формируя нормативные предписания. В свою очередь, правовое мышление преобразует эти предписания в социальное поведение его носителей, реализуя процесс управления их социальной активностью.

Подводя итог проведенному анализу, нельзя не согласиться с мнением академика В.С. Степина, который констатировал, что новая цивилизация (новый тип цивилизационного развития), если она возникает, должна вырастать из современной. Предпосылки нового культурно-генетического кода формируются в недрах сегодняшних состояний техногенной цивилизации и культуры. Важно, критически осмысливая базисные ценности техногенной культуры, выяснить, как они могут сегодня видоизменяться и каковы предпосылки их трансформации. Однако эта задача стоит перед всеми общественными науками. Если же говорить конкретно о праве, тем более о праве как о созидателе новой социальной реальности, то перед ним поставлена куда более сложная задача — не просто выявить пути возможной трансформации базисных ценностей техногенной культуры, но и придать этим преобразованиям такие направленность и траекторию, которые смогли бы обеспечить желаемые параметры новой социальной реальности. Важнейшим инструментом решения этой задачи является эвристическое и прогностическое правовое, в том числе юридическое, мышление.

Глава 4
ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

§ 1. ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Одной из форм осуществления народовластия в современных правовых государствах являются гражданские инициативы. Выступая ключевым инструментом социальной активности, гражданские инициативы представляют собой фундамент, на котором строится гражданское общество.

В юридической науке и практике понимание инициативы весьма разнообразно. Понятия «гражданская», «общественная» и «народная инициатива» пересекаются и зачастую подразумевают одно и то же явление. Более узкими по своему содержанию являются термины «правотворческая»[1], «законотворческая» и «законодательная инициатива». Такая вариативность обусловлена как субъектом выражения инициативы (граждане, народ, общество), так и содержанием самой инициативы.

Представляется, что общим является понятие «гражданская инициатива» ввиду того, что ее инициатором может выступать любая по численности группа граждан, в отличие от народной инициативы, предполагающей единственного инициатора — народ (например, когда речь идет о проведении референдума Российской Федерации).

Если говорить о соотношении категорий «гражданская» и «общественная инициатива», то можно отметить, что по своему смыслу они наиболее близки[2].

Тем не менее содержание термина «общественная инициатива», получившего формальное закрепление в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601, было ограничено и сводится в нем только к

---

[1] Понятие «правотворческая инициатива граждан» закреплено в ст. 26 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

[2] См.: Кутейников Д.Л. Институализация народной правотворческой инициативы в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2017. С. 257.

предложениям граждан по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, поданным через интернет-портал «Российская общественная инициатива». Учитывая вышесказанное, далее будет употребляться термин «гражданская инициатива».

Исходя из смысла положений Конституции Российской Федерации, гражданские инициативы являются элементом конституционной системы прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на сложный и многоаспектный их характер, а также отсутствие прямого конституционного оформления,[1] гражданские инициативы проявляются в таких правах, как: право на свободу слова, право на объединения, право граждан на участие в осуществлении общественного контроля, право на индивидуальные и коллективные обращения и др. В то же время гражданские инициативы могут рассматриваться в форме самостоятельного конституционно-правового института[2].

Под гражданской инициативой в научной литературе понимают как объединение граждан (неформальное объединение граждан, которое создается для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества)[3], так и как деятельность определенного лица или сообщества (форма коллективного волеизъявления граждан, посредством которой мнение определенной их группы доводится до компетентного государственного органа или органа местного самоуправления и требует его реагирования)[4].

Представляется, что термин «гражданская инициатива» выступает собирательным, подразумевающим любой вид инициативы, исходящей от граждан или институтов гражданского общества в связи с их участием в принятии общественно значимых решений. Ю.А. Тихомиров обращал внимание на то, что понятие «гражданская инициатива» нередко трактуется как реализация всех гражданских прав, что может являться излишне широким пониманием[5]. Гражданские инициативы — естественный ответ на общественные потребности, без удовлетворения ко-

---

1 Определения понятия «гражданская инициатива» также нет в федеральном законодательстве.

2 См.: Безуглая А.А. Гражданские инициативы: модели конституционной формализации в странах постсоветского пространства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 86.

3 См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.

4 См.: Конституционное право. Энциклопедический словарь / С.А. Авакьян. М.: Норма, 2001.

5 См.: Тихомиров Ю.А. Государственные и общественные институты. Гражданские инициативы: выступление в рамках проблемного семинара. М.: ИЗиСП, 2013.

торых тормозится развитие как общества, так и государства. Гражданская активность, лежащая в основе инициативы, выражается в неравнодушном отношении к проблемам общества, желании и способности проявлять собственную позицию, отстаивать групповые и личные конституционные права и гражданские интересы; это осознание личной ответственности за благополучие государства[1].

Плюрализм гражданских инициатив проявляется в большом разнообразии правовых форм и способов их выражения.

Их можно классифицировать по самым различным основаниям: по времени действия, территориальному охвату, субъектному составу, степени организационной оформленности, сфере реализации инициативы и т.д.

Развитие гражданского общества и отдельных его институтов носит весьма неоднородный характер. С одной стороны, активизация процессов самоорганизации, а с другой — спад гражданской активности и ответственности в той или иной стране в определенный период обусловлены различными факторами: экономическими, политическими, социальными и другими.

Правовая политика государства может способствовать развитию институтов гражданского общества, стимулировать реализацию права граждан на инициативу, а может, напротив, ограничивать.

Одним из факторов, детерминировавших модернизацию Конституции Российской Федерации в 2020 г., как раз и явился рост гражданской активности российских граждан. Появление в тексте Конституции РФ таких понятий, как «институты гражданского общества», «добровольческая (волонтерская) деятельность», в контексте полномочий Правительства РФ свидетельствует о политике, направленной на поощрение гражданской активности и развитие конституционно-правовой концепции гражданского общества. Так, на конституционном уровне были закреплены следующие формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти: поддержка институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, и добровольческой (волонтерской) деятельности; обеспечение участия институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, в выработке и проведении государственной политики[2].

---

[1] См.: Гусарова М.А., Торопова А.А. Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2.

[2] См.: Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 7.

Следует отметить, что закрепление на конституционном уровне (ст. 75.1) таких категорий, как «социальное партнерство» и «социальная солидарность», также являлось своего рода побудительным мотивом для развития гражданского активизма в данном направлении. В логике развития этих концептов находятся и указанные формы взаимодействия институтов гражданского общества и государства.

В настоящий момент в нашей стране созданы нормативные и процессуальные возможности для выражения интересов различных объединений граждан и отдельных индивидов, а также их сотрудничества с органами публичной власти.

В данном направлении работают общественные советы при органах власти, Общественная палата РФ, действует принцип «открытого правительства» и т.д. Как отмечалось выше, в 2013 г. Указом Президента РФ[1] был учрежден интернет-портал, с помощью которого граждане могут выдвигать различные инициативы[2] для улучшения конкретных сфер жизнедеятельности государства и общества либо голосовать за уже предложенные.

Несмотря на функционирование портала для вовлечения граждан в решение общественных проблем, следует отметить низкий уровень реализации предложенных инициатив[3], что связано как с некачественной подготовкой предложений, нереальностью их внедрения в нормативно-правовую базу, так и со сложностями сбора необходимого числа голосов.

Одной из приоритетных задач институтов гражданского общества сегодня является именно реализация гражданских инициатив. В процессе формирования новых общественных интересов, которые могут выражаться объединениями граждан, особую роль занимают некоммерческие организации (НКО), расширяющие пространство для указанных инициатив. Учитывая трансформационные процессы в российском обществе, а также большое разнообразие форм гражданских инициатив, которые невозможно охватить в рамках данного исследования, представляется целесообразным наиболее подробно остановиться на добровольческой (волонтерской[4]) деятельности как од-

---

1 См.: Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива».

2 Инициативы рассматриваются, если они набрали на федеральном уровне и в субъектах России численностью населения более 2 млн не менее 1 млн голосов; на региональном и муниципальном — не менее 5% численности зарегистрированного населения.

3 На март 2017 г. из более чем 9800 инициатив, опубликованных на сайте, были рассмотрены только 25, из них приняты 12 (в том числе три муниципальных).

4 Термины «добровольчество» и «волонтерство» рассматриваются как синонимы.

ном из активно развивающихся и быстро растущих институтов, в основе которого лежит гражданская активность и инициатива. Именно участие в такой деятельности позволяет людям реализовывать свои социальные потребности и участвовать в жизни общества. Добровольчество, таким образом, выступает созидательной социальной силой, способствующей построению более гуманного и справедливого социума посредством всеобщего сотрудничества[1].

Чтобы оценить масштабность добровольческого (волонтерского) движения, следует взглянуть на некоторые статистические данные: больше 1 млрд людей в мире вовлечены в добровольчество в той или иной форме, почти четверть всех взрослых являются добровольцами, трое из пяти (62%) помогли незнакомцу в 2022 г. Согласно отчету World Giving Index 2022[2] (Мировой индекс благотворительности) самый высокий уровень пожертвований (84%) и волонтерства (63%) в Индонезии[3], лидерами в процентном отношении среди жителей, вовлеченных в волонтерскую работу, являются Норвегия (57%), Люксембург (55%), Камерун (53%). Россия же в этом рейтинге в 2022 г. поднялась с 67-й позиции (2021 г.) на 30-е место.

Мировое сообщество понимает, что результаты и эффект от деятельности добровольцев и волонтеров имеет несомненное значение для прогрессивного и цивилизованного развития человечества. Так, в 1970 г. была создана Международная ассоциация добровольческих усилий (IAVE), которая на данный момент является одной из крупнейших неправительственных организаций, имеющих представительства в 77 странах, в том числе в России.

Именно благодаря усилиям этой ассоциации была разработана и принята в 2001 г. Всеобщая декларация добровольчества, провозгласившая: «все люди в мире должны иметь право добровольно посвящать свое время, талант, энергию другим людям или своим сообществам посредством индивидуальных или коллективных действий, не ожидая финансового вознаграждения»[4].

В то же время (1970 г.) уже на уровне Организации Объединенных Наций (ООН) была учреждена Программа добровольцев ООН

---

1 См.: Рыжкина Ю.В., Карфидова Т.Н. Спортивное волонтерство: взаимодействие личности, общества и государства. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/58642/1/978-5-7996- 2289-3_2018_33.pdf

2 World Giving Index 2022 https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-research/caf_world_giving_index_2022_210922-final.pdf

3 Такое лидерство может быть обусловлено религиозными пожертвованиями и культурными традициями.

4 См.: Всеобщая декларация добровольчества 2001 г. URL: https://gov.cap.ru/home/76/gorono/2005/school6/dobrovoldvigenie_3.htm

(ДООН), которая вошла в систему органов ООН в статусе самостоятельного агентства. А в 1985 году Генеральная Ассамблея ООН специальной резолюцией установила 5 декабря Международным днем добровольцев во имя экономического и социального развития[1].

Конституция РФ[2] относит добровольческую (волонтерскую) деятельность к совместному ведению Федерации и субъектов Федерации, соответственно она регулируется федеральным и региональным[3] законодательством. В Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» приводится определение добровольческой деятельности, перечисляются ее основные участники, а также устанавливается закрытый перечень целей волонтерства.

Важным документом в нормативном обеспечении добровольческой (волонтерской) деятельности является также Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р., в которой ее поддержка отнесена к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики.

В Плане мероприятий по реализации данной Концепции, охватывающем все сферы развития волонтерства, описан комплекс мер, необходимых для продвижения добровольческих идей.

В 2017 году Агентством стратегических инициатив был разработан Стандарт поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации[4], который в соответствии с поручением Президента РФ был внедрен в регионах для преодоления организационно-правовых, информационных, методологических, инфраструктурных барьеров.

Можно отметить положительный опыт некоторых субъектов Российской Федерации, успешно внедряющих различные организационные и правовые механизмы для развития волонтерства.

---

1 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1985 г. № 40/212.

2 Конституционный фундамент добровольчества составляют ст. 2, 17, 45 Конституции РФ, закрепляющие права и свободы человека, в том числе и право на добровольческие инициативы, а также ст. 30, гарантирующая свободу создания и деятельности общественных организаций.

3 См., например: Закон Пермского края от 8 декабря 2014 г. № 410-ПК «О развитии добровольчества (волонтерства) в Пермском крае»; Закон Нижегородской области от 25 декабря 2013 г. № 181-З «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) в Нижегородской области».

4 См.: Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/reports/77465/

Так, в ряде субъектов Российской Федерации функционируют специальные совещательные и консультационные органы, содействующие развитию добровольческой деятельности, например координационный совет при Правительстве Республики Тыва, Совет при Главе Кабардино-Балкарской Республики, межведомственный организационный совет Республики Дагестан; в некоторых субъектах учреждены премии и гранты в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности по различным номинациям[1]; в большинстве субъектов разработаны межведомственные программы[2]. Но стоит отметить, что условия, созданные в субъектах Федерации в этой области, значительно различаются и требуют большей активности со стороны органов публичной власти.

Ключевым инструментом популяризации добровольческой (волонтерской) деятельности в России является Единая информационная система в сфере добровольчества (волонтерства) — портал dobro.ru[3], который объединил около 2 млн людей, готовых содействовать работе социально-ориентированных некоммерческих организаций.

Необходимым условием дальнейшего развития гражданского общества в России, в частности добровольческой (волонтерской) деятельности, является налаживание эффективного механизма взаимодействия государства и некоммерческих организаций (НКО) в сфере оказания социально значимых услуг.

Так, например, в Германии доля государственных средств в доходах НКО в сфере здравоохранения доходит до 94%[4], во Франции, Австрии, Канаде этот показатель составляет около 75–80%. В России же финансовая поддержка социально ориентированных НКО чаще всего осуществляется в форме льгот по уплате налогов и сборов, предоставления в безвозмездное пользование нежилого помещения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и т.п. Важным здесь видится принятие необходимых мер со стороны

---

1 См., например: Указ Главы Республики Адыгея от 18 октября 2019 г. № 131 «О премиях Главы Республики Адыгея в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности».

2 См., например: Указ Губернатора Пермского края от 26 января 2022 г. № 7 «Об утверждении межведомственной программы «Развитие добровольчества (волонтерства) в Пермском крае на 2022–2024 годы».

3 Создан в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2019 г. № 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)».

4 См.: Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 13–20.

государства в связи с привлечением НКО к оказанию социальных услуг, прежде всего это меры по укреплению доверия к НКО со стороны населения.

Еще одним условием эффективности деятельности НКО является широкая интеграция добровольческих ресурсов, что может способствовать решению социально значимых задач, носящих массовый характер, и повышению качества жизни в целом. Согласно данным в 2021 г. 57% НКО в России использовали труд волонтеров, работавших на общественных началах и не получавших материальное вознаграждение. Чаще всего это общественные, религиозные и благотворительные организации, занимающиеся экологией и предоставляющие социальные услуги.

Осознавая важность благотворительности в качестве еще одной формы гражданской активности, Правительство Российской Федерации в 2019 г. утвердило Концепцию содействия развитию благотворительности до 2025 г., тем самым подтвердив заинтересованность государства в популяризации и развитии благотворительной деятельности.

Государством в последнее время были выработаны различные правовые механизмы, способствующие вовлечению в волонтерскую и благотворительную деятельность большого числа субъектов: например, в 2020 г. Министерство просвещения Российской Федерации разработало рекомендации относительно учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам среднего профессионального и высшего образования[1]; в том же году не только физическим, но и юридическим лицам была предоставлена возможность получать налоговый вычет на благотворительность (13% суммы пожертвований).

Очевидно, что гражданские инициативы с развитием информационно-коммуникационных технологий видоизменяются, появляются новые способы их реализации. Претерпевает изменения, ускоряется сам процесс формирования, выдвижения и реализации инициативы, трансформируются характер социальных коммуникаций и способы взаимодействия государства и общества, все больше людей вовлекается в решение общественных проблем.

---

[1] См.: Методические рекомендации по осуществлению учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам среднего профессионального и высшего образования // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/564855492

Инициативы, реализуемые в Интернете, стали называться вебактивизмом или электронной (сетевой) демократией. Таким образом, Интернет из площадки, объединяющей людей по интересам, уже превратился в инструмент для отстаивания своих прав и свобод.

В настоящее время для того, чтобы быть частью гражданского общества и активно участвовать в решении социально значимых проблем, необязательно выходить из дома или быть членом какой-либо организации, достаточно кликнуть компьютерной мышью и стать членом сетевого сообщества или оформить свою гражданскую инициативу на специальном портале. То же касается и добровольческого (волонтерского) движения.

Особое значение приобретают виртуальные волонтеры, которые помогают с такими важными задачами, как консультирование по телефону, перевод, графический дизайн, администрирование, юридическая работа и онлайн-обучение. Все чаще некоммерческие организации используют новые, нетипичные форматы вовлечения людей в благотворительность, что положительно влияет на развитие данного явления. Большую долю занимают онлайн-пожертвования[1] на специализированных платформах, став основным способом участия в благотворительной деятельности. Такими платформами, к примеру, являются: «Друзья благотворительного фонда «Подари жизнь»; «Эстафета чудес» для фонда «Жизнь как чудо» и др.

В международном отчете Global Digital[2] за 2023 г. приводится статистика, касающаяся главных причин использования социальных сетей в России. Среди них — поиск сообщества единомышленников (15,4%), а также обмен мнениями и обсуждения (13,4%).

Такие данные подтверждают, что социальные сети несут в себе определенный потенциал, связанный с участием в организациях гражданского общества, который может быть использован в будущем более широко для привлечения большего числа активистов в интересах таких организаций и для достижения общественно полезных целей.

Наиболее популярным в мире видом добровольческой активности является фандрейзинг[3]. В свою очередь, он может быть в форме волонтерского фандрейзинга и краудфандинга.

---

1 Объемы пожертвований на платформах в 2021 г. выросли в 1,5 раза. Более 1,1 млрд руб. онлайн-пожертвований было собрано в 2021 г. для поддержки некоммерческих организаций и нуждающихся в помощи.

2 См.: Отчет Global Digital 2023. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/

3 Способ привлечения ресурсов для реализации социально значимых задач.

Волонтерский фандрейзинг подразумевает сбор средств на социально значимые цели через личные связи сторонников организации (НКО или благотворительного фонда). Чаще всего это сборы на концертах, эстафетах, флешмобах и различных марафонах. Примером волонтерского фандрейзинга является один из самых массовых челленджев в мире Ice Bucket Challenge, собирающий средства в пользу больных боковым амиотрофическим склерозом. В России это непрофессиональные благотворительные забеги «Бегущие сердца», «Fun run» и др. К сожалению, в российских НКО на данный момент работает недостаточное количество специалистов по сбору средств, к тому же отсутствие профессионального образования тормозит развитие отечественного фандрайзинга.

Краудфандинг же представляет собой добровольную кооперацию людей (доноров) для сбора денег или других ресурсов, как правило, через Интернет. Цели могут быть самыми разными: помощь пострадавшим от стихийных бедствий, поддержка политических кампаний, проектов в сфере искусства и образования, лечение бездомных животных и т.д.

Наряду с социальными сетями[1], с помощью которых организации гражданского общества могут наиболее эффективно взаимодействовать, преодолевая институциональные границы, широкое распространение во всем мире и в России получают гражданские инициативы, построенные на технологии краудсорсинга[2].

Они используют информационные технологии и могут быть реализованы в виде проектов для голосования и сбора идей, конкурсных платформ и систем по обработке и сбору научных и справочных материалов, проектов по совместному использованию данных, по работе или поддержке коллективных инноваций. Наиболее известным проектом является электронная энциклопедия «Википедия», которая по большей части создается усилиями волонтеров. В последнее время в России появилось множество гражданских инициатив, оформившихся в подобные проекты. Например, РосЯма (http://rosyama.ru), ЭкоФронт (http://www.ecofront.ru) или карта помощи «Рында» (http://rynda.org). Таким образом, данные проекты высту-

---

[1] В октябре 2022 г. число активных авторов в социальных медиасетях в России составило 62,2 млн, ими написано более 1,5 млрд публичных сообщений.

[2] От английского слова crowdsourcing, crowd (толпа) и sourcing (использование или привлечение ресурсов). Данная технология позволяет привлекать к решению тех или иных проблем большое количество людей для реализации их потенциала. Чаще всего такая деятельность является добровольной и не оплачивается. Отличается от краудфандинга тем, что там привлекаются финансовые ресурсы, а здесь человеческие.

пают еще одним инструментом выражения и реализации интересов гражданского общества в условиях проникновения цифровизации во все сферы жизнедеятельности.

Следует отметить, что созданные государством в последние годы правовые и организационные механизмы, направленные на развитие гражданского активизма, добровольческой (волонтерской) и благотворительной деятельности, оказали положительное влияние на развитие гражданского общества в целом. Не вызывает сомнений, что широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий стало катализатором возникновения и развития современных форм гражданских инициатив. Появление актуальных технологических возможностей, позволяющих создавать и использовать новые инструменты для выражения и реализации гражданских инициатив, способствовало вовлечению большого количества людей в решение общественно значимых проблем и расширению возможностей для самореализации граждан.

Вместе с тем разнообразие правовых форм гражданских инициатив наряду с широким массивом нормативного регулирования и разрозненностью норм в различных правовых актах усложняет развитие данного института. Продвижение надежного и прозрачного механизма обработки и использования гражданских инициатив при участии институтов гражданского общества может помочь систематизировать и успешно внедрять наиболее полезные общественные предложения. Кроме того, следует отметить, что учет и применение в деятельности некоммерческими организациями передовых технологий и практик развития гражданского активизма являются основополагающим фактором в построении независимого и эффективного гражданского общества в нашей стране.

§ 2. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Формирование новой социальной реальности предопределено общественно-экономическими и социокультурными трансформациями[1]. Текущие изменения и преобразования общественного развития масштабны и проникают во все сферы общественной жизни.

---

[1] См.: Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносоциальном пространстве: кол. монография. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Складывающаяся общемировая тенденция развития управления государством и обществом характеризуется высокой динамикой изменения концентрации и распределения компетенции между уровнями публичной власти. В том числе с этим следует связать новые векторы развития и правового измерения регионализации. Содержательно последняя характеризуется ростом самостоятельности регионов не только за счет передачи новых полномочий на региональный уровень публичной власти — это только одна из внешних характеристик текущих процессов политического, социального, экономического развития регионов. Главными и определяющими являются факторы геополитического, экономического развития государства и ее регионов, каждый из которых отличается индивидуальными характеристиками, образующими именно их специфику. По этой причине исследование правовых форм современной регионализации должно полагаться на комплексную оценку совокупности определяющих факторов развития регионов. В указанном процессе важны и востребованы межотраслевые исследования.

В современных условиях концепция глобализации подверглась изменению. Исследователи обоснованно выделяют тенденцию к реглобализации[1]. Указанное направление характеризуется возрастанием роли национального государства, национального суверенитета, гомогенизацией населения. В этих условиях усиливается роль регионализма, выполняющего функцию координации политических и экономических процессов, консолидации формальных и неформальных институтов, структурированных по географическому признаку.

Процессы регионализации непосредственно связаны с многообразными формами взаимодействия и коммуникации, регионализмом, интеграцией, глобализацией. Регионализм выступает вектором, определяющим развитие государства, межгосударственных отношений, публичного управления[2]. Он также предстает в качестве интеграционной модели, в рамках которой формируются различные организации, наделенные самостоятельными функциями и компетенцией.

В настоящем исследовании предложена авторская интерпретация понятий «регионализм» и «регионализация». Под регионализмом предлагается понимать публично-правовую идентификацию и само-

---

[1] Chinese Regionalism in Asia: Beyond the Belt and Road Initiative (Routledge Contemporary China Series) Hardcover — Import, 29 July 2022 / Jared Morgan Mckinney, Tiang Boon Hoo. P. 1.

[2] См.: Regionalism in Latin America agents, systems and resilience Edited by J. Briceño-Ruiz, A.R. Puntigliano, 2021; Arban E. Italian Regionalism and the Federal Challenge, 2023.

идентификацию территориальных сообществ, проявляющих себя в идеях, нормах и правоотношениях, направленных на сохранение самобытности и повышение правового статуса региона как части государства (внутригосударственный регионализм) или региона мира в международных отношениях (межгосударственный регионализм). Регионализация же представляет собой практический процесс правового обеспечения перераспределения компетенции с общегосударственного уровня на внутригосударственный региональный уровень (внутригосударственная регионализация) и уровень межгосударственных региональных организаций или объединения государств, составляющих регион мира (межгосударственная регионализация), а также формирования внутригосударственных межрегиональных (регион как область государства) и межгосударственных региональных (регион мира) структур[1].

Учитывая, что регионализация охватывает территориальный, функциональный и институциональный аспекты, следует обозначить ее неразрывную связь с концепцией публичного управления. В контексте современных исследований проблем управления отмечается ограниченность государственного контроля над институтами, и в числе значительных ограничений государственной институциональной политики выделяют децентрализованные практики, в том числе децентрализованные социальные нормы[2]. Кроме того, концепция «нового управления» предполагает внедрение «новых гибридных управленческих процессов, в которых участвуют различные заинтересованные стороны, объединяющиеся в сети»[3]. Это проявляется во взаимодействии частного и государственного начал в управлении, создании новых форм управления.

В научной доктрине отсутствует определенность в вопросе оптимального сочетания частных и публичных механизмов управления, действительного соответствия характеристик частного права сути и содержанию используемых правовых средств. В связи с этим актуализируется необходимость выработки адекватных решений для разрешения следующих научных проблем: в какой мере уместна предлагаемая аналогия, каким образом трансформируются институты и принципы частного права в подобном взаимодействии, какие риски влекут такие решения для организации публичной власти[4]. Следует

---

1 См.: Нанба С.Б. Регионализм и регионализация: правовой аспект // Государство и право. 2023. № 11. С. 38–48.

2 См.: Эггертсон Т. Несовершенные институты: возможности и границы реформ. М.; СПб., 2022. С. 7–8.

3 Бевир М. Управление: очень краткое введение. М., 2015. С. 13.

4 См.: Фишхофф Б., Кадвани Д. Риск: очень краткое введение. М., Дело, 2022. С. 17.

отметить, что использование инструментария частного права в организации и функционировании публичной власти требует взвешенного подхода, в том числе в целях избежания неосуществления органами публичной власти собственной компетенции. Ценность и возможность сочетания противоположного не безусловны, децентрализация управления может означать его оптимизацию, но не автономию и диспозитивность по модели частноправового регулирования. Для новых условий жизни общества требуются новые модели управления и организации публичной власти без необходимости использования инструментов частного права.

Функционирование регионализма сопровождается возникновением разнообразных рисков и угроз, препятствующих его устойчивому развитию. В отношении европейского правопорядка, например в экономической сфере, такими факторами выступают кризисы в финансовой и банковской сферах[1]. Различными угрозами являются нарушения безопасности государства, общественной и экологической безопасности, безопасности личности. Социокультурные вызовы включают в себя проблему миграции, в частности приток иммигрантов и беженцев, распространение ксенофобных и расистских практик[2]. Форсированная цифровизация, повышение уровня поляризации общества являются новыми вызовами политической социализации.

Следует отметить, что генезис, функционирование и развитие регионализма нелинейно и неоднообразно в правопорядках мира, они подвергаются внутренним и внешним воздействиям. При этом отсутствуют универсальные основания и принципы функционирования регионализма. Это проявляется в различных подходах на региональном уровне к содержанию и пониманию основных элементов публичного управления: демократии, прав человека, верховенства закона. В связи с этим исследование регионализма ограничено конкретными географическими характеристиками. Вместе с тем его системное исследование позволяет определить формы коммуникации в целях адаптации отдельных правопорядков к возникающим вызовам и угрозам.

Традиционно возникновение регионализма связывается с образованием Европейского экономического сообщества в 1950-х гг.,[3]

---

1 Regionalism under stress Europe and Latin America in comparative perspective / Edited by D. Nolte and B. Weiffen, 2021. P. 22–24.

2 См.: Доклад на Всемирной конференции по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и связанной с ними нетерпимостью (Дурбан, 31 августа–8 сентября 2001 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/215/45/PDF/N0221545.pdf?OpenElement

3 См.: Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / рук. авт. кол. и отв. ред. А.Г. Гранберг. М.: Экономика, 2000. С. 7.

положившим начало региональному развитию на территории Европейского союза. В 1980-х годах возникло Азиатско-Тихоокеанское региональное сотрудничество в экономической сфере (АТЭС), в 2000-х образовано межгосударственное объединение — союз государств Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР (БРИКС)[1].

В текущих социально-экономических условиях обозначилась новая волна регионализма, в структуре которого важнейшими доминантами выступают расширение субъектного состава и предметной сферы регулирования. Такой подход предполагает объединение государств и негосударственных объединений, региональную интеграцию в различных сферах общественных отношений[2]. Образованы новые формы взаимодействия государств: Соглашение между Соединенными Штатами, Мексикой и Канадой 2020 г. (USMC), направленное на формирование условий для сбалансированной торговли между государствами, создание высокооплачиваемых рабочих мест[3], всеобъемлющее и прогрессивное Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, целью которого является поддержка открытых рынков, расширение мировой торговли и создание новых экономических возможностей для людей с любым уровнем дохода (CPTPP)[4], Всестороннее региональное экономическое партнерство (это соглашение о свободной торговле между 10-ю государствами – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) и ее пятью партнерами (Австралия, Китай, Япония, Новая Зеландия и Республика Корея (RCEP))[5].

Регионализация встроена в концепцию устойчивого развития, являясь одним из ее элементов и инструментом достижения ее целей. Это проявляется, в частности, в том, что она способствует решению задач по формированию жизнестойкости, устойчивости (в том числе

---

1 См.: БРИКС: контуры многополярного мира: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, зам. отв. ред. Н.М. Бевеликова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.

2 См.: Kogbe D. Rethinking civil society regionalism in Africa challenges and opportunities in democratic participation and peacebuilding in the post-Ecowas vision. 2020. P.1.

3 Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20 // https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between

4 Comprehensive and progressive agreement for trans-pacific partnership // https://fta.miti.gov.my/miti-fta/resources/CPTPPA/Comprehensive-and-Progressive-Agreement-for-Trans-Pacific-Partnership-CPTPP-English.pdf

5 Regional comprehensive economic partnership agreement // rcepsec.org/legal-text/

экологической) городов и населенных пунктов, обеспечению открытости, безопасности[1]. Международные стандарты ориентируют на необходимость взаимодействия и сотрудничества всех уровней публичной власти в процессе модернизации пространственного развития, признавая особую роль региональных и местных органов власти[2]. Это выражается в разработке документов планирования и стратегического развития, направленных на слаженное функционирование региональных и местных органов власти в целях стимулирования инновационной деятельности и повышения занятости населения на конкретных территориях.

Усиление роли регионализации проявилось в условиях кризисных ситуаций, в том числе вызванных пандемией COVID-19. Региональные и местные органы власти наряду с национальными правительствами оказались в авангарде событий, приняв на себя значительную долю ответственности. В докладе Конгресса местных и региональных властей Совета Европы отмечается, что пандемия выявила острую необходимость в солидарности для смягчения последствий кризисных ситуаций в области предоставления надлежащего ухода, жилья и образования[3]. Следует отметить, что устойчивое пространственное развитие и слаженная деятельность всех уровней публичной власти позволит обеспечить эффективную политику государств, направленную на оперативное реагирование на многообразные вызовы и угрозы.

В истории российского государства территориальное развитие обретало различные формы. В советский период основой формирования органов публичной власти стали: территориальный, социально-классовый и профессиональный принципы. Функционировали структуры в целях территориального управления промышленностью и строительством (совнархозы). Организация органов публичной власти отражала сочетание их территориальных, отраслевых и функциональных аспектов.

---

1 См.: Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020 // URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf , P. 45.

2 См.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г: Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement

3 Congress contribution to the reflection of the Council of Europe member States on «effectively responding to a public health crisis in full respect for Democracy, Rule of Law and Human Rights» (130th Session of the Committee of Ministers of the Council of Europe, 4 November 2020).

В конце 50-х и в начале 60-х гг. XX в. в России была проведена крупная реформа управления промышленностью и строительством, произошел переход от отраслевой системы управления к территориально-комплексной. Когда были упразднены отраслевые министерства и созданы советы народного хозяйства в экономических районах[1]. Управление стало осуществляться на местах, что позволило более оперативно решать вопросы взаимоотношений предприятий с органами управления в различных отраслях. В дальнейшем было признано необходимым усилить централизованное управление научно-техническим развитием и отраслевым регулированием.

После распада СССР стала укрепляться самостоятельность субъектов Российской Федерации, что иногда порождало чрезмерную автономизацию публичных органов власти. В этот период формировались межтерриториальные структуры, в частности ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации, федеральные округа.

Дальнейшее развитие территориального пространства Российской Федерации было поддержано созданием различных форм регионализации, которыми являются публично-территориальные образования, и территорий с особым, специальным режимом функционирования: закрытые административно-территориальные образования, наукограды, территории опережающего развития, территория свободного порта Владивосток, федеральная территория «Сириус» и др.

Потребности динамичного и комплексного развития экономики, социальных и научно-технических связей обусловили поиск новых форм организации пространства государства. Это выразилось, в частности, в необходимости совершенствования системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития. В связи с этим была принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года[2], предусматривающая также формирование городских агломераций и создание макрорегионов. В числе основных проблем пространственного развития России в Стратегии обозначены: высокий уровень межре-

---

[1] См.: Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023; Т. IV: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (публичное право) / Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба и др. С. 1.

[2] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

гионального социально-экономического неравенства; нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия.

Указанные проблемы сохраняют свою актуальность в отношении отдельных территорий и регионов, в частности территорий опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока и Арктики.

В российском правопорядке отсутствуют эффективная методика оценки и обоснованные критерии измерения уровня социально-экономической деятельности регионов с учетом индивидуальных особенностей каждого из них по ведущим показателям деловой активности, финансовой устойчивости и самостоятельности, развития конкуренции на товарных рынках, что существенным образом затрудняет прогнозирование и планирование в реализации экономических программ. Аналогичные методики отсутствуют и применительно к территориям Дальнего Востока и Арктики с учетом особенностей их развития и экономической основы деятельности, при этом именно на этих территориях сосредоточены стратегически важные для роста национальной экономики ресурсы. Соответственно требуется разработать и обосновать применяемые критерии оценки и их последовательность, а также определиться со структурой и режимом используемых для этих целей федеральных, региональных и муниципальных информационных ресурсов.

Необходимо учитывать, что в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года[1] только в общем виде и без механизмов решения определены задачи, среди которых названы: создание условий для развития перспективной экономической специализации субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона; формирование устойчивой системы расселения, опирающейся на региональные зоны опережающего экономического роста с комфортной средой обитания человека; снижение барьеров для экономической и социальной интеграции территории Дальнего Востока и Байкальского региона с остальными регионами России.

Такие решения являются необходимым, но недостаточным механизмом правового обеспечения развития территорий.

---

[1] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

При проведении экономической политики импортозамещения, переориентации отечественных производств, реализации адресного и эффективного бюджетного финансирования программ социально-экономического развития регионов требуются ревизия и пересмотр принципов организации, деятельности территорий опережающего развития, действующих механизмов концессий и государственно-частного партнерства в Арктической зоне, предоставляющих предпринимателю соразмерные возможности и нагрузку, выработка и обоснование критериев и показателей оценки эффективности территорий опережающего развития, действующих в Дальневосточном федеральном округе с учетом их специализации, индивидуальных темпов и факторов продвижения.

В законодательстве государственная политика регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. имеет узконаправленную ориентацию[1]. В частности, ею определяются отдельные задачи при отсутствии комплексного правового решения. В их числе названы: инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы Российской Федерации; привлечение частных инвестиций в негосударственный сектор экономики на региональном и местном уровнях; совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции, стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала; уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения указанных полномочий (с максимальным привлечением населения к участию в государственном и муниципальном управлении).

Представляется возможным отметить несоответствие нормативно определенных целей и задач правового регулирования. В частности, абстрактное установление целей правового регулирования содержит риски нарушения координации и системности определенных правовых средств как рычагов государственной политики. Так, целями государственной политики регионального развития являются обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан Российской

---

[1] См.: Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

Федерации на всей территории страны, повышение качества их жизни, обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также максимального привлечения населения к решению региональных и местных задач. Следует отметить, что такая формулировка не позволяет с достаточной степенью конкретизации установить цели государственной региональной политики. Закрепленный подход является существенным дефектом законодательства и ведет к несогласованности с нормативно предусмотренными задачами правового регулирования и, как следствие, к нарушению принципов правовой определенности и системности.

Законодательно установленные задачи государственной региональной политики, рассматриваемые в отдельности и единстве, не позволяют обеспечить кумулятивный эффект реализации цели правового регулирования. Следует отметить, что из сферы правового регулирования выпали важнейшие задачи, которые потенциально играют решающую роль в государственной региональной политике, а имеющиеся не могут обеспечить ожидаемого результата. Сказанное возможно продемонстрировать на следующем примере. Так, одной из приоритетных задач государственной политики регионального развития является совершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала посредством предоставления межбюджетных трансфертов, грантов из федерального и региональных бюджетов. Указанные средства не способны повысить уровень экономической активности и самостоятельности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, поскольку речь идет о целевом финансировании отдельных программ, которые могут быть и не связаны с региональными и местными бюджетами. Кроме того, из приведенной нормы не следует безвозмездность использования предоставленных средств для развития регионов и муниципалитетов.

В качестве цели государственной политики регионального развития установлено также максимальное привлечение населения к решению региональных и местных задач. Однако нормативно не определены роль и конкретные формы привлечения граждан для решения региональных и местных задач, в связи с чем указанная норма декларативна и не может рассматриваться как правовое предписание и механизм правового регулирования.

Вышесказанное позволяет заключить, что принимаемые меры и решения в области устойчивого регионального развития нередко оказываются не до конца обдуманными и оцененными с точки зрения рисков и ожидаемых последствий. Потенциал права не может обеспечить решение этой задачи, поскольку выбор правового инструментария предопределен уровнем и возможностями развития конкретного региона. Как представляется, средние характеристики в данном случае нерелевантны. Вместе с тем именно право претворяет в жизнь конкретное решение, направленное на обеспечение роста и развития конкретного региона. Правильность выбора правового средства в сопровождении процессов регионализации в известной мере обеспечивает достижение поставленной цели.

§ 3. РЕСУРС ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Исторически правовое регулирование интеллектуальной собственности сформировалось в сфере гражданско-правовых отношений в связи с приобретением ее результатами товарно-денежной формы. Речь идет об относительно молодом законодательстве, развивающемся в координатах права в историческом отрезке двух последних столетий. В системе российского гражданского законодательства нормы об интеллектуальной собственности (ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)) являют собой завершающий этап современной гражданской кодификации российского законодательства и одновременно новую сферу гражданско-правового регулирования. Вместе с тем уже сегодня цифровая экономика требует модернизации и преобразования отдельных институтов интеллектуальной собственности, например в частном праве: правового регулирования использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в трансграничном виртуальном пространстве в цифровом обороте товаров и услуг; выработки специальных правовых режимов охраны и применения программных кодов, доменных имен, оборота технологий; закрепления моделей сообладания исключительным правом; развития междисциплинарных подходов к оценке интеллектуальной собственности и др.

Гражданско-правовая свобода и юридическая власть субъекта исключительного права ограничены специальными режимами (право преимущества, право следования, право послепользования и преждепользования, сам срок исключительного права), что не позволяет рассматривать данное право как абсолютное, предоставляющее

правообладателю практически неограниченные возможности заявления любых требований к третьему лицу о запрете использования охраняемого объекта.

Общемировые тенденции к развитию и усложнению регулируемых отношений в сфере интеллектуальной собственности, совершенствование международного и национального правового регулирования в этой части, к сожалению, не способствовали росту правовой культуры и повышению эффективности мер по охране исторического наследия художественных и музыкальных произведений в современном обществе, что является дополнительным доводом в пользу отрицания возможности безоговорочного распространения признаков и свойств абсолютности на интеллектуальные права.

Из последовательного приращения и усовершенствования технологий складываются вехи и этапы научно-технического прогресса. Изолированное и близорукое понимание исключительного права как легальной монополии, зоны абсолютного господства правообладателя не позволяет объяснить упадка ресурса и потенциала отечественной промышленности при постоянно возрастающем объеме зарегистрированных прав промышленной собственности. Развитие российского законодательства об интеллектуальной собственности не сформировало у патентообладателей юридических обязанностей в отношении самостоятельного использования и направления запатентованного решения в производстве. В результате обладание патентом превращается в средство контроля и управления рынками, а это, по сути, может означать искусственное сдерживание и торможение инноваций[1].

Существует и рассогласование законодательства об интеллектуальной собственности с задачей сохранения культурных традиций российского общества. Российское законодательство и практика его применения не обеспечивают неприкосновенности перешедших в общественное достояние произведений музыкального, литературного, художественного отечественного искусства. Практически повсеместно можно наблюдать посягательства на целостность и авторство таких произведений при отсутствии специального регулирования жанра пародии, производного произведения, переработки в российском законодательстве. В результате не только нарушаются диалог и передача традиций между поколениями, но и истощаются сокровищницы отечественной культуры как основы существования и развития многонационального российского народа. Примеры тому многочисленны: их можно наблюдать в современных театральных постанов-

[1] См.: Синицын С.А. Сравнительное патентное право. М., 2022.

ках и комментариях, кратком изложении и прочтении классики русской литературы.

Произвольное отступление режиссеров, дирижеров-постановщиков, хореографов и исполнителей музыкальных произведений от авторского замысла, выраженного в партитуре и либретто, в угоду малопонятным потребностям времени, укоренение идеи об элитарном назначении произведений искусства («театр не для всех», а только для широко известных в узких кругах) в последние десятилетия приобрели ужасающие масштабы. Порой результат постановки и исполнения до неузнаваемости искажает авторское произведение, что, с нашей точки зрения, может быть признано нарушением права автора, произведению которого в силу закона предоставлена бессрочная охрана и одновременно гарантирована неприкосновенность (запрет на внесение изменений без согласия автора). В связи с этим страдает не только вложенный автором смысл в созданное им произведение, нарушается и смысловая целостность художественного пространства последнего, его образов. Сегодня нередки попытки представить действие музыкальных произведений, относящихся к вполне конкретной исторической эпохе, в произвольно выбранных режиссером-постановщиком социально-бытовых условиях и времени, «дополнить» авторский замысел, что в результате изменяет созданное произведение до неузнаваемости. Смерть автора не должна открывать возможности для произвольной переработки созданного им произведения, лишить неприкосновенности последнего и никак не ограничить защиту прав автора. Приемы, повлекшие изменение авторского замысла в произведении и представляющие собой не что иное, как нарушение прав автора (ст. 1266, 1267 ГК РФ), сами по себе не являются охраноспособным продуктом творческого труда и органически неотделимы от первоначального и взятого за основу произведения автора. В данном случае, с нашей точки зрения, есть основания считать действия по искажению произведения недобросовестными, которые в силу ст. 10 ГК РФ не подлежат судебной защите и не охраняют лиц, их совершивших. Именно личный вклад в создание результата творческой деятельности согласно ст. 1228 ГК РФ является обязательным условием приобретения прав авторства на произведение, в то время как свободное переложение и переработка произведений классики ничего нового не привносит в их прочтение, а только искажают замысел автора, пороча его имя в глазах общества. Истоки излагаемого подхода можно найти в юридической литературе, показывающей, что творческий характер произведения отражает субъективную деятельность его автора, его созидательное начало (желание, знание, умение), являющееся основой творчества.

Отличие авторской деятельности в литературе, науке, искусстве от смежных видов интеллектуальной работы состоит в аналитико-системном характере умственного труда, результатом которого является создание новых идей, образов, понятий, суждений, силлогизмов, новой комбинации уже известных идей, образов, понятий[1]. Доктор юридических наук В.Я. Ионас констатировал, что без критериев, определяющих творческий характер произведения, общество не в состоянии решать вопросы защиты авторских прав[2], а если в произведении нет самостоятельных элементов, представляющих собой объективно выраженный результат творческой деятельности, то произведение в целом не подлежит правовой охране.

Изложенное также обосновывает необходимость актуализации правового режима общественного достояния в российском праве. Для этого востребованы специальные средства и режимы правовой охраны, отличные от регулирования исключительных прав.

Узкоотраслевой подход к пониманию функционала и потенциала интеллектуальной собственности не только не раскрывает разнообразия межотраслевых связей норм и институтов права, но и ограничивает понимание важности интеллектуальной собственности в общественном развитии, экономическом росте, сохранении цивилизации и разнообразия форм жизни на планете. Достижению этих целей способствует разность правовых режимов в отношении объектов интеллектуальной собственности. Сложившиеся режимы правового регулирования исключительных прав на технологии и отсутствие проработанных механизмов их трансфертов в развивающиеся страны в немалой степени содействовали исчезновению видов живых организмов на планете и истощению ее ресурсов. Соответственно, в законодательстве должны появиться экологоориентированные ограничения и обязанности для субъектов промышленной собственности, закреплены права доступа к передовым технологиям, минимизирующим «по последнему слову» техники негативное антропогенное воздействие на природу.

Нами обозначены только отдельные проблемы и сферы смежного межотраслевого регулирования права интеллектуальной собственности. В целом же для этого могут быть использованы методология и прогнозирование обеспечения частных и публичных интересов, общественной безопасности, достижения приоритетов общественного развития в праве интеллектуальной собственности.

---

1 См.: Ионас В.Я. Произведение творчества в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 27.

2 Там же. С. 13.

Изложенное подтверждает, что сфера правового регулирования интеллектуальной собственности никак не ограничивается режимом исключительных и личных неимущественных прав, определяющих статут правообладателя только в гражданском обороте, а требует межотраслевого комплексного регулирования, что является необходимым условием прогресса, поступательного развития общества.

§ 4. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА КАК ГАРАНТИЯ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Культура как сфера творчества и созидания в современном мире испытывает на себе значительное влияние правового фактора. При этом центральным элементом правового воздействия на культурную жизнь являются права и свободы, получившие в международном и национальном праве, а также юридической доктрине определение культурных. Наиболее явно эта тенденция проявила себя во второй половине XX в. Во многом развитие как законодательства о культуре, так и модели взаимодействия по линии «государство — культура» определяется именно культурными правами, которые во многих странах приобрели характер конституционных. Выделение данной категории субъективных прав без преувеличения знаменовало собой новый этап как в конституционной истории, так и в правовом регулировании в культурной сфере[1].

Культурные права представляют собой переход от политики государства, ориентированной в основном на охрану историко-культурного наследия и защиту авторских прав, к попытке повышения общего уровня культурного развития и приобщения всего населения к культурной жизни. В этом отношении культурные права можно рассматривать как одно из направлений эволюции социального государства.

Сердцевину статусов субъектов культурной деятельности составляют правовые положения, определяющие их права и обязанности по отношению к культурным ценностям, находящимся в их собственности, распоряжении, а также характеризующие их возможности по осуществлению культурной деятельности.

---

[1] Например, бельгийская исследовательница Селин Ромэнвиль отмечает существенное изменение государственной культурной политики после дополнения в 1994 г. бельгийской Конституции положением о праве на культурное развитие (Romainville C. Le droit à l'épanouissement culturel / Les droits constitutionnels en Belgique. Les enseignements jurisprudentiels de la Cour constitutionnelle, du Conseil d'Etat et de la Cour de cassation. Marc Verdussen et Nicolas Bonbled (dir.), Bruxelles, Bruylant, 2011. Pp. 1473–1510).

При этом правовые конструкции культурной ценности и статуса субъекта культурной деятельности во многом являются служебными, подчиненными институту культурных прав. С помощью формирования режимов тех или иных разновидностей культурных ценностей, закрепления особенностей правового положения творческих работников, организаций культуры обеспечиваются права человека на участие в культурной жизни, на свободу творчества, приобщение к культурно-историческому наследию (доступ к культурным ценностям, возможность пользоваться услугами организаций культуры).

Концепция правового регулирования в сфере культуры, ориентированная на культурные права, дополняется подходом, определяющим культуру прежде всего как наследие. Эти два видения взаимодействия права и культуры находятся в сложном диалектическом контакте. Следует отметить, что концепт «культура — это наследие» сопровождается усилением роли государства в культурной жизни[1].

Существенное влияние как на законодательное регулирование в области культуры, так и на реализацию государственной политики в ней будут оказывать изменения конституционного текста, оформленные поправкой 2020 г., в которой впервые в России на конституционном уровне получили закрепление обязанности государства охранять и поддерживать культуру (ч. 4 ст. 68), приобрели характер конституционных такие термины, как «культурная самобытность народов и этнических общностей Российской Федерации» (ч. 2 ст. 69) и «общероссийская культурная идентичность» (ч. 3 ст. 69), перед государством поставлена задача защиты исторической правды (ч. 3 ст. 67.1). В литературе масштабность конституционных преобразований в данной части подчеркивается признанием того, что фактически культура возведена в «ранг национальной ценности». Таким образом, дальнейшая траектория законодательных и правоприменительных практик в области культуры будет являться продолжением глубоких конституционных изменений, которые не только расширят конституционные основы законодательного регулирования в области культуры, но и составят основное содержание нового этапа в истории законодательства о культуре.

При этом существенным является то, что помимо конституционных новелл действуют те положения, которые закрепляют и гарантируют человеку и гражданину определенные права в области культуры. Данные положения сохраняют центральное место в правовом регулировании отношений в данной области, исходя из особого ха-

---

[1] См., например: Бабурин С.Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2.

рактера второй главы Конституции Российской Федерации и конституционного принципа верховенства прав человека. И основная задача следующего этапа правовой институционализации культуры на законодательном уровне заключается в согласовании и обеспечении системного единства конституционных культурных прав и отмеченных выше нововведений.

С одной стороны, конституционные изменения в области культуры связаны со ст. 44 Конституции РФ, в которой каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, закрепляются права на участие в культурной жизни и на пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. В связи с этим возложение на государство обязанности охранять и поддерживать культуру (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ) можно рассматривать как гарантию обеспечения конституционных прав человека в области культуры. Это значит, что в Конституции Российской Федерации конституционный статус личности в области культуры теперь определяется не только посредством провозглашения определенных прав, но и конституционным закреплением обязанности государства поддерживать и охранять культуру. Таким образом, можно утверждать, что конституционным правам человека в области культуры корреспондируют соответствующие конституционные обязанности государства. Тем самым конституционное регулирование в области культуры приобретает законченный и совершенный вид и включает в себя такие важнейшие элементы, как права человека и гарантии их обеспечения в виде обязанности государства. Соответственно, ч. 4 ст. 68 Конституции Российской Федерации конкретизирует положение ст. 2 Основного Закона применительно к правам человека в области культуры.

Значимость ч. 4 ст. 68 Конституции Российской Федерации предопределяется также тем, что она формирует основы механизма обеспечения государством культурных прав человека. Дело в том, что культурные права требуют от государства не только негативных обязательств, например не вмешиваться в творческую деятельность, но и позитивных. Очевидно, что такие культурные права, как право на доступ к культурным ценностям, право на пользование учреждениями культуры, могут быть реализуемыми во многом благодаря проведению активной государственной культурной политики, направленной на сохранение культурных ценностей, формирование различных институтов культурного развития.

Однако положения, включенные в текст Основного Закона в 2020 г., не исчерпываются лишь формированием конституционных

обязательств государства применительно к субъективным культурным правам. В Конституции Российской Федерации культуру теперь предложено понимать не только как сферу реализации этих прав, но и как наследие. Смысловой концепт «культура — это наследие» также диктует закрепление роли государства в качестве инструмента охраны и поддержки культуры. Таким образом, обогащается смысловое наполнение роли и места государства в области культуры. Оно не только обеспечивает, гарантирует и защищает культурные права, но и выступает важным элементом системы сохранения и передачи поколениям предыдущего культурного опыта. В целом можно констатировать конституционную фиксацию усиления государственных начал культурной политики. Отражением данного процесса является в том числе и увеличение количества документов стратегического планирования как непосредственно в области культуры, так и в иных областях, в которых культурным аспектам отводится значительное внимание.

Включение в конституционный текст концепции «культура — наследие» и усиление коллективных начал культурных прав во многом являются проявлением формирования так называемой конституционной идентичности, отражающей сложный и динамичный процесс взаимодействия международного и конституционного права в условиях глобализации. В данном случае конституционная идентичность реализуется через признание равнозначности культурной, статусом субъекта культурных прав фактически наделяется многонациональный народ Российской Федерации.

Расширение предмета конституционного регулирования в области культуры актуализирует чрезвычайно важную проблему, а именно обеспечение согласования двух подходов. С одной стороны, культура предстает как сфера реализации творческого потенциала личности, его субъективных прав в качестве творца, субъекта, не только приобщающегося к культурному наследию, но и созидающего. С другой стороны, концепт «культура — наследие» во многом ориентирован на сохранение и передачу уже накопленного и сформированного своеобразного кода, выраженного в культурных ценностях, признаваемых обществом, государством в качестве образцов.

Как было отмечено, проблемным полем взаимодействия права и культуры является не только вопрос о роли и значении культурных прав как элемента свободы в данной сфере культуры. Большое значение также имеет социальный элемент.

Одной из целей социального государства является обеспечение свободного развития человека, что предполагает, помимо прочего,

и его совершенствование в культурном плане. В связи с этим следует отметить, что новая редакция ст. 114 Конституции Российской Федерации возлагает на Правительство Российской Федерации проведение социально ориентированной политики в области культуры. Представляется, что отмеченные изменения подчеркивают и усиливают связь культурной политики с концепцией социального государства и определяют в качестве одного из основных направлений развития законодательства о культуре его социализацию.

В доктрине предложено такое понимание социализации законодательства, как «привнесение в правовое регулирование принципов социального права и публично-правового метода воздействия»[1]. Представляется, что данная точка зрения не в полной мере отражает процесс социализации законодательства. Во-первых, публично-правовой метод регулирования не является уникальным, т.е. не применяется только для социального права. Соответственно, использование его в законодательстве о культуре не суть проявление социализации.

Во-вторых, предложенное видение фактически сводит социализацию к конструкциям, основанным на льготировании, социальной поддержке. Действительно, в законодательстве о культуре закрепляются определенные льготы для отдельных категорий граждан, например бесплатное посещение музеев для лиц, не достигших 18 лет, декларируется социальная поддержка работников культуры. Вместе с тем ограничение процесса социализации исключительно в таком русле ставит под вопрос само выделение в данном случае законодательства о культуре в качестве отдельной отрасли, поглощая его правом социального обеспечения.

Поддерживая идею о том, что в законодательстве можно наблюдать процесс социализации, представляется, что он не может быть сведен исключительно к воспроизведению принципов социального права. Социализация, будучи отражением на законодательном уровне принципа социального государства, предполагает более широкий спектр воздействия на общественные отношения, который связан с формированием механизма обеспечения и реализации культурных прав, требующих активного участия государства.

Следует отметить, что использование понятия «социально ориентированная политика в области культуры» трансформирует понимание и социального государства, существенно расширяет его содер-

---

[1] См.: Путило Н.В. Конституционные ценности социального государства. В кн.: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России) / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2013. С. 236.

жание, не сводя его исключительно к вопросам права социального обеспечения. Гарантирование доступности культурных ценностей, включение культурных благ в число защищаемых и обеспечиваемых государством — это также задачи социального государства.

Важнейшим условием культурной деятельности являются возможности доступности, распространения создаваемого культурного продукта. Именно это обстоятельство обусловливает и юридизацию таких отношений, т.е. формирование механизма, выступающего в качестве гарантийного инструмента представления и получения культурных ценностей. Следует отметить, что в данной части в последнее время наметились определенные взаимосвязанные, хотя и противоречивые тенденции, которые требуют в том числе осмысления и в качестве юридических феноменов и которые, как представляется, будут задавать один из треков развития отрасли законодательства о культуре, правоприменительной практики.

Прежде всего следует отметить, что с появлением интернет-технологий существенно расширились возможности как внешней презентации результата творческой деятельности, так и поиска и доступа к таким результатам. Цифровизация в области культуры открывает гигантские ресурсы. Интернет становится глобальной культурной площадкой. И во многом эффективность ее функционирования предопределяется наличием адекватного правового инструментария, способного реагировать на новые вызовы. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации появились нормы, касающиеся особенности ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети. Законодательное оформление получила деятельность аудиовизуальных сервисов, и в целом укрепляются межотраслевые связи между законодательством об информации, информационных технологиях и о защите информации и законодательством о культуре. Таким образом, распространение культурных ценностей как один из главных аспектов культурной деятельности получает новые технологические возможности и включается в один из важнейших трендов современного права, который исследователи называют цифровизацией.

Безусловно, цифровизация, с одной стороны, существенно повышает возможности как для реализации свободы творчества, так и для поиска и получения доступа к культурным ценностям. С другой стороны, нельзя не отметить, что в культурной жизни появляется новый влиятельный субъект, представленный владельцами технологических платформ, которые во многом и обеспечивают возможность

участия в культурной жизни в новой среде. Закрепление определенных правил, регламентирующих деятельность в цифровой среде с точки зрения создания условий для доступа к культурным ценностям, гарантирования свободы творчества, является одним из возможных направлений развития законодательного регулирования в области культуры[1]. В связи с этим можно поставить в том числе вопрос о расширении универсального, т.е. признаваемого международным правом, реестра культурных прав или об уточнении права на доступ к культурным ценностям, включив в него право на доступ к культурным ценностям, благам, услугам, распространяемым (предоставляемым) посредством цифровых площадок.

Кроме культурных ценностей привычного плана, будь то объекты культурного наследия, движимые культурные ценности или объекты нематериального культурного наследия, в свете конституционных преобразований можно выделить еще один своеобразный элемент, который также имеет признаки как части наследия, так и ценности культурного характера. В данном случае речь идет об исторической памяти (правде). Такая постановка вопроса имеет под собой конституционные основания, а именно конституционную ст. 67 Основного Закона, в которой государство берется защищать историческую правду. При этом вопрос исторической памяти в контексте обеспечения созидательных начал и заметного влияния правового регулирования в сфере культуры имеет чрезвычайно важное значение, так как требует сбалансированного разрешения важнейшей проблемы сохранения историко-культурной идентичности и при возможности обеспечения свободы творчества.

В связи с этим можно отметить, что интерпретация прошлого через призму исторической памяти, предполагающей определенное прочтение тех или иных исторических событий, приводит к такому интересному феномену, как юридизация исторической памяти, при-

---

[1] С.Ю. Житенев обращает внимание на то, что «одной из основных проблем современных информационных технологий, возникших на основе процессов цифровизации, является невиданная ранее вовлеченность огромного количества участников коммуникаций. В связи с этим появляется объективная необходимость установления общепризнанных правил цифровой коммуникации ... Этот процесс займет определенное время и потребует, чтобы основные участники договорились о дефинициях и определенном наборе общих положений, которые характеризуют деятельность в сфере цифровизации культуры». См.: Житенев С.Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий: матер. Всерос. науч. конф. (8 октября 2020 г.). М., 2020. С. 16–17.

дание ей характеристик объекта правового воздействия[1]. При этом перевод исторической правды в юридическую плоскость осуществляется в том числе через ее характеристику как объекта историко-культурного наследия. Свое выражение данный процесс нашел в формировании так называемой политики памяти (или исторической политики)[2]. В этом отношении одним из ярких примеров является

---

[1] Вопрос исторической памяти в юридическом разрезе многоаспектен и не ограничивается только проблемой ее интерпретации как культурного наследия, подлежащего правовой охране. Существенное значение он имеет применительно к стандартам публичной презентации прошлого, принятым в исторической науке, и к их использованию в праве. В этом отношении интерес представляет сюжет, связанный с переплетением и дифференциацией исторической и юридической истины, наиболее ярко себя проявляющий в ходе судебных дебатов, требующих оценки тех или иных исторических событий или персонажей. Так, исследователи отмечают, что череда судебных процессов в 1980–1990-гг. во Франции над сторонниками коллаборационистского Виши, к которым в качестве экспертов привлекались ученые-историки, оказала серьезное влияние на понимание стандартов ремесла историка как исследователя и заставила задуматься о том, что прошлое может предстать не только как объект исторического исследования, но и как элемент механизма правосудия, диктующего свое понимание истины, ее доказанности и интерпретации. См., например: Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М., 2016. С. 287–296. Характерно в связи с этим, что один из номеров журнала Le Débat, редакторами которого в свое время были такие гранды философской мысли, как Раймон Арон, Мишель Фуко, и влиятельные историки Эммануэль Ле Руа Ладюри, Франсуа Фюре, Жак Ле Гофф, по итогам одного из судебных дел в 1998 г. вышел с подзаголовком «Юридическая истина, историческая истина, процесс Папона».

[2] Польский исследователь К.Словински отмечает, что термин «историческая политика» («политика памяти») был впервые применен в середине 1980-х гг. учеными ФРГ (Geschichtspolitik). Вместе с тем до настоящего времени не удалось выработать его однозначного определения, хотя многие согласны с тем, что указанное понятие характеризует прежде всего участие государства в выработке картины прошлого. См.: Словински К. Историческая политика партии «Право и Справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102–103. При этом высказывается мнение, в соответствии с которым именно в Польше была «сформулирована теория исторической политики (политики памяти) как особой отрасли государственного управления, разработаны основные ее понятия и создана развитая инфраструктура из административных органов и общественных организаций для ее проведения». См.: Неменский О.Б. Формирование современной исторической политики Польши (2000-е гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–3. С. 160. Обращается внимание, что «важным явлением в современной научной и культурной жизни ряда стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы стала политизация исторического знания, известная в историографии как «историческая политика» или «политика памяти». См.: Кирчанов М.В. «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе // Славяноведение. 2022. № 5. С. 52. В связи с этим можно вспомнить значительное влияние власти в содержательном плане на развитие отечественной исторической

Франция, парламент которой неоднократно обращался к вопросу законодательного закрепления интерпретаций исторических фактов, в итоге чего появились «законы памяти»[1]. В ряде стран законодательно были учреждены специальные организации, обеспечивающие проведение такой политики[2]. Политика памяти проводится на уровне Европейского союза, и ее цель заключается в формировании общеевропейской идентичности, в том числе за счет определенной интерпретации прошлого, прежде всего периода Второй мировой войны и послевоенных лет[3]. Дебаты относительно истолкования тех или иных исторических событий нередко перестают носить академический характер и становятся заметным элементом внутренней и внешней политики[4].

Во многом концепт политики памяти трансформируется в сторону его юридизации, о чем может свидетельствовать, например, введение в оборот понятия «права на историческую память»[5].

науки. См., например: Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

1 См.: Hochmann Th. Le problème des lois dites « mémorielles » sera-t-il résolu par les résolutions ? La référence à l'article 34-1 de la Constitution dans le discours contemporain sur les relations entre le Parlement et l'histoire // Droit et Cultures. 2013. № 2. P. 57–69. К таким законам относятся, в частности, акты, признающие в качестве преступления отрицание преступлений против человечества, в том числе Холокоста (Закон Гэйссо 1990 г.), геноцида армян 2001 г., осуждающие европейскую работорговлю в Африке (Закон Тобира 2001 г.). Интересно, что, исходя из действующего в то время во Франции законодательства и устоявшейся доктрины, рассматривавших акты парламента исключительно через призму их нормативности, данные законы породили проблему их квалификации как документов нормативного характера, в разрешение которой был вовлечен Конституционный Совет Франции. См., например: Garibian S. La mémoire est-elle soluble dans le droit? Des incertitudes nées de la décision № 2012-647 DC du Conseil constitutionnel français // Droit et Cultures. 2013. № 2. P. 25–56.

2 В качестве примера можно привести польский Институт национальной памяти, действующий на основании Закона 1998 г. (Ustawa o Instytucie Pamięci Narodowej — Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu).

3 См.: Медушевский Н. Вспомнить все? Политика памяти современной Европы. — Издательские решения по лицензии Ridero, 2019.

4 О напряженности дискуссий может говорить, например, использование такого понятия, как «войны памяти». См., например: Belavusau U., Gliszczyńska-Grabias A., Mälksoo M. Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine / Section: Schwerpunktthema: Der Umgang des Rechts mit vergangenem staatlichen Unrecht Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart. Neue Folge (JöR) Volume 69 (2021) / Issue 1, pp. 95–116 (22).

5 Казаков М.М. отмечает наличие в «праве на историческую память» черт, присущих культурным правам, и признает одновременно, что его значение «выходит далеко за рамки чисто культурных аспектов». См.: Казаков М.М. Право на историческую

В Российской Федерации среди мероприятий по институционализации государственной политики памяти можно, например, назвать создание в 2009 г. Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России[1]. В дальнейшем, судя по конституционной поправке 2020 г. и ряду документов стратегического планирования[2], будет выбран вариант более активной модели, предусматривающий не только реагирование на историческую фальсификацию, но и формирование инструментария по защите и сохранению исторической правды (памяти), предотвращению ее искажения. К таким мерам можно, например, отнести уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, предполагающую в том числе наказание за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси[3], который, как известно, юридически закрепил поражение нацизма[4].

Тесное переплетение истории и культуры, конституционная направленность на охрану исторической правды будут иметь существенное влияние на культурную деятельность. В юридической части важным и чувствительным представляется формирование механизма объективации исторической правды как охраняемого историко-культурного наследия. Как показывает зарубежный опыт в области исторической памяти, а также отечественное законодательство, возможны различные варианты решения данного вопроса — признание того или иного факта, его интерпретация в актах органа государственной власти (в основном парламента), криминализация отрицания определенных исторических событий. При этом следует подчеркнуть, что правда о событиях прошлого, понимаемых в разрезе политики памяти, с юридической точки зрения приобретает черты особого вида культурно-исторической ценности.

память: исторический, идеологический и юридический аспект. В сб.: Обеспечение реализации прав граждан на историческую память как важный фактор единения общества и государства. Научно-практическая конференция: сб. науч. ст. / под ред. А.М. Капустина. Смоленск, 2020. С. 10.

1 См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. 2009. 15 мая.

2 См., например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 года и Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 года, утвержденные Президентом Российской Федерации.

3 Статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

4 См.: Гримальская С.А., Степашкин С.В., Хромова Н.М., Худин А.Н., Чернявский А.Г. Международный военный трибунал в Нюрнберге // Вопросы истории. 2021. № 2. С. 132.

Глава 5
ПРАВОВЫЕ НОРМЫ КАК СТИМУЛЯТОРЫ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. ПРАВО: ФИКСАТОР ИЛИ СОЗИДАТЕЛЬ?

Для современной науки характерно одновременное сосуществование множества парадигм («признанных всеми научных достижений, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу»[1]) и позиций, углов зрения на одну и ту же проблему, зачастую диаметрально противоположных и лишь претендующих на всеобщее признание, но не достигших его.

По мнению В.С. Степина, «духовные эволюции всегда предшествуют революциям политическим», а эпоха «неустойчивостей, противоречий, столкновения различных социальных сил» длится до тех пор, пока формирующиеся новые «ценностные ориентиры» и «смыслы мировоззренческих универсалий» не станут «достоянием массового сознания в качестве оснований новой картины жизненного мира»[2].

Тем не менее в важнейшем для теории права вопросе о соотношении права и социума, об их взаимодействии долгое время в качестве аксиомы выступал тезис о вторичности права, о том, что право лишь отражает общественные процессы. Исходя из того, что право санкционирует сложившиеся общественные отношения, т.е. официально их признает[3], принято было полагать, что «законодатель, формулируя норму права, всегда исходит из реальных фактических отношений, подлежащих правовому регулированию»[4]. Правовая норма считалась действительной лишь в том случае, если поведение, которое она регулирует, хотя бы в некоторой степени фактически

---

1 Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М., 1975. С. 11.

2 Степин В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 4–10.

3 См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 20.

4 Гревцов Ю.И. Правоотношение — разновидность общественного отношения // Правоведение. 1975. № 2. С. 52, 45–53.

соответствует ей; норма может относиться и к фактам, отличным от человеческого поведения лишь в той мере, в какой они являются его условием или следствием[1].

Можно выделить отдельные исторические периоды в развитии отечественной правовой науки, в которых возникали идеи о творческой, преобразующей роли права.

Первый период — время после Октябрьский революции. В середине 20-х гг. прошлого века отдельные ученые, рассматривая право в контексте таких категорий, как причина и следствие, пытаясь определить, что первично: правовая норма или общественное отношение, — приходили к следующему выводу[2]: нормы права формируются на основе известных общественных отношений, но они создаются для изменения этих отношений в определенном направлении; нельзя сказать, что право только санкционирует общественные отношения, оно их и изменяет. Когда разрушается старое право, то к нему подходят только как к фактическим отношениям, когда же устанавливается новое, то его стремятся утвердить в качестве чего-то нормативно обязательного, должного[3]. По мнению М.И. Калинина, «роль норм социалистического права как регулятора общественных отношений вовсе не сводится лишь к фиксированию уже сложившихся отношений; правовые нормы активно влияют на ограничение и полную ликвидацию общественных отношений, преобразуют и изменяют существующие отношения, а также активно помогают возникновению, развитию и упрочению новых»[4].

Второй период — время после принятия Конституции РФ 1993 г. С.С. Алексеев утверждал, что, возникнув без определенного фактического содержания, юридическая норма создает его, складываются отношения, которых раньше не было[5], а право обладает властью вызывать реальные последствия, оно создает социальный мир, являясь его порождением[6]. Разработанная в данных целях конструкция «опережающего отражения» как раз и подчеркивала возможность

---

1 См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.; Алеф-Пресс, 2023. С. 21–22.

2 См.: Попов А.М. Основные течения марксистской юридической мысли. Новочеркасск, 1925. С. 43–44.

3 Там же. С. 47.

4 Калинин М.И. Статьи и речи (1919–1935). М.: Партиздат, 1936. С. 80.

5 См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2 т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М., 2010. С. 246.

6 См.: Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. С. 104.

целенаправленного нормативного регулирования общественных отношений, предвидения условий их будущего развития, избирательного, активно преобразующего воздействия права на окружающий мир[1].

Специалисты Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации также полагали, что любая правовая норма принимается ради того, чтобы обеспечить определенные, заранее запланированные изменения или закрепить существующее в объекте воздействия[2].

Социальные нормы формируются в большинстве своем «в результате коллективного сознательного отбора реально существующих, повторяющихся актов человеческой деятельности, которые проявили свою полезность и целесообразность для развития общества»[3]. Это утверждение было справедливо и остается им, однако точка зрения Ю.А. Тихомирова, который призывает понимать право «не как пассивное средство фиксации существующих событий, а как механизм активного и опережающего преобразования и формирования новых естественных, технических и социальных условий и структур»[4], «целевого опережающего воздействия на происходящие процессы»[5],

Подобные взгляды на право близки новым направлениям научного познания (которым пока нет места в традиционной номенклатуре) юридических наук в частности и социальных наук вообще. Так, с позиций социальной физики[6] человеческое общество в основном состоит из сетей, образующихся в результате взаимодействия индивидов, социальная норма — это набор выгодных стратегий, которые, по единогласному мнению всех сторон, возникают в процессе социального обучения и обеспечивают лучший результат взаимодействия. Исходя из того, что социальное обучение включает в себя два варианта получения знаний и навыков: 1) усвоение новых стратегий через наблюдение за поведением других людей; 2) присвоение новых убеждений на основе наблюдения и полученного опыта, — бóльшая часть

---

1 См.: Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

2 См.: Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 20–21.

3 Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение: монография / Е.А. Лукашева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 67.

4 Право в эпоху биотехнологий: сб. матер. Студенческой конф. Ук. соч. — С. 19.

5 Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5–16.

6 См.: Петленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки / пер. с англ. Е. Ботневой. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 37

нашей жизни подчиняется различным шаблонам, а подавляющая часть наших мнений и мыслей — результат интеграции опыта других людей[1]. Г. Кельзен писал: «Конечно, то, что произошло, не может стать небывшим, однако задним числом может быть изменено нормативное истолкование давно происшедшего на основании норм, установленных после того, как подлежащие истолкованию события произошли»[2], тем самым возможности права в создании шаблона или корректировке уже созданного практически безграничны.

Наличие подобных научных выводов — это, как представляется, вызов современной юриспруденции, заставляющий взглянуть под иным углом на привычные убеждения и конструкции с учетом того, что в обществе современном и тем более обществе будущего, как можно предположить, произойдет неизбежное изменение соотношения между объемом норм, естественным образом складывающихся в ходе повседневной жизни социума, и объемом «искусственно созданных» норм. Под последними предлагаем понимать те правила поведения, социальные нормы, которые были в опережающем порядке сконструированы для регулирования либо еще отсутствующих (но прогнозируемых) отношений, либо тех социальных практик, которые уже существуют, но повторяемость их пока не настолько велика, чтобы сделать вывод об их полезности и целесообразности и распространить на более масштабный круг отношений (превратить в право).

В обществе стремительно изменяющихся отношений представления о безусловной первичности эмпирических отношений и вторичности процесса «конструирования», «изображения» этих отношений[3], о том, что социальные нормы — это всегда «результат социальной деятельности людей, конденсатор уже сформировавшихся устойчивых социальных связей»[4], перестают быть аксиомой, а процесс нормотворчества все менее предполагает «стремление взять под защиту одни нормы, сохранить или перекрыть действие других»[5], но все более ориентирует на непосредственное изобретение новых правил поведения.

Не подвергая сомнению постулат, что «придавая тем или иным обстоятельствам свойства юридического факта, законодатель несвободен — его действия обусловлены потребностями общества, скла-

---

1 Там же. С. 234.

2 Кельзен Г. Указ. соч. С. 24.

3 См.: Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 68.

4 Там же. С. 73.

5 Там же. С. 70.

дывающимися на определенном этапе его развития»[1], справедливо ставить вопрос: отражают ли реальные (объективные) потребности общества нормативные решения, цели, поставленные законодателем и определенные во многом субъективно? Или же система (структура) права — это своего рода «генетическая программа» права, в известной мере не зависящая от воли и желания законодателя, поскольку служит отражением основных видов общественных отношений (имущественных, управленческих, политических и др.)?[2] Или потому, что нормы права есть социальная реальность, не зависящая от нас[3]?

Все больше появляется норм, которые после возникновения соответствующих общественных отношений лишь придают правовую форму правилам, на основе которых и строится соответствующая связь, а не тем правилам поведения, которые являются результатом согласованного мнения государства относительно того, каким отношениям следует быть и какие правила должны быть приняты для того, чтобы из имеющихся общественных отношений получить моделируемые.

Потому не случайно, что в последнее время все большее применение получает практика юридического оформления использования метода социального, экономического и т.п. экспериментирования. Так, в настоящее время более 10 федеральных законов устанавливают специальные правовые режимы, одной из целей которых является «формирование комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, по результатам установления экспериментального правового режима»[4].

Полагаем, что сто́ит под иным углом посмотреть на бывшее долгое время незыблемым утверждение о том, что законодатель «не делает законов, не изобретает их, а только формулирует их...»[5]. Право

---

1 См.: Залесский В.В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. 2007. № 10.

2 См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 342.

3 Пеньков Е.М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972. С. 60.

4 Статья 3 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 393.

как часть культуры создается людьми и функционирует, используя объекты и явления материального и идеального мира, но при этом право не следует считать просто зеркальным отражением в нормах связей и смыслов, уже имеющихся в реальности.

Если право «творится», то правовую норму нужно рассматривать как особый артефакт, требующий «к себе в идеале отношения как к произведению искусства...»[1], а к его созданию применять подходы, характерные для творческой деятельности. Не случайно представители иных наук указывают на то, что не так часто встречается в работах юристов: «Нам нужен новый нормативно-правовой климат, без которого невозможно уверенное применение инновационных технологий, но устаревшие законодательства плохо приспособлены к решению описываемых проблем»[2]. Поэтому в рамках юридических исследований все больший акцент должен делаться не на прописных истинах о том, что право универсальный регулятор, но и том, что оно — «инструмент формирования нужной социальной реальности»[3].

В.В. Лазарев ставит вопрос: можно ли вообще, и если да, то как широко, в каких специальных областях допустимо нормативно контролировать будущее, в отличие от прошлого и настоящего[4]? Он также убежден, что нормы закона не создают, а лишь признают (официально формулируют в качестве общеобязательной) создание юридической ситуации, возникновение субъективных прав и юридических обязанностей в связи с наступлением определенных условий[5]. Границы сферы правового регулирования предопределены реальностью, в которую государственная деятельность включается одним из непременных факторов[6]. «Отчуждение норм в качестве внешнего по отношению к сознанию феномена» наиболее очевидно, когда законодатель не отражает в своем творении общественного мнения и «он

---

1 Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы: лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. 2019. 16 мая // URL: https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html.

2 Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Шваб, Н. Дэвис. М., 2019. С. 9.

3 Корнев А.В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 11–22.

4 См.: Лазарев В.В. Избранные труды (в 3 т.). Т.1: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; 2010. С. 233.

5 Там же. С. 237.

6 Там же. С. 238.

заранее преследует цель навязать свою волю широким слоям населения»[1].

Ю.А. Тихомиров наряду с участием права в обеспечении устойчивости управления в государстве и охраны и безопасности правопорядка отмечает созидательную роль права в формировании новых социально-экономических и правовых состояний[2].

§ 2. ПРАВО КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В современной юридической науке прочно утвердилась позиция, согласно которой право представляет собой систему норм. Переход от понимания права как совокупности норм к праву как системе норм занял несколько десятков лет. Так, используя термин «система права», Е.Н. Трубецкой тем не менее определял право как «*совокупность* норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях», объединенных в институты («совокупность норм, обнимающих специальный вид отношений») и затем в «целые отделы объективного права»[3]. До 1940-х годов в СССР право тоже определялось через термин «совокупность», а не «система» («...совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью, ... а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью...»)[4].

Предлагая собственную периодизацию понимания термина «система права» в советской юридической науке, О.А. Красавчиков[5] выделял: 1) концепцию системы права как системы принципов и учебных дисциплин (допускала *построение* системы права), появившуюся в предвоенные годы и малосвязанную собственно с правом и его системой (А.Я. Вышинский); 2) концепцию системы права как объективной социальной реальности (М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе, С.С. Алексеев; 3) концепцию основных и комплексных отраслей права (В.К. Райхер, Ю.К. Толстой и др.); 4) концепцию системы права как системы информации.

---

1 Там же. С. 328.

2 См.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М., Проспект, 2023. С. 67.

3 См.: Трубецкой Е. Энциклопедия права. М., 1917. С. 11, 84.

4 Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 40–41.

5 См.: Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 62–71, 63–67.

Понимание права как системы, а не совокупности норм[1] стало господствующим в отечественной юриспруденции к 60-м гг. XX в.[2] В это время уже давно существовало учение Г. Кельзена[3] о праве как системе норм (правовом порядке)[4], элементом, первоначальной структурной единицей которого выступает норма. Представляется, что смещение приоритета в использовании терминов может быть обосновано становлением в тот период в качестве самостоятельных наук (научных направлений), а затем и бурным развитием теории систем[5], кибернетики[6], теории информации.

Использование в отношении права как социального явления знаний, достигнутых синергетикой, кибернетикой и общей теорией систем, практически незаметно на фоне непрекращающихся, то затухающих, то вновь активизирующихся поисков понимания права.

---

1 Однако в отношении системных характеристик законодательства такое утверждение имеет множество исключений. Так, согласно Закону Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» законодательство — это совокупность нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК «О правовых актах» также под законодательством понимает совокупность нормативных правовых актов, но при этом использует термины «система права» и «система законодательства», в специальной статье регламентирует систематизацию нормативных правовых актов (видимо, в результате систематизационных процессов совокупность актов превращается в систему). Отметим, что Закон РСФСР от 21 ноября 1991 г. № 1914-1 «О постоянных комиссиях палат и комитетах Верховного Совета РСФСР» четко отражал иную позицию, поскольку требовал при разработке проектов законов определять не только необходимость их разработки, но и их «место в системе законодательства РСФСР».

2 См.: Строгович М.С. Принципы системы советского социалистического права. Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права / под ред. И.П. Трайнина 1946. № 2-6. М.-Л., 1946.; Шейндлин Б.В. Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М.,1960.

3 По мнению Кельзена, чистую теорию права он начал развивать с 1910-х гг. См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 1934 г. С. 21.

4 Там же. С. 100.

5 См.: Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). СПб.: Изд-во М.И. Семенов, 1912. Ч. I.; Его же. Всеобщая организационная наука (Тектология). М.: Кн. изд-во писателей в Москве, 1917. Т. 2.; Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969; Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974.; Афанасьев В.Г. Системность и общество, 2-е изд. М., 2018 и др.

6 См.: Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1968 и др.

В результате мы имеем метания между теориями, выработанными *правовой* наукой о *праве*, апелляцию преимущественно лишь к какому-то одному из уровней (блоков) права в качестве глобальной системы (чаще всего системы нормативной регуляции) с целью выявить «содержательное и сущностное в правовой материи»[1], дать ответ на вопрос: ***какая это материя (что она делает и какими методами)***? Но вопрос о том, ***что такое эта*** материя в мире похожих и качественно иных материй, остается пока без ответа. Даже интегрированная юриспруденция с позиций одного из ее идеологов Г.Дж. Бермана[2] формируется, не выходя за границы юридических изысканий, в результате сведéния социальной теорией права воедино позитивизма, теории естественного права, исторической юриспруденции.

Как отметил И.Р. Пригожин, «сегодня наука не является ни материалистической, ни редукционистской, ни детерминистической»[3], она должна учитывать наличие изоморфизма физических, биологических и социальных законов, общих принципов самоорганизации материального мира на всех его этажах, дающих возможность использовать для описания всех систем единый язык[4], тот, о котором говорил более 100 лет назад А.А. Богданов[5].

В теории создания и функционирования систем (в том числе социальных) выделяются следующие принципы[6]:

1) организационной непрерывности А.А. Богданова[7] (происходит постоянная модификация элементов системы и их комплексов, непрерывно формируются организационные структуры, связывающие систему с иными системами);

2) взаимно-дополнительных соотношений А.А. Богданова[8] (развитие системы связано с появлением дополнительных связей между ее элементами);

---

1 См.: Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права / Избранные труды: в 3 т. М., 2010. С. 204.

2 См.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: Эпоха формирования. М., 1998. С. 57.

3 Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. М., 1991. № 6. С. 46–52.

4 См.: Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.

5 См.: Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 2003.

6 См.: О классификации принципов см.: Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.

7 Богданов А.А. Указ. соч. С. 75.

8 Там же. С. 79.

3) моноцентризма А.А. Богданова[1] (у системы есть либо единый центр, либо (в случае сложной, цепной системы) один высший, общий центр);

4) закона минимума А.А. Богданова[2] (устойчивость системы определяется устойчивостью наиболее слабого ее звена[3]).

5) необходимого разнообразия У.Р. Эшби[4] (рост разнообразия элементов системы приводит к увеличению ее устойчивости и одновременно к ее уменьшению[5]);

6) опыта У.Р. Эшби («данные, которые связаны с изменением параметра, имеют тренд к разрушению и замещению данных о начальном состоянии системы»)[6];

7) внешнего дополнения С. Бира (в цепь управления системой встраивается координатор, «черный ящик», который передает по восходящей только некоторые воздействия, обобщая их, а нисходящие от системного центра координационные импульсы непрерывно будут специфицироваться локальными координаторами)[7];

8) рекурсивных структур С. Бира (если жизнеспособная система содержит в себе жизнеспособную систему, то их организационные структуры становятся рекурсивными (самоподобными))[8];

9) цепной реакции — закон расхождения Г. Спенсера (расхождение исходных форм будет происходить лавинообразно, по геометрической прогрессии)[9];

10) иерархических компенсаций Е.А. Седова (настоящий рост разнообразия на самом высшем уровне будет обеспечиваться его наиболее результативным ограничением на предшествующих уровнях)[10]. Данный закон продолжает идею А.А. Богданова о том, что системные центры в реальных системах представляются более организованными по сравнению с периферическими элементами и свидетельствуют о тренде непосредственного снижения уровня организации периферических элементов, который приводит к прямо-

---

1 Там же. С. 91.

2 Там же. С. 96.

3 См.: Локтионов М.В. Указ. соч. С. 89.

4 См.: Эшби Р.У. Введение в кибернетику. М., 2005.

5 См.: Локтионов М.В. Указ. соч.

6 Эшби Р.У. Указ. соч. С. 125–142.

7 См.: Локтионов М.В. Указ. соч. С. 91.

8 См.: Бир С. Мозг фирмы. М., 2009. С. 216.

9 См.: Локтионов М.В. Указ. соч. С. 87.

10 См.: Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 92.

му ограничению разнообразия этого уровня[1]. Лишь ограничивая разнообразие нижестоящего уровня, можно формировать структуры и функции на максимально высоких уровнях, а увеличение разнообразия на нижнем уровне будет разрушать верхний уровень организации, отсутствие ограничений приведет к деструктуризации системы в рамках единого целого[2];

11) актуализации функций М.И. Сетрова (объект выступает как организованный лишь в том случае, если свойства его частей (элементов) проявляются как функции сохранения и развития этого объекта)[3];

12) прогрессирующей сегрегации Л. фон Берталанфи (в процессе дифференциации элементы системы утрачивают непосредственное взаимодействие, но в централизованных системах формируются опосредованные системным центром каналы взаимодействия; процесс дифференциации, по мнению М.В. Локтионова[4], нереализуем вне централистски регулируемых процессов, поскольку в иных случаях координация развивающихся элементов оказалась бы невозможной);

13) прогрессирующей механизации Л. фон Берталанфи (в процессе развития систем части будут становиться фиксированными относительно определенных механизмов: на первоначальном этапе развития системы происходит динамическое взаимодействие внутри цельной открытой системы, восстанавливающей свое подвижное равновесие, затем появятся вторичные механизмы регуляции (дегрессивные комплексы, по А.А. Богданову), которые фиксируют процессы в связанных с ними элементах, существенно ограничивают многообразие изменчивости, множественность состояний и процессов. По М.В. Локтионову, ограничение многообразия элементов нижних функционально-иерархических уровней системы обусловливает уменьшение интенсивности обменных процессов[5], поскольку «дегрессивные комплексы» — это скелет, который, осуществляя связь пластичной части системы, удерживает ее в рамках собственной формы, задерживает ее рост, ограничивает ее развитие[6]).

Все более актуальным видится призыв «работать над концепцией, которая объясняла бы право как *многообразный,* но *единый* феномен,

---

1 См.: Локтионов М.В. Указ. соч. С. 91.

2 См.: Седов Е.А. Указ. соч. С. 99, 100.

3 См.: Сетров М.И. Степень и высота организации систем // Системные исследования: ежегодник / под ред. И.Г. Блауберга. М., 1969. С. 159.

4 См.: Локтионов М.В. Указ. соч. С. 92.

5 Там же. С. 93.

6 См.: Богданов А.А. Указ. соч. С. 172.

существующий на разных социальных уровнях и в разных ипостасях»[1], и осознание того, что «... право невозможно свести только к нормам... В любом языке словом «право» охватывается гораздо более широкий круг явлений, что не случайно»[2]. В настоящее время нельзя сделать вывод о том, что быть многообразным, но единым в состоянии только *система*. Об этом писал и Г. В. Мальцев: «...право, правовое регулирование — это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но *открытая динамическая система*, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной»[3].

Раскрытие смысла права и его онтологической структуры предполагает, на наш взгляд, описание бытия права в виде системы и характеристик последней. Именно признание права в качестве системы, права, существовавшего всегда как система, но не статичная, а изменяющаяся, позволит не придавать излишнего драматизма поискам правопонимания, ориентироваться на то, что в праве, как и любой системе, существуют нечто постоянное и неизменное, а также перманентное изменение, зримые различия между элементами. Это позволит двигаться к консенсусу относительно правопонимания, перешагнуть за рамки споров о гипотезах, вытекающих из понимания права исключительно как системы норм, зафиксированных во всем многообразии формальных источников права, и тем более из отождествления права и системы лишь одного вида его источников — нормативных актов.

Сущность системы права более сложна для понимания, нежели сущность системы законодательства, в том числе и потому, что система законодательства объединяет совокупность реально существующих актов, т.е. придерживаясь терминологии Л.И. Петражицкого, выделена по признаку существования, в то время как система права — по признаку желательности существования[4], а «нормы не являются смыслообразующим центром того, что можно описать, как право»[5].

---

1 Поляков А.В. Петербургская школа философии права // Правоведение. 2000. № 2. С. 6.

2 Там же. С. 11.

3 Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 70.

4 См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909. С. 477.

5 См.: Поляков А.В. Указ. соч. С. 20.

Если изначально право в качестве системы рассматривалось с позиции исключительно системы норм, то после 1970-х гг. в отечественном правоведении принципы общей теории систем стали распространяться на такие области права, как: образование права, действие права, расширение границ системы норм за счет включения в нее правовой идеологии, правосознания, правоотношений и др.[1] Использование подхода к структуре как к «срезу» системы, обнажающему ее «остов», элементы в состоянии единства, позволило И.С. Самощенко, И.Ф. Казьмину и Р.М. Романову определить систему законодательства в качестве его функциональной структуры, выражающейся в устойчивой группировке нормативных актов и предписаний в институты, подотрасли и отрасли законодательства, охватывающие в совокупности, взаимосвязи и взаимодействии все нормы советского права как регулятора общественных отношений[2].

Качественное различие между правом и законом виделось и в том, что только законодательство в целом воплощает государственную волю господствующего класса, «сгустками» кардинальных черт которой являются принципы соответствующей правовой системы[3], поэтому провозглашалась ориентация на сближение структуры законодательства со структурой права.

Советские ученые, выделяя отдельно эти системы и пытаясь показать связи между ними, признавали не только первичность системы права и производность от нее системы законодательства, но и наличие в системе законодательства отраслей, «за которыми не стоят отрасли права», которые, следовательно, обладают «иной основой и правовой природой»[4].

В то время право и тем более законодательство признавались (С.С. Алексеев, В.М. Сырых) в качестве неорганичных систем[5], поэтому отрицалась необходимость их изучения с применением всего методологического арсенала и концепций общей теории систем,

---

1 Система советского законодательства: монография / И.С. Самощенко, И.Ф. Казьмин, Р.М. Романов и др. / под ред. И.С. Самощенко. ВНИИСЗ. М.: Юридическая литература, 1980. С. 8.

2 Там же. С. 9.

3 Там же. С. 12.

4 См.: Яковлев В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства // Правоведение. 1975. № 1. С. 18.

5 См.: Алексеев С.С. Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право, 1972. № 7; Сырых В.М. Основные принципы внутренней организации правовых явлений как систем органического и суммативного типа / Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Т. 1. М., 1974. С. 35.

предлагалось использовать лишь понятия и категории системного подхода. Более того, ряд авторов считали вредным применение данных общей теории систем, кибернетики, поскольку они способны нивелировать властную сущность права и оставить от его природы лишь знаки и информацию[1].

Системность — атрибут права, имманентно и изначально присущее ему свойство — сегодня признается в той или иной мере всеми учеными, на основе этого постулата осуществляется законотворческая деятельность[2], активно используется термин «система» в описании механизма правового регулирования, термин и его производные применяются активно и во множестве аспектов: «система права» и «система законодательства», «правовая система», «систематизация», «систематика», «системный подход», «системный анализ» и др.

Парадокс заключается в том, что многократное использование данного термина и терминов, с ним связанных (в первую очередь термина «структура»), так и не позволило юридической науке полноценно представить право *как систему* не в традиционной для отечественной юриспруденции фрагментарной парадигме, где сомнению не подлежат системные свойства и качества лишь отдельных локальных систем, которые и являются объектами метафизических исследований (система права и система законодательства, структура нормы права и т.д.), а в парадигме современных общей теории систем, синергетики, философии и социологии.

Представляя собой специфическую идеологию[3], право, как и иные нормативно-регулятивные системы, по мнению Г.В. Мальцева, имеет сложное онтологическое строение, включает в себя разнородные элементы, распределенные по трем структурным уровням:

---

1 См.: Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 68.

2 Например, Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» в систему государственного регулирования в электроэнергетике включает помимо прочего принципы регулирования, методы регулирования, полномочия различных субъектов, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вводит понятие «система муниципальных правовых актов» и определяет структуру этой системы. Согласно Закону г. Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы» соответствующие акты образуют единую систему, основанную на принципе верховенства правовых актов большей юридической силы. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» определяет законодательство как систему нормативных правовых актов, характеризующуюся их внутренней согласованностью, иерархией и обеспечивающую правовое регулирование общественных отношений.

3 См.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 76.

1) нормативный (норма, правило, императив); 2) когнитивный (идея, ценность, цель, идеал, понятие и др.); 3) эмпирический (отношение, поведение, опыт и др.)[1].

Более 30 лет термином, наиболее пригодным для характеристики права как системы, был термин «правовая система», употребляемый в качестве синонима термина «правовая надстройка общества»[2]. Его использование позволяло отразить неоднородность элементного состава права в самом широком его понимании, наряду с нормативным показать социально-юридический компонент, в итоге прийти к выводу о том, что возможность правового регулирования есть новое качество системы, результат взаимодействия ее разнопорядковых элементов (сознание (идеальное), деятельность (реальная) и правила поведения (право) [3], а юридическая наука рассматривается как элемент, наиболее близкий к правосознанию[4], где уровень самоорганизации иногда бывает чрезмерным[5]).

Однако полной замены термина «право» в широком понимании термином «правовая система» не произошло. Учеными обращалось внимание на то, что понятие «правовая система» не подменяет собой понятие «право»[6], хотя и в наибольшей степени близко к нему, поскольку «дает возможность не только охватить собой весь комплекс правовых явлений, но и представить в системной связи организацию и взаимодействие всего правового как особого феномена нашей общественной жизни»[7], а законодательство демонстрирует нам примеры весьма спорного использования термина «правовая система»[8].

---

1 См.: Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд. М., 2009. С. 18.

2 См.: Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64–69.

3 См.: Тиунова Л.Б. О системном подходе к праву // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 49.

4 См.: Бобылев А.И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2. С. 22.

5 См.: Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 68.

6 Тиунова Л.Б. Указ. соч. С. 47.

7 Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 12.

8 Согласно ст. 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации право страны может включать в себя множество правовых систем. При таком подходе возникает вопрос: право государства (право как система в рамках одного государства) является системой, содержащей в качестве подсистем правовые системы (если их несколько), или же право страны полностью совпадает с правовой системой (в случае, если такая система одна)?

Ответ на вопрос о характеристиках права как системы усложняется наличием глобальных различий в природе ее подсистем, сложностями, возникающими при определении его значимости и самостоятельности, а также при отграничении права от общества[1], со служебным характером тех функций, которые право и государство выполняют по отношению к обществу[2], с управляемостью системы законодательства[3]. По мнению И.Л. Честнова, с помощью синергетики формируется «новое представление ... о праве как о неустойчивой, находящейся в постоянном становлении подсистеме, выполняющей определенную служебную роль в обществе»[4].

Проблема, на наш взгляд, не в «служебности» той или иной роли: человеческий мозг, будучи суперсложной биологической системой, играет служебную роль в качестве подсистемы еще более сложной сверхсистемы, коей предстает человек в его биосоциальной ипостаси. Проблема состоит в том, что признание права как формы и права приводит к мысли о «нереальности» права как системы; возможность бытия этой системы видятся лишь при ее *формировании* правовой наукой после выявления в процессе познания[5], ее восприятии в качестве «правовой абстракции, которая служит для выражения связей и единства правовых норм, их внутренних взаимозависимостей»[6].

Одним из первых отечественных правоведов, попытавшихся применить данные теории систем и кибернетики к праву, был Д.А. Керимов, по мнению которого система в праве представляла собой объективное объединение правовых частей в структурно упорядоченное, целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования[7].

---

1 Л.И. Спиридонов, например, рассматривал право как момент, сторону общества. См.: Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973.

2 Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 68.

3 См.: Заец А.П. Система советского законодательства: проблема согласованности. Киев, 1987. С. 23, 55.

4 Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И.Л. Честнов. СПб.: СанктПетербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 21.

5 См.: Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. Л., 1991. С. 12; Егоров Ю.Л., Хасанов М.Х. Система, структура, функция // Философские науки. 1987. № 5. С. 42; Кузьменко А.В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. 2003. № 3 и др.

6 Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 166.

7 См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 278, 288.

Д.Р. Джалилов, который[1] выделял в структуре права идеальные (семантические) и материальные (семиотические) элементы, причем содержание права организовано в виде идеальной, семантической системы, которая закреплена (выражена) в материальной системе, объединяющей нормативные акты, и только эти «две системы, их органическая связь и взаимообусловленность образуют систему более высокого порядка, которая может именоваться системой права».

Привлечение кибернетики в юриспруденцию позволило определять право как «кибернетическую систему, которая способна...воспринимать, хранить и выдавать информацию в целях правового управления общественными отношениями», а совокупный регулятивный эффект от реализации множества правовых норм называть синергетическим[2]. «Именно благодаря системному действию достигается главный результат правового регулирования — упорядочивание не только отдельных ситуаций, но и целого вида (системы) общественных отношений, появление эффектов, недостижимых на уровне отдельных элементов системы»[3].

В последнее время право рассматривается и как *вибрирующая* система, при этом авторы верно указывают, что «чем комплекснее система, тем больше требуется координации»[4].

По мнению В.В. Залесского, «самоорганизация и саморегулирование в праве не могут рассматриваться в целом как спонтанный процесс, имеющий место в природе, — он происходит под упорядочивающим воздействием человека. Успешность правового регулирования зависит от его соответствия процессу саморегулирования общественных отношений. Только в этом случае из хаоса неопределенного числа отношений может возникнуть предусмотренный порядок»[5]. Поддерживать и тем более повышать степень упорядоченности системы нужно, управляя ею, а для этого система должна быть открытой. При этом она лишается «защитной оболочки», открывается доступ для дезорганизующих факторов, но и для факторов управляющих.

---

1 Цит. по: Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 65.

2 См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов. 1994. С. 341.

3 Там же.

4 Маркова-Мурашова С.А., Мартынов В.Ф. Правовая система: проблемные аспекты эволюции // История государства и права. 2007. № 8.

5 См.: Залесский В.В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. 2007. № 10.

Применительно к системе позитивного права следует отметить, что «система правовых норм представляет собой относительно стабильное целое», самоорганизация обнаруживается на каждом ее уровне, но в разной степени (незначительной самоорганизацией обладает нормативный правовой акт как «плод целенаправленной деятельности специально уполномоченного на то государственного органа»; более высокая самоорганизация — в судебном прецеденте; а максимальной самоорганизацией в подсистеме позитивного права обладает правовой обычай, поскольку правило складывается естественным образом в ходе нормального течения общественных отношений[1]. Для правосознания самоорганизация является единственным способом существования, в «кибернетической цепочке «право — правосознание — правовые отношения» промежуточное звено, передавая управленческий импульс, само почти полностью сохраняет самоорганизацию»[2].

Право, с точки зрения В.В. Залесского[3], выступает как один из антиэнтропийных рычагов воздействия на развитие общественных отношений, все время заботится о том, чтобы поддерживать порядок, избегать хаоса, свойственного подстерегающей любую сложную систему энтропии. В нем существуют две макросистемы: система законодательства (основывается на субъективной оценке законодателем необходимости правового регулирования некоего комплекса общественных отношений) и система правоотношений (не относится к разряду природных, но подчинена тем же закономерностям, что и природные системы).

Одна из таких закономерностей касается образования новых правовых массивов. С.В. Поленина еще в 70-х гг. прошлого века так описывала образование новых структурных единиц в системе права: накопление группой взаимосвязанных пограничных правовых институтов критической массы приводит к скачку, количество переходит в качество, в результате которого появляются новые свойства, касающиеся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования определенной области общественных отношений[4].

---

1 См.: Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 65, 66.

2 Там же. С. 67.

3 См.: Залесский В.В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. 2007. № 10.

4 См.: Поленина С.В. Комплексные правовые институты и новые отрасли права // Правоведение. 1975. № 3. С. С. 77.

Философы[1], исходя из выделения двух взаимосвязанных систем регулирования жизни человека (биогенетические программы и культура) и признавая социальные регуляторы (в том числе и право), одним из элементов регулирующего воздействия на биогенетические программы со стороны культуры рассматривают последнюю как «сложноорганизованную и развивающуюся систему надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения людей». Эта система наряду с экономикой и социальной системой общества является сложной саморазвивающейся системой.

Итак, *культура — саморазвивающаяся система*. А право?

По мнению Е.А. Павлодского[2], «право не является саморазвивающейся системой. Его движение вызывается волей законодателя, которая питается различными источниками, но основополагающим является общественное мнение, ибо без учета правосознания населения и правоприменителя невозможно выработать действенное правовое предписание». Данная позиция верна, если рассматривать право в традициях советского правопонимания, с узких позиций.

Сегодня в ряде работ[3] провозглашается принадлежность элементов, образующих структуру правовой системы (позитивное право, правовые отношения, правовое сознание и правовая культура, правовые учреждения, юридическая практика), к разряду сложных самоорганизующихся систем, не оспаривается нелинейность развития правовой системы.

С точки зрения В.В. Залесского[4], право «призвано вносить упорядоченность в общественные отношения, создавая относительно *замкнутую* систему постольку, поскольку возможность эффективного управления связывается с определенным уровнем устойчивости системы». В то же время «изоляция любой действующей системы останавливает поступление импульсов извне, отдает систему во власть разрушающих случайностей, толкающих систему по пути к беспорядку»[5].

---

1 См.: Степин В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 4–10.

2 См.: Павлодский Е.А. Роль общественного мнения в развитии семейного законодательства // Закон и общественное мнение. М.: ИЗиСП, 1994. С. 40.

3 См.: Аскеров Д.Р., Черевиченко Т.С. Юридическая синергетика // Modern Science. 2019. № 10–3. С. 33–37.

4 См.: Залесский В.В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 86–92.

5 Залесский В.В. Законы природы и законы юридические.

Системность права возрастает по мере усложнения и дифференциации общественных отношений и расширения сферы их правового регулирования[1].

Для системы законодательства ученые предлагают в качестве первичного элемента как нормативное предписание[2], так и самостоятельный нормативный правовой акт[3] или же статью такого акта.

К тому же далеко не все исследователи оценивают понятие правовой системы как предельно широкое. В связи с этим Л.С. Явич правильно отмечал, что «было бы неверно включать в это понятие все без исключения юридические категории, всю правовую действительность[4]». По мнению Н.И. Матузова, нацеленность разработчиков концепции «правовой системы» на то, чтобы данная система включала в себя «всю совокупность юридических явлений общества», была преждевременной[5].

По мнению И.Л. Честнова[6], понятие «правовая система», утвердившееся в нашей стране в середине 1980-х гг., введено для того, чтобы, с одной стороны, показать отличие статического позитивистского подхода к системе права как структуре от динамического, социологического. Но с позиций постклассической теории права, акцентирующей внимание на динамическом аспекте системности права, нет принципиальной разницы между понятиями «система права» и «правовая система», поскольку система права (или правовая система) — это процесс воспроизводства правовой реальности, а не статичная структура — связь между элементами, и эта система отвечает на вопрос: «как функционирует система права?», а не на вопрос: «что это такое?»[7]

Под правовой системой традиционно понимается совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, и правовых явлений, взаимодействующих на разных уровнях: 1) действующие правовые нормы и

---

1 См.: Лейст О.З. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 66.

2 См.: Заец А.П. Указ. соч. С. 9.

3 См.: Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М. 1979. С. 205.

4 Явич Л.С. Сущность права. Л., 1985. С. 41.

5 См.: Матузов Н.И. Правовая система развитого социализма // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18.

6 См.: Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И.Л. Честнов. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 72.

7 Там же. С. 73.

система источников права; 2) особенности правосознания и правовой культуры, правовые понятия, юридическая наука и правовая идеология, правовая политика; 3) система правоотношений, состояние правопорядка и законности; 4) юридическая практика; 5) юридическая техника. При их объединении получается следующая триада: 1) система права (содержащая в себе систему внешнего выражения норм права); 2) правовая культура и 3) правопорядок, включающий в себя деятельность по конструированию норм права (правовая политика), их техническому совершенствованию и воспроизводству в практиках[1].

Предлагаемое в юриспруденции направление движения «от отдельного явления («право») к более сложному — целостной системе («правовая система») и от нее к самому сложному — совокупной разнообразной жизнедеятельности («правовая жизнь»)»[2] вполне может быть заменено движением к осознанию феномена права в парадигмах общей теории систем и синергетики, включая соответствующую терминологию.

Такие призывы звучали неоднократно, отдельные изменения в научном арсенале исследований имеются, но в реальности ***новая концепция права как сложной системы и как подсистемы еще более сложных систем так и не создана***.

Можно отметить продолжающуюся тенденцию к обособлению в научном сознании системы права и системы законодательства и достижение определенного консенсуса: законодательство не охватывает всего разнообразия нормативности, с одной стороны, но, с другой стороны, включает в себя кроме формулировок норм и иные элементы — технические, количественные и т.д.[3]

Но в то же время ряд вопросов остается, особенно в тех случаях, когда исследователи не допускают мысли о том, что право как система в целом или отдельные ее подсистемы может быть неоднородным (гетерогенным), т.е. включать в себя разные по характеристикам элементы. Действительно, если признать, что норма права — это правило поведения, адресатами которого выступают два субъекта (один наделен правом, а второй — обязанностью), то возникает вопрос о том, являются ли правилами, т.е. нормами поведения, предписания, которые не содержат модели поведения для человека,

---

1 Там же.

2 См.: Малько А.В. Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 51–60.

3 См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 353.

а адресованы неодушевленным субстанциям — нормам, институтам, отраслям, всему национальному законодательству. Могут ли столь разноплановые явления быть частями какой-то одной системы? Ответ на данный вопрос в рамках нынешних достижений философии, иных направлений научных знаний, изучающих системы — как естественные, так и социальные, вполне может быть утвердительным.

В данном случае следует вернуться к позиции, которая была предложена А.В. Мицкевичем[1] и являлась господствующей в трудах теоретиков ВНИИСЗ, но, к сожалению, не была в полной мере оценена отечественной теорией права, а именно: о нормативном предписании как форме закрепления правовой нормы в нормативном правовом акте. В таком случае нормативные предписания — это не нормы права, а нетипичные конструкции, в которых трудно найти атрибуты правовых норм. Они представляют собой не нормы, а нормативные предписания[2]. Нормативное установление в форме предписания, не являясь правилом *поведения,* тем не менее оказывается гармонично вписанным в систему права и не требует глобального пересмотра одной из главных аксиом правовой науки о норме права как о правиле *поведения*. При ином подходе, смешивая норму права и нормативное предписание, юридическая наука[3] вынуждена заниматься ревизией традиционных ценностей вплоть до признания не совсем верным рассмотрение нормы права исключительно как правила поведения и восприятия нормы как «не только и не столько правила поведения, сколько правила, определяющего поведение, собственно правило как таковое, образец, мера нормальности, критерий оценки фактов действительности». Или же выделение в логической структуре нормы права: субъекта, предиката и побудительной связки, которые в совокупности дают знать, что «такому-то адресату предписывается такое-то поведение с таким-то модусом нормативности»[4].

Возникающие в социокультурной среде как выражение ее потребностей системы после своего появления оказывают на нее обратное

---

1 См.: Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С. 34.

2 См.: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–117.

3 См.: Баранов А.В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2017. №1 (50) С. 22–30.

4 См.: Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 29–36.

воздействие[1], что является одним из факторов, способствующих появлению у больших систем ряда следующих признаков[2]: 1) дифференциация на относительно автономные подсистемы, в которых происходит массовое, беспорядочное взаимодействие элементов; 2) прямые и обратные связи между ним и подсистемами в системе особого блока управления; 3) гомеостатичность; 4) программа функционирования, которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей.

Наличие в правовой системе своеобразного механизма «саморегулирования»[3] или «системосохраняющего механизма»[4] подтверждает принадлежность права к *разряду больших саморегулирующихся систем*, в которых: 1) целое уже не исчерпывается свойствами частей, возникает системное качество целого; 2) часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами; 3) элементы сложной системы, будучи выделенными из нее, разрушаются (погибают), в отличие от простых механических систем. Так считал и Г. Кельзен[5], когда утверждал, что право само регулирует и процедуру, посредством которой оно создается (т.е. собственное создание), и свое применение, более того, правоведение может только описывать право, но в отличие от права не может ничего предписывать.

Сложные саморегулирующиеся системы рассматриваются философами как устойчивые состояния еще более сложной целостности — саморазвивающихся систем, которым присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

---

1 См.: Право и национальные традиции. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 5–41.

2 См.: Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

3 См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 265; Черданцев А.Ф. Системность норм права: сб. уч. тр. СЮИ. Вып. 12. Свердловск, 1970. С. 47–63.

4 См.: Заец А.П. Система советского законодательства: проблема согласованности. Киев, 1987. С. 23; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 13.

5 См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 71, 94, 97.

В саморазвивающихся системах создаются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий), выступающие как программы поведения системы.

По мнению С.П. Курдюмова[1], признаками (свойствами) сложных систем являются также: 1) нелинейность (заключается в том, что малое воздействие в определенных условиях неустойчивости может приводить к катастрофическим результатам, цепным реакциям; 2) регенерация, самоподдержание системы (при некоторых значительных изменениях она восстанавливает свою организацию, среда сама при определенных условиях создает возможности для работы системы, переходит на другой режим взаимодействия с миром, более эффективный, и, вывести ее из этого режима сложно). В каждой нелинейной системе есть элементы самоорганизации, элементы регенерации, устойчивости, цели развития, действует закон коэволюции: все системы, которые мы построили, содержат в себе структуры разного возраста, и те, что из прошлого, развиваются медленнее, а из будущего — очень быстро[2].

С таких позиций нормы подсистемы *саморегуляции — это и есть тот реликтовый механизм системы права, который наиболее консервативен, вечен и практически неизменен.* Новые запреты и правомочия исчислить невозможно, а принципы, цели, коллизионные нормы можно «пересчитать по пальцам».

Класс систем, способных к самоорганизации, — это открытые системы, в которых есть источники (стоки) обмена веществом (энергией) с окружающей средой, находящиеся в каждой точке таких систем, иными словами, обмен происходит не по границе системы, а в каждой ее точке, что позволяет строить структуры (локализованный в определенных участках среды процесс). В этой системе должны быть начало, создающее структуры, т.е. наращивающее неоднородности в сплошной среде, и начало, рассеивающее неоднородности. Если рассеивающее начало преобладает, то все неоднородности будут размываться и структуры в таком режиме не возникнут[3].

Особенности нелинейного мира состоят в том, что в определенном диапазоне трансформаций констант среды и параметров нели-

---

1 См.: Курдюмов С.П. Новые тенденции в научном мировоззрении // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. Т. 1. № 1. С. 82–91.

2 Там же. С. 90.

3 См.: Курдюмов С.П. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры / Живая этика и наука. 2008. № 1. С. 379–443.

нейных уравнений не происходит качественных изменений картины процесса. Несмотря на количественное варьирование констант, сохраняется притяжение одного и того же аттрактора (реальные структуры в открытых нелинейных средах, на которые выходят процессы эволюции этих сред, в результате затухания промежуточных, переходных процессов, близко к пониманию цели), процесс «скатывается» на имеющиеся структуру и режим движения системы. Но с перешагиванием через некоторые пороговые изменения происходит превышение критических значений параметров, и режим движения системы существенно меняется. Система попадает в область притяжения другого аттрактора[1].

Может ли примером этого общего для систем правила быть ситуация, при которой «законодательство перестает «встраиваться» в общую нормативную структуру правовой системы и становится «потоком», внутренне не структурированным и без каких-либо границ»[2], или это пример «переструктурирования (усложнения и деградации) среды, которое происходит не только вследствие изменения констант среды, но и как результат саморазвития процессов в ней»[3]?

В.С. Степин много раз указывал: все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем[4], изучением которых в настоящее время занимается синергетика. Среди новых идей и представлений, которые внесла синергетика (динамика нелинейных систем) в понимание развития, академик Степин В.С. выделял: 1) представление о кооперативных эффектах, определяющих воссоздание целостности системы и 2) концепцию динамического хаоса, раскрывающую механизмы становления новых уровней организации.

Специфика синергетики состоит не только в том, что она изучает случайное, хаос, порядок и т.п. Синергетика также занимается исследованием систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы[5] на основе базового принципа[6]: «достойное человека

---

1 Там же.

2 Маркова-Мурашова С.А., Мартынов В.Ф. Правовая система: проблемные аспекты эволюции // История государства и права. 2007. № 8.

3 Курдюмов С.П. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры / Живая этика и наука. 2008. № 1. С. 379–443.

4 См.: Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.

5 См.: Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985. С. 19.

6 См.: Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003 / пер. с нем. Е. Н. Князевой

самоорганизующееся общество может продолжительно существовать только тогда, когда каждый поступает так, как если бы он в рамках своей собственной деятельности был ответственен за целое».

Предмет синергетики — сложные системы, находящиеся в условиях неустойчивого равновесия, с рядом ключевых характеристик[1]. Исследуемые системы: состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во взаимодействии друг с другом; являются нелинейными; открытыми; подвержены внутренним и внешним колебаниям; могут стать нестабильными. В них: происходят качественные изменения; обнаруживаются эмерджентные новые качества; возникают пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры. Они могут быть упорядоченными или хаотическими; во многих случаях возможна математизация.

По мнению А.Б. Венгерова, для синергетики основное — изучение переходов от микросистем через некоторые промежуточные состояния (мезосостояния, мезоуровни) к макроструктурам, главным образом переходов типа «порядок — беспорядок» или «беспорядок — порядок»[2]. Ученый полагает, что существуют три основных пути «самоорганизации» системы: 1) можно изменить общее воздействие на систему окружающей среды; 2) самоорганизацию может вызвать одно лишь увеличение числа «переменных» — новый тип поведения системы может возникнуть на макроскопическом уровне, если даже перемешать эти «переменные»; 3) может произойти внезапное изменение управляющих параметров в то время, когда система переходит в новое состояние в новых условиях и ослабевают структурные связи[3].

Если человек выступает в качестве компонента системы, то она обозначается как человекоразмерная, где человек является и объектом, и субъектом деятельности. Изучением таких систем как раз и занимаются социальные и гуманитарные науки[4].

В целях правильного отбора правовых регуляторов для правового воздействия Ю.А. Тихомиров предлагает следующую классификацию правовых норм: 1) принципы права, нормы-дефиниции, нормы-це-

---

Самоорганизующееся общество // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

1 См.: Синергетике — 30 лет: интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. 2000. № 202. С. 55.

2 См.: Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 39.

3 Там же. С. 43.

4 См.: Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

ли; 2) нормы статусные, нормы компетенций, нормы-процедуры; 3) нормы обеспечения, нормы-стимулы, нормы поощрения; 4) нормы саморегулирования, нормы — образцы лучшей практики, нормы рекомендательные (модельные); 5) нормы-ограничения, нормы-запреты, санкции[1].

Представляет ли собой система законодательства, определяемая как «единство взаимосвязанных нормативных предписаний, отражающих содержание правовых норм, различающихся по выполнению строго определенных функций в регламентации общественных отношений и объединенных в нормативных актах, являющихся средством их объективации»[2], саморазвивающуюся систему? Законодательство — это целостная система, поскольку в результате взаимодействия нормативных предписаний[3] возникают новые качества и свойства, включая такое собирательное интегративное качество, как способность законодательства служить юридическим источником и формой выражения права[4].

Если исходить из признания того, что предписания системы законодательства не являются однопорядковыми, имеют разное назначение в рамках этой системы и классифицируются по видам (группам)[5], то комплекс норм системосохраняющего назначения есть часть механизма правового регулирования, включающая в себя совокупность правовых средств и юридического инструментария, специфических по своей природе и функциям, позволяющих правомерными (корректными) способами обеспечивать системность права, единство и согласованность его элементов, т.е. осуществлять определенное саморегулирование в праве с целью ликвидации противоречивости и неопределенности в правовой системе[6]. От уровня организованности системы и эффективности функции самосохранения зависит готовность системы к активному реагированию на изменения внешней среды[7].

---

1 См.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М.: Проспект, 2023. С. 36.

2 Заец А.П. Указ. соч. С. 12.

3 Там же. С. 13.

4 См.: Система советского законодательства: монография / И.С. Самощенко, И.Ф. Казьмин, Р.М. Романов и др.; под ред. И.С. Самощенко. ВНИИСЗ. М.: Юридическая литература, 1980. С. 12–13.

5 См.: Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 5–18.

6 См.: Денисова А.В. Саморегуляция в российском уголовном праве // Lex russica. 2015. № 12. С. 52–63.

7 См.: Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978; Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 160–165.

В философской литературе при исследовании проблем эволюции систем природа системосохраняющего механизма определяется в качестве внутреннего регулятора, организующего и обеспечивающего целостность системы. Философский подход к юридической материи позволяет специалистам[1] выделять в структуре этого механизма такие компоненты, как принципы, цели и задачи права, презумпции и фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила, правоположения.

Механизм саморегуляции права как на отраслевом, так и на надотраслевом уровне дает возможность сохранять и поддерживать системные свойства массива правовых норм. *Праву как системе нужны специальные инструменты, которые действуют постоянно, и действуют на «отношения», складывающиеся между иными нормами, актами, элементами правовой системы.*

§ 3. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ИХ ВКЛАД В РЕАЛИЗАЦИЮ ФУНКЦИЙ ПРАВА

Обращение к отдельным видам специализированных норм, их особенностям и назначению имеет такую же длительную историю, как и исследования в области законодательной (правотворческой) техники (например, проблема юридических понятий, принципов, коллизионных норм и др.).

Первоначально внимание ученых привлекала «нетипичность» отдельных правовых предписаний, например презумпций и преюдиций, специфичность их целей и особенностей закрепления. Их инаковость по отношению к типичным предписаниям, фиксирующим права и обязанности, долгое время никак не связывалась с пониманием права как системы, а затем, уже заметив эту связь, ученые рассматривали данную группу предписаний как нечто второстепенное, имеющее «субсидиарный характер, выполняющее роль обстоятельств, дополняющих всю композицию права, связывающих все его элементы в единую целостность», усиливая нормативные свойства права и придавая ему композиционную завершенность, полноту. А регулирующее воздействие нетипичных норм состоит в том, что они обеспечивают своего рода надежность в стыковке норм права между собой[2].

---

1 См.: Денисова А.В. Указ. соч. С. 53.

2 См.: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–117.

В.М. Горшенев, анализируя нетипичные нормативные предписания, одним из первых системно классифицировал их на три группы: 1) нетипичные предписания с большой степенью нормативности, содержащие определенный указатель поведения (плановые задания, рекомендации, сроки и преюдиции); 2) нетипичные предписания — нормативные обобщения с долей обобщения, относительности, условности, которые должны обеспечить стабильность ситуации в условиях неопределенности (презумпции и фикции); 3) роль трафарета, выполняющего нормативные предписания, которые «прикладываются» к фактическим обстоятельствам, и при совпадении модели, содержащейся в нормативном предписании, с фактическим обстоятельством делается вывод о том, что оно и есть искомое и поэтому подлежит учету как юридически значимое» (дефиниции и юридические конструкции — представляют собой модель, обобщающую наиболее существенные элементы сложного по составу и одновременно единого правового явления или состояния, типовая обобщающая структура)[1].

По мнению О.Э. Лейста, к нормам права, непосредственно не регулирующим поведение индивидов, относятся, в частности, законодательные положения, формулирующие общие принципы, отправные начала правового регулирования, служащие упорядочению общественных отношений, обеспечивающие общую направленность, единство юридической системы, единые основы правового регулирования. И в этом смысле они являются нормами права, такой же характер носят и так называемые 1) дефинитивные нормы, определяющие юридические понятия, 2) нормы, устанавливающие правовой статус органа, систему органов государства, национально-государственное устройство, административно-территориальное деление, 3) вспомогательные нормы о юридическом движении актов (принятии, изменении, дополнении, отмене, распространении их действия)[2].

В.В. Лазарев выделяет компетенционные нормы и видит их специфику в том, что по своему характеру они выполняют функцию сдерживания правоприменителя в рамках отведенных ему полномочий (возложенных на него обязанностей): должен сделать все то, что дозволено и что тем самым не запрещено[3].

---

1 См.: Горшенев В.М. Указ. соч. С. 117.

2 См.: Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. 1995. С. 156.

3 См.: Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Т.1: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев. М., 2010. С. 235.

После 2010-х гг. в российском правоведении появилась консолидированная точка зрения о наличии комплекса (подсистемы) специализированных норм[1].

Практически не подвергая сомнений постулат о том, что специализированные правовые нормы не имеют «полномочий» по непосредственному регулятивному и охранительному воздействию на общественные отношения, одни исследователи относят эти нормы к системе законодательства, а другие — рассматривают их как явление системы права.

Назначение системы специализированных норм состоит в «обеспечении надлежащего функционирования системы законодательства на этапе реализации нормативных предписаний. На их основе в системе законодательства происходят процессы саморегуляции, самоуправления, обеспечиваются функционирование и взаимодействие нормативных предписаний. Применительно к системе законодательства их роль заключается в установлении дополнительных системосохраняющих связей между нормативными предписаниями»[2].

Проводя классификацию внутри совокупности специализированных норм, А.В. Баранов выделяет в ней три подгруппы: 1) *системоопределяющие* (декларации, принципы, дефиниции, определительно-установочные); 2) *системообеспечивающие* (коллизионные и оперативные); 3) *системоадаптирующие* (презумпции и фикции)[3].

Признавая системоопределяющие нормы права в качестве наиболее общих в системе специализированных норм, А.В. Баранов полагает, что без их формирующего, связывающего воздействия система права вряд ли смогла бы существовать, их определяющее место в системе права требует их закрепления в общей части нормативных правовых актов или в общей части отрасли права[4]. Эта груп-

---

1 См.: Баранов А. В. Системоопределяющие специализированные нормы российского права: их юридическая природа, место и роль в системе российского права // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8(140). С. 14–18; Кожевников В.В., Мартыненко М.В. Специализированные нормы современного российского права: юридическая природа, классификация и место в системе правовых норм // Современное право. 2014. № 4. С. 7; Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

2 Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 34.

3 См.: Баранов А. В. Системоопределяющие специализированные нормы российского права: их юридическая природа, место и роль в системе российского права // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8(140). С. 16.

4 Там же. С. 18.

па специализированных норм, которые «определяют, формируют систему права, объединяют множество норм в единое целостное образование, в единую систему, связывают ее элементы, определяют их место в этой системе», образуется учредительными нормами (декларативными, нормами-объявлениями), нормами-принципами, определительно-установочными нормами (нормами-целями и нормами-задачами), нормами-дефинициями[1].

Нормы-цели, нормы-задачи

В составе подсистемы саморегуляции в праве можно выделить группу норм, занимающих высокое место в нормативной иерархии, — это нормы, в той или иной форме касающиеся целеполагания. Цель отвечает на вопрос: какой продукт я получу в результате деятельности? Цель — это идеальный образ продукта, результата деятельности. Это могут быть предписания, сконцентрированные в специальных статьях законов и раскрывающие цели соответствующего правового регулирования (для всей отрасли, института, системное регулирование которых осуществляется тем или иным законом).

В содержании цели в праве заключена ожидаемая и желаемая правовая модель, характеризующаяся устойчивостью, ориентированностью, осмысленностью. Она основана на социально значимой ценности, необходимой для эффективного функционирования общества и государства[2].

Норма-цель важна и в аспекте эффективности правового регулирования, ведь именно степень достижения цели — мерило эффективности нормы, института, отрасли, права вообще, отражение того, что должно быть достигнуто[3].

Без установления цели немыслимо определить смысл закона[4]. Поэтому любой юридический текст должен быть организован так, чтобы его мотив, цели и задачи были понятны; словесно выраженное коммуникативное намерение автора в отношении юридического текста — это цель нормы, правового предписания; термин, обозначающий цель правовой нормы, должен присутствовать и в тексте акта, и в поисковом образе правового документа[5].

---

1 Там же.

2 См.: Гурьянова В.В., Чулюкин Л.Д. Общая характеристика цели в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1. С. 24–46.

3 См.: Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юридическая литература, 1971.

4 См.: Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1961. С. 95.

5 См.: Лошкина М.Д. Совершенствование языка нормативных актов // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 38. М., 1987. С. 124–139.

Цели отрасли того или иного правового массива представляют собой ожидаемый результат деятельности, сообразной правовым нормам. Помимо иерархии целей их конкретизация происходит в случае фиксации задач. По мнению А.В. Денисовой, задачи — это «промежуточные цели»[1]. Решение ряда взаимосвязанных задач, как правило, приводит к достижению целей.

Анализ практики использования целевых установок в нормативных правовых актах высшей юридической силы позволяет выявить модели такого использования, сложившиеся еще в советское время. Так, например, в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определены цели (установление государственных гарантий, механизмов реализации прав и свобод человека в сфере образования; создание условий развития системы образования; защита прав и интересов участников отношений в сфере образования) и основные задачи правового регулирования отношений в сфере образования (обеспечение и защита конституционного права граждан Российской Федерации на образование; создание правовых, экономических и финансовых условий для свободного функционирования и развития системы образования Российской Федерации; правовых гарантий для согласования интересов участников отношений в сфере образования; определение правового положения участников отношений в сфере образования; создание условий для получения образования в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства; разграничение полномочий в сфере образования между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления) в виде развернутой системы положений, полномочия органов публичной власти обоснованы целью реализации права каждого человека на образование (ч. 5 ст. 5), показана телеологическая обоснованность тех или иных институтов и правил. Например, специальные федеральные государственные образовательные стандарты (или включаемые в них специальные требования) создаются в целях обеспечения реализации права на образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ч. 6 ст. 11), библиотеки в образовательных организациях формируются в целях обеспечения реализации образовательных программ (ч.1 ст.18), учебно-методические объединения создаются в целях привлечения педагогических, научных работников, представителей работодателей к разработке стандартов и требований, координации действий организаций, осуществляющих обра-

[1] Там же. С. 55.

зовательную деятельность, обеспечения качества и развития содержания образования (ч. 2 ст. 19), защита прав является целью наделения родителей и обучающихся иными правами (ч. 1 ст. 45), в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям проводится аттестация педагогических работников (ч. 1 ст. 49 и др.).

В Законе РСФСР от 2 августа 1974 г. «О народном образовании» в преамбуле определялась цель народного образования в СССР, в ст. 1 — цель регулирования общественных отношений в области народного образования. Это наиболее полное удовлетворение запросов советских людей и потребностей социалистического общества в образовании и коммунистическом воспитании детей и молодежи, формировании всесторонне, гармонично развитой личности, обеспечении народного хозяйства квалифицированными рабочими кадрами и специалистами. Значительно реже использовался и используется сегодня прием телеологического обоснования тех или иных институтов и правил, народные университеты, лектории, курсы и другие общественные формы распространения политических и научных знаний организуются в целях содействия самообразованию граждан, повышению их общеобразовательного, профессионального и культурного уровня (ст. 21); сеть детских яслей, детских садов, детских яслей-садов общего и специального назначения и других детских дошкольных учреждений развивается для обеспечения наиболее благоприятных условий для воспитания детей дошкольного возраста и оказания необходимой помощи семье (ст. 22); среднее образование молодежи осуществляется в целях дальнейшего повышения уровня образования, сознательности и культуры населения, подготовки молодежи к жизни, труду и общественной деятельности в РСФСР (ст. 31); профессиональное образование и трудовое обучение проводятся для последовательного перехода ко всеобщему профессиональному образованию (ст. 32); преподавание иностранных языков осуществляется для более широкого ознакомления с культурой народов мира и расширения возможностей углубления профессиональных знаний (ст. 33); особые права и льготы предоставляются учащимся и студентам в целях создания наиболее благоприятных условий для обучения и воспитания (ст. 83) и др.)[1].

Преамбула служит местом определения целей соответствующего законодательного регулирования, даже если термин «цель» не употребляется. Нередко наряду с целями правового регулирования в

[1] См.: Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

качестве самостоятельного вида целей отдельно указываются цели государственной политики[1].

Некоторые акты, не устанавливая целей правового регулирования, тем не менее определяют его задачи[2]. Например, если целями закона являются обеспечение производства продукции пчеловодства и сохранение пчел, то основными задачами развития пчеловодства выступают: 1) усиление конкурентоспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей; 2) гарантирование качества и безопасности продукции пчеловодства; 3) повышение урожайности сельскохозяйственных культур; 4) обеспечение сохранения пчел; 5) поддержка генофонда пчел[3].

Также цель нередко фиксируется и для отдельных правил. Например, единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий создается в целях различного рода учета и обеспечения взаимодействия[4], профилактика рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям направлена на достижение целей[5].

Представляется, что довольно часто слово «цель» используется не для обозначения интенции, а для решения технических задач, связанных с воплощением духа закона в его букве. Таковы конструкции: «в целях настоящего Федерального закона», «для целей настоящего Федерального закона», «для целей информирования лица», «для целей управления рисками причинения вреда», «в целях отнесения» и др.

Нормы-принципы

Основа, первоначало, исходное положение и руководящая идея — этимология слова «принцип». По мнению Г.Т. Чернобеля[6], одним из

---

1 См.: Статья 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

2 Согласно ст. 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений.

3 См.: Статьи 1 и 7 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 490-ФЗ «О пчеловодстве в Российской Федерации».

4 См.: Статья 19 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

5 Там же.

6 См.: Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

первых к проблеме принципов обратился Г.В. Лейбниц[1], который различал: 1) принципы, действующие в природе, объективно детерминированные, и 2) принципы духовного порядка, которые формируются человеческим сознанием и могут быть теоретическими и эмпирическими, весьма абстрактными и достаточно конкретными, общими и особенными. Эти принципы находятся в определенной системно-иерархической последовательности, взаимозависимости, взаимосвязи, могут содержаться в понятиях, складывающихся на основе научного анализа явлений действительности, их всестороннего осмысления.

Отождествление права и закона, характерное для юридического позитивизма, накладывало отпечаток на возможности и потребности использования норм-целей и норм-принципов[2]: их практическое применение в юридически значимых целях (а не для отражения в правовых актах позиций государственной идеологии) в советское время было крайне незначительным.

Принципы права как базовые, исходные нормативно-правовые требования (императивы), сформулированные в используемых формах права наиболее абстрактно и фундаментально, являющиеся устойчивыми и стабильными, предлагается[3] классифицировать на следующие группы: 1) принципы позитивного права; 2) доктринальные принципы; 3) практические принципы; 4) смешанные (доктринально-праксеологические) фундаментальные правовые идеи и положения.

Г.Т. Чернобель[4] помимо традиционной классификации принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые настаивает на необходимости использования функционального диапазона правовых и выделять международные, конститутивные, охранно-защитные, структурно-композиционные правовые принципы.

Представляется, однако, что одного закрепления принципов недостаточно для того, чтобы «упорядочить законотворческую деятельность в целостную систему с четко определенными нормативными параметрами, последовательной программной направленностью, процедурным порядком ее осуществления». Правовые принцыпы,

---

1 См.: Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1984. С. 97, 129, 131, 136.

2 См.: Вильданова М.М. Французская буржуазная доктрина о формах права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 38. М., 1987. С. 212–230. С. 214, 222.

3 См.: Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166.

4 Чернобель Г.Т. Указ. соч. С. 89.

по мнению Г.Т. Чернобеля, придают этой деятельности синкретический (нерасчлененный, интегративный) характер[1].

Принципы права детерминированы объективными социальными закономерностями и не являются произвольными конструкциями человеческого разума[2], чем отличаются от лозунгов и пожеланий. Однако анализ практики разработки федеральных законов демонстрирует достаточно субъективный характер включения в законы статей о принципах: в ряде случаев данные статьи исключались на первой стадии разработки законопроектов только потому, что их авторы не смогли в отдельной статье сформулировать смысл того или иного из названных ими принципов.

Доктринальные принципы составляют мировоззренческую основу юридической деятельности субъектов права. По мнению Г.Т. Чернобеля, «задача научных принципов — элиминировать единичное, случайное, ложное посредством глубинного и объективного обобщения, отразить нечто типичное, всеобщее, закономерное в социальной универсальности и на этой основе осуществлять определенную целевую деятельность в соответствии с теми или иными человеческими потребностями, интересами»[3]. Практически прикладные принципы являются обязательными для адресатов юридическими началами, сформулированными в документах вышестоящих (по отношению к адресатам) органах, смешанные формируются в юридических документах на основе доктринальных позиций, но, когда нормы выступают в качестве принципов права, можно говорить о нормах-принципах[4]. С точки зрения В.Н. Карташова, не все принципы могут быть отнесены к нормам (например, «собственность неприкосновенна»), но при этом элементами («кирпичиками») содержания любого принципа права являются отдельные общеобязательные юридические требования[5].

Будучи сущностными, глубинными свойствами материи, пронизывающими структуру отрасли права, принципы превращают формирующие ее относительно самостоятельные элементы в целостное системное образование[6]. Регулятивная функция принципов права

---

1 Там же. С. 90.

2 См.: Кашанина Т.В. Структуры права. М., 2012. С. 259–260.

3 Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

4 См.: Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции. С. 160.

5 Там же. С. 160, 161.

6 Об этом применительно к уголовному праву см.: Денисова А.В. Указ. соч. С. 57.

заключается в том, что они либо совместно с нормами права, либо самостоятельно устанавливают пределы правового регулирования общественных отношений, при этом термины «принцип» и «норма» не являются эквивалентными. Если принцип — это определенная основополагающая идея, исходное идейное положение, установление на весьма высоком уровне мыслительной абстракции, который может быть семантически многозначным, то норма — конкретное предписание, правило, большей частью конкретное, однозначное.

Иные элементы системосохраняющего механизма

Юридические презумпции как элемент системосохраняющего механизма — это средства юридической техники, заключающиеся в признании фактов, связей, явлений, ситуаций истинными, пока не будет доказано обратное, влекущие правовые последствия[1].

Презумптивные положения действуют на всех стадиях процесса правового регулирования, начиная от правотворчества (там они используются в качестве приема законодательной техники) и заканчивая правоприменительной деятельностью. Фикции как элемент системосохраняющего механизма представляют собой особые юридические средства, посредством которых придается нужная реальность признанию несуществующих фактов существующими, и наоборот. Несмотря на их различия в системосохраняющем механизме правовой системы, и презумпции, и фикции находятся в диалектическом взаимодействии с иными нормами, дополняя их, делая единой правовую материю, обеспечивая тем самым использование правовых норм в спорных случаях, приводя к согласованности правового воздействия, стабильности и непрерывности действия права.

Не менее важный элемент системосохраняющего механизма — коллизионные правила, т.е. такие доктринальные рекомендации, которые используются для преодоления (устранения) коллизий. С их помощью регламентируются действия правоприменителя по выбору касательно конкретной ситуации одной из нескольких допустимых норм. Будучи арбитром по отношению к иным нормам, коллизионные нормы разрешают возникший конфликт правовых норм, устанавливают порядок реализации сталкивающихся нормативных предписаний.

В нормативных актах встречаются декларации, призывы, обращения, пожелания, которые также не имеют непосредственного

---

[1] См.: Денисова А.В. Саморегуляция в российском уголовном праве // Lex russica. 2015. № 12. С. 60.

нормативного значения[1]. С этим согласен и А.П. Заец, который указанное вообще не считает правом[2].

§ 4. ЗАПРЕЩЕНИЕ И ОБЯЗЫВАНИЕ КАК СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

По мнению Г.Т. Чернобеля[3], правовые нормы выступают в качестве определенной модели правового поведения и могут различаться: а) по характеру и степени модального давления на личность («разрешено», «требуется», «запрещено») в определенных социальных условиях, дающего как бы образец правового поведения; б) по диапазону реальных возможностей правового выбора, определяемого социальными потребностями (здесь варианты выбора различны: от указания тех или иных пределов, за которые человек не вправе переступить, до предоставления единственного варианта правового поведения, невыполнение которого влечет за собой определенные правовые санкции); в) по способу семиотической репрезентации правовых нормативов, доводящей их до сознания субъектов правовых отношений и формально отражающей их властный источник.

В начале прошлого века было сформулировано мнение (Е.Н. Трубецкой, Л.И. Петражицкий) о том, что все юридические нормы одновременно являются повелительными и предоставительными[4], поэтому даже описательный стиль изложения не меняет повелительного характера нормы, следовательно, нормы определительные (нормы-дефиниции в современной терминологии) также императивны.

Нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, составляют большинство существующих норм. Их значение зависит от ответа на вопрос: устанавливают ли они правила или закрепляют, формулируют или фиксируют, создают или воспроизводят?

По мнению О.Э. Лейста, праву свойственна определенная специализация норм, их функциональное обособление относительно друг друга, ведь будучи велением по своему социальному содержа-

---

1 См.: Пиголкин А.С. Нормы советского социалистического права и их структура. Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. ВИЮН. М.: Госюриздат, 1960. С. 188.

2 См.: Заец А.П. Указ. соч. С. 9.

3 См.: Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.

4 См.: Трубецкой Е.Н. С. 86–87.

нию и назначению, правовая норма может быть выражена в разной форме[1]: императивной (повелительной), повествовательной, изъявительном наклонении.

Так как у права есть две задачи: положительное регулирование отношений, регламентирование правомерных поступков и охрана правовых предписаний от нарушений), то все нормы права делятся на два вида: нормы позитивного регулирования (устанавливают права и обязанности творческого, организующего характера, касаются правомерного поведения, формулируют положительные веления в праве) и правоохранительные нормы (отрицательная реакция государства на неправомерное поведение, предусматривают меры государственного принуждения к правонарушителям). Особый вид представляют **поощрительные нормы** (правила выплаты премий), используемые для поощрения добросовестного и продуктивного труда, воспитания граждан на положительных примерах, распространения передового опыта[2].

Есть два вида регулирования[3]: положительный и отрицательный. Первый предписывает действовать определенным образом (исполнение обязанностей) или воздержаться от этого; предусмотренные нормой результаты могут быть достигнуты посредством строго определенных действий. совершать акты принуждения при наличии предусмотренных нормами права условий, случаи, когда норма А ограничивает сферу действия нормы Б и тем самым дозволяет человеку поведение, запрещенное нормой Б (необходимая оборона). Отрицательное регулирование используется тогда, когда поведение не запрещено порядком, но и не дозволено положительной нормой, ограничивающей сферу деятельности запрещающей нормы, поэтому дозволенное поведение Б — это всего лишь отражение предписанного поведения А.

По мнению А.Ф. Шебанова, из совокупности норм можно выделить отдельные группы, обладающие особыми, специфическими признаками[4]:

1) нормы-принципы непосредственно не регулируют определенные виды общественных отношений, не создают для их участников

---

1 См.: Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. 1995. С. 153.

2 См.: Лейст О.Э. С. 163.

3 См.: Кельзен Г. Указ. соч. С. 26.

4 См.: Теория государства и права / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний, И.С. Самощенко, В.А. Туманов, А.Ф. Шебанов. М., 1968. С. 437–438.

права и обязанности. Но эти нормы воздействуют на общественные отношения, указывая принципиальное направление регулирования, являясь основополагающими по отношению к другим, конкретизирующим нормам (конкретизируют условия осуществления норм-принципов, круг субъектов, права и обязанности, правовую ответственность);

2) плановые нормы-задания, содержащиеся в планово-программных документах, имеют общее значение, относятся к народному хозяйству в целом, к отдельной отрасли экономики. Их специфика заключается в том, что даже должное поведение предписывается ими не в форме единого типового образца, одинакового для всех, а путем указания должного результата поведения;

3) рекомендательные нормы актов колхозного строительства.

В особый вид выделяют так называемые поощрительные нормы, используемые для стимулирования добросовестного и продуктивного труда, воспитания граждан на положительных примерах, распространения передового опыта [1], разработка которых связывается с концом 1970-х годов и выявлением их специфики[2].

По мнению Г. Кельзена[3], «самый важный социальный порядок — право — пользуется главным образом наказанием», акты принуждения предусматриваются не только в качестве реакции на человеческое поведение, но и как реакция на социально нежелательные явления, а награда и наказание назначаются для того, чтобы стремление к награде и страх наказания стимулировали социально желательное поведение. Право всегда нацелено на выбор человеком определенной модели поведения. Если выбора нет, то действует правило Г. Кельзена: «норма, предписывающая нечто, что, как заранее известно, в силу закона природы только так и может произойти, была бы столь бессмысленна, как и норма, предписывающая нечто, что как заранее известно, в силу закона природы вообще не может произойти»[4].

Нормы, предусматривающие за определенные заслуги награды (например, титулы и ордена), не выражают существенную функцию права, играют подчиненную роль и тесно связаны с нормами, уста-

---

1 См.: Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. 1995. С. 163.

2 См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.

3 Кельзен Г. Указ. соч. С. 41, 45.

4 Там же. С. 21.

навливающими санкции[1]. К несамостоятельным нормам относятся те, которые уточняют смысл других норм, определяя понятия, используемые в формулировке этих норм, либо каким-нибудь другим способом аутентично интерпретируя эти нормы[2].

---

1 Кельзен Г. С. 50.

2 Там же. С. 76.

Глава 6
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОЗИДАНИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Право как сложное многогранное явление и основной социальный регулятор общественных отношений не ограничивается только текстом нормативных правовых актов, но включает в себя также деятельность субъектов по реализации правовых предписаний. Специфической формой реализации права выступает правоприменение, «сочетающее в себе черты других ее форм и проявляющееся в деятельности полномочных органов, назначение которой заключается в претворении в жизнь норм, обращенных к другим субъектам права»[1], в обеспечении реализации права другими субъектами.

В современных условиях развития российского правового пространства, когда устройство системы законодательства сложилось и право включается в систему решения важных стратегических задач, эффективность правового регулирования обеспечивается не только путем разработки и принятия нормативных правовых актов, отвечающих критериям качества, но и посредством органического сочетания правотворчества и правоприменения в общем цикле правового развития[2], совершенствования правоприменительной деятельности, в ходе которой нормы права из формальных абстрактных предписаний трансформируются в правила, определяющие поведение субъектов права в конкретных жизненных обстоятельствах. Так, среди базовых элементов закона, каждый из которых имеет или должен получить качественные характеристики, учеными обозначаются в том числе оптимальный, эффективный механизм реализации закона,

---

1 Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 30.

2 См.: Вступительное слово Т.Я. Хабриевой на открытии XII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов на тему: «Композиция правового пространства: динамика обновления» (24 мая 2017 г.) С. 11. URL: https://izak.ru/img_content/events/introduction_director_20170524.pdf

зависимость между действием законов и новым уровнем правового состояния[1].

Эффективность правоприменения определяется не только качеством предшествующей правотворческой деятельности, но и правильным выстраиванием «правовой цепи» (обеспечением системного действия нормативных правовых актов, соблюдением их предметно-функциональной взаимосвязи, следованием доминанте воздействия закона на подзаконные акты, устранением барьеров на пути прямого действия правовой нормы[2]).

Немаловажное значение в установлении обозначенной органической связи правотворчества и правоприменения, их влияния на правообразование имеет правовой мониторинг, концепция и методика организации которого были впервые представлены в трудах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации[3]. На федеральном уровне в России правовую регламентацию получил институт мониторинга правоприменения[4]. Обратная связь, возникающая посредством его проведения «отражая функционирование правовых норм в сложной структуре социума, позволяет судить о социальной обоснованности, результативности норм, их выполнении либо невыполнении», необходимости «в осуществлении нового правового регулирования, принятия корректирующих правовую систему решений»[5].

---

1 Из выступления Ю.А. Тихомирова на заседании круглого стола «Проблемы обеспечения качества закона», состоявшегося в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 28 сентября 2016 г. См.: Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 155.

2 См.: Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от стихийности к системе // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 32–33.

3 См.: Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М., 2009; Механизм правового мониторинга: науч.-практ. пособие / отв. ред. А.В. Павлушкин. М., 2012; и др.

4 Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации». С 2015 года особый вид мониторинга — оценка фактического воздействия — проводится в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» в отношении актов, проекты которых подвергались на стадии разработки оценке регулирующего воздействия.

5 Абрамова А.И. Правоприменительная практика и ее влияние на развитие законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 19.

Направления последующего развития и совершенствования правового регулирования мониторинга правоприменения с учетом более чем десятилетней практики осуществления видятся: в расширении его субъектного состава (за счет включения законотворческих, судебных органов, научного и бизнес-сообщества, институтов гражданского общества); в обеспечении большей оперативности (путем создания официальной правовой базы, аккумулирующей проектируемые и действующие нормативные правовые акты, правоприменительные акты, а также сведения о результатах мониторинга правоприменения, где материал следует группировать по сферам, стадиям правового регулирования, видам мониторинга, его субъектам, объектам и т.п.); в разделении процедуры проведения на предварительный (с применением технологий искусственного интеллекта) и основной этапы; закреплении обязательности учета результатов мониторинга правоприменения в законодательном процессе, в частности в форме их отражения в текстах пояснительных записок (например, к наиболее значимым, крупным законопроектам с новым предметом правового регулирования).

В более широком контексте практика правоприменения играет важную роль в конструировании социальной реальности, что отчетливо видно на примере судебной практики, рассмотрение которой в качестве источника права является предметом давних дискуссий[1]. Именно при отправлении правосудия чаще всего выявляются дефекты действующего нормативно-правового массива, связанные с существованием юридических коллизий и пробелов, исправление которых может положительно сказаться на эффективности правового регулирования, преобразовании правовой действительности[2].

---

[1] См.: Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017. С. 72–79.

[2] К примеру, ряд сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций уточнил официально установленную процедуру прохождения законопроектов в парламенте и принятия законов. Речь идет о правовых позициях, касающихся: общего числа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, установленного Конституцией Российской Федерации для принятия законов и постановлений, которое следует понимать как конституционное число депутатов этой палаты — 450; обязательного рассмотрения Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации федерального закона в порядке ст. 106 Конституции РФ; формы правового акта, которым вносится поправка к Конституции РФ в порядке ст. 136 Конституции РФ (особый закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ); понимания того, что считать принятым федеральным законом по смыслу ч. 1 ст. 107 Конституции РФ; рассмотрения Государственной Думой законопроектов при наличии отрицательных заключений Правительства Российской

Анализируя разнообразный опыт правоприменения, суд формулирует собственный вариант нормативно-правового решения, который и предписывает в разъяснениях другим судам и который законодателю надлежит учитывать при создании проекта нового закона. Судебная практика нередко служит образцом последующего законодательного решения правовых проблем через совокупность индивидуальных решений, обобщенных и проанализированных высшей судебной инстанцией.

Эффективным способом правового опосредования результатов судебной практики в доктрине признается осуществление высшими судебными инстанциями права законодательной инициативы, отражающей позицию суда по тому или иному вопросу, выработанную в процессе практической деятельности. Реализация права законодательной инициативы судебным органом является эффективным механизмом «обратной связи»[1]. Конституционный и Верховный суды Российской Федерации обладают соответствующим правом по вопросам их ведения, что в доктрине раскрывается через порядок и условия осуществления правосудия, включая организационные отношения в сфере судоустройства, организации судейского сообщества, связанные с обеспечением деятельности судов, статуса судей[2], на что указывает и практика внесения законодательных инициатив верховными судами в Государственную Думу.

Законодательно закреплен особый порядок внесения изменений в законодательство в связи с решением Конституционного Суда РФ[3].

Федерации. См.: Кряжков В.А. Конституционный Суд Российской Федерации как участник законотворческой процесса // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина): сб. науч. статей / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2022. С. 264–265.

1 Венгеров А.Б. О законодательной инициативе судебных органов // Правоведение. 1965. № 4. С. 132.

2 Ганичева Е.С. Пределы осуществления права законодательной инициативы высшими органами судебной власти // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 135.

3 См.: Статья 80 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Конституционный Суд РФ активно использует данное полномочие, инициируя разработку Правительством Российской Федерации (в обязательном порядке) и другими субъектами права законодательной инициативы новых федеральных конституционных или федеральных законов взамен признанных не соответствующими Конституции РФ либо внесение изменений в действующие федеральные конституционные или федеральные законы в связи с необходимостью приведения их в соответствие с Конституцией РФ (см., например, постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П, в котором Суд обязал федерального законодателя в крат-

Заметную роль в преобразовании социальной действительности играет практика, складывающаяся в процессе текущей управленческой деятельности по обеспечению последовательной реализации норм закона со стороны органов исполнительной власти. Как мера действия закона законность «приобретает особое значение в системе государственного управления, поскольку государственная власть распространяется на все общество, устанавливает общеобязательные правила поведения и использует механизмы принуждения для обеспечения их соблюдения»[1]. Строгая подзаконность деятельность органов исполнительной власти четкого разграничения закона и подзаконного акта. Подзаконное правотворчество должно сообразовываться с положениями законов, в которых устанавливаются его пределы, не допуская конкурирующей компетенции между разными ветвями власти. Как подчеркивает А.И. Абрамова, «стремление заменить подзаконными актами законодательные нормы неизбежно ведет к умалению значения законодательных норм в общем механизме правового регулирования, обесцениванию закона в качестве акта прямого действия. Снижается эффект закона в решении экономических, социальных, политических задач»[2].

Нередки случаи подзаконного опережающего правотворчества, когда подзаконные акты под видом конкретизации закона принимаются не в строгом соответствии с ним, и происходит расширение границ правового регулирования, не предусмотренное на законодательном уровне. Такое опережающее правотворчество — пример неправомерной конкретизации, осуществляемой с нарушением иерархических, компетенционных, а нередко и содержательных ее пределов[3]. Следствие этого — является нарушение системных связей правовых норм, снижение их регулятивных возможностей, усиление негативной фрагментации правового регулирования. При нормальном развитии событий, а именно осуществлении одноуровневой конкретизации юридических норм, когда требуется дополнить, развить имеющиеся законодательные положения в связи с изменения-

---

чайшие сроки внести изменения в действующее правовое регулирование трудовых отношений с педагогическими работниками в части предоставления им защиты от необоснованного заключения с ними краткосрочных трудовых договоров и произвольного определения работодателем сроков их действия).

1 Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. 3-е изд. М., 2017. С. 60.

2 Абрамова А.И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 27.

3 См.: Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11.

ми общественных отношений, создание требуемого подзаконного правового регулирования не является опережающим правотворчеством, а представляет собой следствие развития общественных отношений.

Вместе с тем здесь речь идет о нормальных условиях функционирования общества, тогда как в кризисных ситуациях, что продемонстрировал пример пандемии COVID-19, имели место временное перераспределение полномочий между уровнями и ветвями власти, усиление исполнительной власти[1], вырисовывалась картина концентрации полномочий по принятию экономических и социальных мер в условиях кризисной ситуации на подзаконном уровне[2].

В литературе обращается внимание на то, что слабая действенность многих законов обусловлена отставанием разработки и применения подзаконных актов[3]. Зачастую сейчас сроки подготовки таких подзаконных актов выходят далеко за пределы сроков вступления в силу законодательных актов, что влечет ситуацию, когда после вступления в силу закона его нормы бывают лишены требуемой подзаконной конкретизации в течение порой даже нескольких месяцев, что означает, что они не могут полноценно реализовываться их адресатами. В результате «образуются пробелы по тем вопросам, в решении которых правоприменитель должен принять непосредственное участие, способствуя реализации прав и законных интересов субъектов конкретных правоотношений»[4]. В связи с этим важным остается отлаженное взаимодействие законодательных и исполнительных органов власти в работе над законопроектом, которую необходимо вести в параллельном режиме с подготовкой специальных конкретизирующих его подзаконных нормативных правовых актов в целях обеспечения полноценного действия принимаемого закона, исполнимости его предписаний. Однако не должно быть и перегибов в другую сторону, когда допускается перенасыщение регламентирования отдельных сфер жизнедеятельности подзаконными актами,

---

1 См.: Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 9.

2 См.: Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2022; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7.

3 См.: Баранов В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий // Журнал российского права. 2022. № 3.

4 Абрамова А.И. Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики // Журнал российского права. 2015. № 10.

дублирующими законодательные предписания либо вступающими в противоречие с ними или друг с другом.

Наряду с практикой принятия подзаконных правовых актов органы исполнительной власти как исполнители хозяйственной и социальной политики, сталкиваясь с дефектами законодательства, «обязаны оперативно реагировать на любые общественные перемены, чего и требует динамический характер исполнительно-распорядительной деятельности»[1].

Такое реагирование выражается прежде всего в подготовке первоначальных вариантов законопроектов, вносимых профильными федеральными органами исполнительной власти в Правительство РФ, а затем при условии прохождения соответствующих процедур Правительством РФ в Государственную Думу РФ. Другим направлением координации правотворчества и правоприменения выступает «совершенствование юридической процедуры участия субъектов правоприменения в правотворческого процессе»[2]. В доктрине дискутируются вопросы о включении в число субъектов законодательной инициативы Генерального прокурора РФ, Уполномоченного по правам человека, Центральной избирательной комиссии РФ, Центрального банка России[3]. Так, участие прокуроров в законодательном процессе получило нормативное закрепление на региональном уровне — прокуроры субъектов РФ вправе вносить законопроекты на рассмотрение соответствующих законодательных органов. Интересно отметить, что по Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. Генеральный прокурор СССР и Прокурор РСФСР были наделены правом законодательной инициативы. Многие субъекты РФ включили в состав субъектов законодательной инициативы региональные избирательные комиссии[4]. В ряде субъектов РФ правом законодательной инициативы обладают уполно-

---

1 Абрамова А.И. Правоприменительная практика и ее влияние на развитие законодательства. С. 24.

2 См.: Малько А.В., Рудковский В.А Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 3. С. 11.

3 См.: к примеру: Джиоев С.Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 42; Шугрина Е.С. Некоторые организационно-правовые проблемы в работе избирательных комиссий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 31; др.

4 См.: Макаров А.В., Нестерова Т.Ю. Избирательная комиссия как субъект законодательной инициативы по законодательству субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5.

моченные (по правам человека, правам ребенка, по защите прав предпринимателей)[1].

Однако расширение и без того значительного числа субъектов права законодательной инициативы (752) представляется не вполне оправданным, учитывая, что на федеральном уровне указанные субъекты могут участвовать в инициировании законодательного акта посредством внесения своих законотворческих идей, концепций, предложений в Государственную Думу РФ через реально действующих субъектов права законодательной инициативы, а кроме того, ряд из них реализует экспертные полномочия.

Проблема правоприменения не является новой для юридической науки, где давно и обстоятельно исследованы его понятие, виды, этапы, стадии, субъекты, результаты[2]. Однако в современных условиях цифровизации выделенные в доктрине элементы правоприменительной деятельности (поведенческий, регулятивный, институциональный, контрольно-корректирующий, оценочный[3]) трансформируются[4]. Специфика правоприменительной деятельности раскрывается через модификацию понимания и содержания процесса правоприменения, взаимодействия его участников, механизма и инструментов правоприменения, уровень развития информационно-технологического компонента.

Внешним проявлением цифровизации правоприменения служит использование электронных носителей информации, специальных информационных ресурсов и цифровых технологий поиска требуемых сведений, выявления и квалификации правонарушений.

---

1 См.: Москалькова Т.Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1.

2 См.: Александров Н.Г. Применение норм советского социалистического права. М., 1958; Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: монография. Волгоград, 2004; Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973; Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972; Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960; Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008; Пиголкин А.С. Применение норм советского социалистического права и социалистическая законность // Советское государство и право. 1957. № 10; Тихомиров Ю.А. Действие закона. М., 1992; и др.

3 См.: Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности. С. 57.

4 См.: Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д.А. Пашенцев. М., 2022; Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1.

Внутреннее проявление цифровизации заключается в трансформации интеллектуальной составляющей правоприменительной деятельности.

Внедрение новейших технологий в правоприменительную деятельность становится неотъемлемой составляющей социальной жизни, а сама эта деятельность приобретает свойства большей транспарентности и оперативности за счет использования потенциала цифровых форм коммуникации, цифровых технологий поиска, анализа, структурирования и хранения информации. Сказанное обусловлено в том числе и тем, что правоприменительная деятельность сама по себе изначально требует для своего осуществления «целого ряда положений технологического характера», рассматривается в доктрине как «специфический вид правовой технологии в рамках национальной правовой системы и правового регулирования общественных отношений»[1]. Стадии правоприменения имеют технологический характер, система реализуемых в этой деятельности правовых средств является технологическим механизмом правоприменения[2], а каждый отдельный вид правоприменения (судебного, следственного, прокурорского, административного) характеризуется использованием обособленных юридико-технологических систем для каждой из стадий (установления юридических фактов, выбора надлежащей правовой нормы, вынесения правоприменительного акта)[3].

«Цифрострелительные» тенденции проявляются на всех стадиях правоприменения: от установления юридических фактов и обстоятельств конкретного жизненного случая, юридической квалификации до принятия и оформления итогового решения правоприменительного органа (правоприменительного акта) и направления его адресату.

Правоприменение в обозначенных условиях становится своего рода электронным сервисом, доступ к которому имеют не только осуществляющие его субъекты — представители публичной власти, но и все заинтересованные лица, что позволяет более полно реализовать принципы комфортности взаимодействия, приоритета прав и законных интересов граждан и их защиты.

В условиях технологических новаций правоприменение имеет определенные преимущества перед правотворчеством, которое не-

---

1 Шабуров А.С. Правоприменение как специфический вид правовой технологии // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 25, 26.

2 Там же. С. 26.

3 См.: Колесник И.В. Понятие и классификация правоприменительных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 41, 42.

редко отстает от ускоряющегося развития социальной реальности и приобретает догоняющий характер[1]. Вместе с тем, как отмечает Д.А. Керимов, законодательство и его реализация являют собой воспроизводство действительности в правовой форме; правовое опосредование тесно связано с процессом отражения и прежде всего такой важной его разновидностью для государственной власти и управления, как опережающее отражение, которое проецирует опыт прошлого и настоящего на будущее[2].

Правоприменительная деятельность осуществляется в режиме реального времени, в рамках конкретных правоотношений, поэтому именно она в наши дни оказывает определяющее влияние на созидание правовой материи, развитие общественных отношений, формируя для них юридические рамки, конкретизирующие и развивающие законодательные предписания. В связи с этим наряду с волей законодателя новый импульс приобретает судебное и административное усмотрение — в контексте проблемы автоматизации правоприменения и внедрения в эту деятельность технологий искусственного интеллекта.

В декабре 2018 г. в г. Страсбурге на 31-м пленарном заседании Европейской Комиссии по эффективности правосудия была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. К основным направлениям использования алгоритмов искусственного интеллекта были отнесены: передовые поисковые системы прецедентного права; урегулирование споров в режиме онлайн; помощь в составлении документов; анализ (прогнозный, оценочный); классификация контрактов в соответствии с различными критериями и выявление расхождений или несовместимых положений контрактов; «чат-боты» для информирования сторон в судебном процессе или оказания им поддержки в ходе судебных разбирательств[3]. Перспективным является использование положений Хартии в отечественном правовом поле после «предваритель-

---

1 Как справедливо замечает Ю.А. Тихомиров, «законодательное регулирование «не успевает» за развитием отношений, служит средством их «запоздалого» регулирования, не оказывает опережающего воздействия». См.: Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 49.

2 См.: Керимов Д.А. Потенциал российского правоведения // Социс. 1997. № 3. С. 8.

3 См.: Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: науч.-практ. пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2021. С. 84–85.

ной переработки в соответствии с национальной правовой традицией»[1].

Зачастую симбиоз правовых и цифровых технологий встречается в доктрине сопротивления ввиду творческого характера правоприменительной деятельности, который раскрывается через феномен правоприменительной конкретизации юридических норм[2] — «критического этапа на пути права от отвлеченной формулы к его практическому осуществлению или воплощению в жизни»[3].

Естественно, в рамках этой деятельности невозможно создание новой юридической нормы, но посредством ее в правовое регулирование вносится элемент новизны, который вместе с основной нормой сам становится объектом применения[4], а в рамках так называемой правовой цепи происходят «принятие более конкретных актов, индивидуальных решений и совершение юридических действий»[5]. В этом кроется различие между «типичными» и «нетипичными» компонентами правоприменительной деятельности[6]: если первые сводятся к поиску основного смысла правовой нормы, заложенного в нее при ее создании, то вторые как раз и заключаются в «уточнении и корректировке действующего нормативного смысла» и даже создании новых производных нормативных смыслов, «подчиненных потребностям динамично развивающихся социальных связей»[7].

Широкую дискуссию вызвала концепция прогностического (предсказанного) правосудия, использующая технологии обработки естественного языка и машинного обучения, которые на основе анализа норм права, практики их толкования, судебных решений по аналогичным делам прогнозируют исход судебных процессов, включая потенциальную компенсацию.

Прогностическое правосудие, предназначенное для использования юридическими департаментами органов власти и организаций,

---

1 Чуча Ч.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // Правоприменение. 2023. № 2. С. 121.

2 См.: Залоило М.В. Правоприменительная конкретизация юридических норм // Журнал российского права. 2012. № 8; Его же. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм // Адвокат. 2011. № 11; Его же. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

3 Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков, 1906. С. 16.

4 См.: Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2.

5 См.: Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от стихийности к системе. С. 28.

6 См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 16, 132.

7 См.: Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 48, 49.

страховыми организациями, практикующими юристами, адвокатами, рядовыми гражданами, позволяет «избрать наиболее правильный способ защиты, выбрать наиболее подходящие аргументы; оценить предполагаемую сумму компенсации и т.д.»[1].

Традиционно правосудие осуществляется судьей-человеком, который, как презюмируется, обладает высокими моральными качествами и высокой квалификацией в области права[2]. Руководствуясь собственным усмотрением, ценностями, ориентирами и иными субъективными установками, судья по итогам рассмотрения дела и проведения анализа совокупности представленных доказательств выносит ценностное суждение о должном.

Его внутреннее убеждение является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. «Система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, и именно поэтому он никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, например семейных и особенно уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического»[3].

Усложнена замена судьи искусственным юридическим интеллектом в кассационном судопроизводстве, где основанием для отмены судебного решения выступает не любое формальное нарушение, а только существенное нарушение правовых норм, которое повлияло на исход дела и без устранения которого невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов[4].

Однако, по предположениям специалистов, корректное толкование искусственным интеллектом таких субъективных, оценочных категорий, как, например, добросовестность, справедливость, зачастую расцениваемое в качестве невозможного, может стать реальностью при условии дальнейшего развития технологий больших данных и пр., получения искусственным интеллектом наиболее полной информации о всех известных доктринальных источниках, нормах права и правоприменительной практике, интерпретирующих

---

1 Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11. С. 81.

2 См.: Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 20, 31.

3 Момотов В.: Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку. URL: https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/

4 Там же.

данные категории как в общем, так и применительно к конкретным спорам.

Логика происходящих процессов определяет необходимость ускорения цифровизации правоприменения, в том числе в рамках судебной системы.

При этом речь идет не о замене человека как субъекта, выносящего правоприменительное решение, алгоритмами и искусственным интеллектом, а о цифровизации вспомогательной деятельности. Можно предположить, что использование в судебной деятельности искусственного интеллекта при предварительной обработке огромных массивов юридической информации облегчит работу по оценке представленных доказательств, поиску адекватных норм права, регулирующих спорные отношения с учетом их толкования в судебной практике и правовой доктрине, а также, что немаловажно, работу по обнаружению дефектов законодательства, а следовательно, создаст необходимые предпосылки для их более успешного преодоления в судебной деятельности.

Вместе с тем роботизация и автоматизация правоприменения встречают сопротивления в рамках концепции открытой структуры юридического текста, требуют его большей правовой определенности, изменения подхода к созданию норм права.

Как было заявлено на состоявшемся в мае 2023 г. Совете судей Российской Федерации, в 2024 г. планируется запуск суперсервиса «Правосудие онлайн», в рамках которого будут использоваться технологии слабого искусственного интеллекта[1]. Основными задачами здесь будут «автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела, расшифровка аудиопротоколов, создание интеллектуальной поисковой системы с возможностью анализа и систематизации судебной практики»[2].

В связи со сказанным при формировании правового регулирования машиночитаемого и машиноисполняемого права[3] необходим учет фактора судебного усмотрения, когда недостаточно ввести опре-

---

[1] URL: https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html?ysclid=llk5pi2ent424546076

[2] Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 189.

[3] См.: Концепция развития технологий машиночитаемого права, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15 сентября 2021 г.) № 31.

деленные данные для того, чтобы норма была реализована, а требуется учитывать различные жизненные обстоятельства, применять оценочные категории, что, как правило, делает суд, осуществляющий конкретизацию норм права. Но в правоприменении тенденции цифровизации проявляются наиболее чувствительно для субъектов спорных отношений с учетом возможности нарушения их интересов при необходимости индивидуального подхода к рассмотрению соответствующей жизненной ситуации.

Помимо сложностей в осуществлении правоприменительной конкретизации юридических норм и включенных в них оценочных понятий в случае автоматизации правоприменения возможны и иные риски, связанные, например, с объективным вменением (как это происходит с автоматической фиксацией нарушений правил дорожного движения), а также недостаточным учетом важных обстоятельств субъективного и объективного характера при рассмотрении конкретного случая ввиду неоправданно упрощенного подхода к разрешению жизненных ситуаций, что может привести в конечном счете к принятию несправедливого правоприменительного решения.

Таким образом, при разработке механизма автоматизации правоприменения (и в частности, судебной деятельности) важно соблюсти баланс между технологизацией правоприменительной практики и сложившимися положительными чертами таковой, заключающимися в том числе в возможности конкретизации абстрактной юридической нормы (рассчитанной на неоднократное применение к сходным, но вместе с тем различающимся общественным отношениям) путем приближения ее содержания к конкретным обстоятельствам дела.

Суть использования искусственного интеллекта в процессе принятия решения должна заключаться не в передаче ему функции толкования права, а в создании судье условий для принятия наиболее справедливого решения. Использование искусственного интеллекта в судебном процессе на современном этапе должно состоять не в конструировании новой модели отношений, основанной на наделении робота-судьи статусом правоприменителя, а в органическом включении цифровых технологий в уже существующую модель судопроизводства.

В перспективе — обогащение технологического инструментария правоприменительной деятельности за счет возможностей, предоставляемых нейротехнологиями. К примеру, ожидается обязательность «ношения неинвазивного нейроинтерфейса для лиц, совершивших некоторые виды преступлений, в качестве санкции, обеспечива-

ющей контроль за их поведением»[1]. Внедрение нейротехнологий в правовую сферу требует создания дополнительных конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина в новую эру прямого доступа к человеческому разуму, в частности юридического оформления новой группы прав — нейроправ[2].

Все сказанное позволяет заключить, что правоприменительная деятельность, наиболее приближенная к фактическим обстоятельствам жизни социума, выступает надежным методологическим инструментом созидания социальной (и в частности, правовой) реальности. Имея эффект обратной связи, правоприменение во многом способствует модернизации законодательства, призванного отражать и преображать реальные процессы, происходящие в обществе и государстве. При этом в условиях глобальных трансформаций, современных кризисов и вызовов меняется ряд параметров правоприменительной деятельности, которые нуждаются в изучении с позиций не только теоретико-правовой науки, но прежде всего междисциплинарного синтеза, сочетающего методы познания юридической и иных наук (экономики, социологии, математики, информатики и пр.), новые парадигмы мышления и повседневную юридическую практику.

§ 2. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Понятие «эффективность» приобретает все большее значение для оценки качества правовых явлений. Применение оценочного суждения к отдельным правовым нормам, правовому регулированию в целом, функциям права, отдельному закону и прочим правовым феноменам прочно вошло в теоретико-правовые и отраслевые исследования[3].

---

1 Филипова И.А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. 2022. № 2. С. 41.

2 Там же. С. 43.

3 См., например: Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юридическая литература. 1971; Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 1997; Тихомиров Ю.А. Эффективность закона и мониторинг: лекция / Ю.А. Тихомиров. М. : Изд-во РАГС, 2010; Эффективность законодательства в экономической сфере: науч.-практ. исследование / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Волтерс Клувер, 2010; Экономическая эффективность права: материалы круглого стола V Между-

Накопленный обширный багаж научных изданий в виде диссертаций, монографий и научных статей, как отечественных, так и зарубежных авторов, рассматривающих проблемы измерения эффективности правовых феноменов, позволяет проанализировать взгляды на результативность правоприменительной деятельности.

В этом богатом собрании научных работ обнаруживается разветвленность теоретических и практических подходов к оценке эффективности правовых явлений. Исследователи предлагают разнообразные методы и критерии, опирающиеся на различные модели и концепции, для измерения действенности права и правоприменительной деятельности.

Аналитические разборы и дискуссии на эту тему приводят к множеству доктринальных точек зрения, связанных с понятием эффективности в контексте правовой практики. Таким образом, эти исследования важны для глубокого понимания и оценки эффективности в правовой сфере, что имеет решающее значение для развития и совершенствования правоприменительной практики.

Правоприменение как важнейшая часть общего цикла правового развития, отличающаяся сложносоставным характером, включает в себя деятельность субъектов по реализации правовых предписаний. И, соответственно, эта деятельность наряду с другими правовыми явлениями подвергается оценке.

Эволюция правовых взглядов на эффективность правоприменительной деятельности непосредственно связана с изучением эффективности правового регулирования в целом и не может рассматриваться в отрыве от нее.

Концептуальные основы понимания эффективности права менялись в зависимости от господствующей научной парадигмы и предопределялись типом правопонимания.

нар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2010 г.) /отв. ред. Н.Г. Доронина. М.: ИД «Юриспруденция», 2011; Как обеспечить эффективность закона: науч. изд. / кол. авт/; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Толмачева, С.А. Боголюбов. М., 2019; Эффективность законодательства и современные юридические технологии: Матер. Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 29–31 мая 2008 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2009; Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: монография / Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцев, А.А. Аюрова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015; Еремина О.Ю., Волкова Н.С., Путило Н.В. Эффективность государственного управления в социальной сфере: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. О.Ю. Еремина. М.: Проспект, 2022.

Первый тип правопонимания, известный как позитивистский подход, основывается на «чистом учении о праве» Кельзена[1] и рассматривает эффективность права в самой простой форме. В этом подходе юриспруденция освобождается от влияния психологии, социологии, этики и политической теории.

Согласно позитивистскому подходу эффективность права определяется соответствием поведения субъектов требованиям, установленным в правовых нормах. Она измеряется количеством случаев правомерного и противоправного поведения, а также ролью юридических санкций в минимизации последнего. Эта концепция типична для западной позитивистской традиции[2].

Иными словами, целью правового регулирования является обеспечение желаемого государством поведения людей, и эффективность определяется реальным поведением (результатом) и государственными ресурсами (мерами принуждения), необходимыми для согласования поведения с предписаниями правовых норм. При этом подходе эффективность права не связана с другими правовыми категориями, и формальная законность считается достаточным условием для признания правового регулирования эффективным[3].

Однако в современных условиях понимание эффективности права становится все более сложным и многогранным. На смену узкому позитивистскому подходу приходят новые концепции, учитывающие широкий спектр факторов, включая социальные, экономические и политические аспекты. Например, современная парадигма права и развития уделяет особое внимание анализу того, как правовые институты способствуют социальному прогрессу и справедливому распределению ресурсов.

Таким образом, эффективность права не может быть оценена исключительно через призму поведения субъектов и последствий правонарушений. Она должна учитывать широкий контекст общественных отношений и результативность правовых институтов в достижении целей социального развития и обеспечении справедливости в обществе.

В советский период развития российской государственности подход к пониманию эффективности права был основан на марксистско-

---

1 Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. пер. Вып. 1. М., 1987. С. 7.

2 См.: Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 214.

3 Подробнее об этом см.: Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М.: Юридическая литература, 1980.

ленинской теории и определялся, как «возведенная в закон воля господствующего класса». Суть научных изысканий того времени совершенно справедливо сводилась к тому, чтобы эффективность права оценивалась по достижению целей правового регулирования[1].

Таким образом, эффективность права связывалась с соответствием законов и норм социальным целям государства, а также с достижением планируемых результатов социально-экономической деятельности при наименьших затратах[2].

В рамках советской юриспруденции понятие «эффективность» поддерживалось понятиями «целесообразность», «оптимальность» и «обоснованность»[3]. Эффективность права определялась как соотношение между достигнутым результатом и затратами (ресурсами), которые были затрачены на его достижение. Также было введено понятие «результативность», которое означало степень достижения запланированных результатов и реализации запланированной деятельности.

Оценка эффективности права в советской юриспруденции в значительной степени опиралась на критерии экономической производительности. Результативность правового регулирования измерялась соотношением между достигнутыми результатами и использованными ресурсами. Более высокая эффективность означала более высокую ценность (полезность) результатов по сравнению с затратами, вкладываемыми в правовую деятельность. Утверждалось, что главной задачей правового регулирования являлось не столько желаемое поведение граждан, сколько «достижение более глубоких социальных целей, имеющих общественно значимый смысл»[4].

В целом советский подход к пониманию эффективности права был глубоко связан с идеологическими и экономическими предпо-

---

[1] См.: Самощенко И. С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. К методике изучения эффективности правовых норм // Сов. государство и право. 1971. № 3. С. 70–71; Шикин Е.П. Основные условия эффективного применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 5; Правоприменение в Советском государстве. М. Юридическая литература. 1985; Тихомиров Ю.А. Указ. соч.

[2] См.: Никитин В.Б., Орехов В.В., Спиридонов Л.И. О возможном подходе к исследованию эффективности правовой нормы // Проблемы социологии права. 1970. Вып. 1. С. 90.

[3] См.: Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960. С. 143; Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой системы // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 41–44; Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 200; Пелевин С. Эффективность права и законодательство о разводах // Правоведение. 1971. № 3. С. 98.

[4] См.: Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юридическая литература, 1971. С. 24.

сылками времени и уделял основное внимание социально-экономическим аспектам правового регулирования, при этом акцент смещался с полученного результата на социальную цель, положенную в основу правового предписания»[1]. При таком подходе норма может считаться эффективной, если в результате ее действия достигнута социальная цель ее введения.

Данная теория довольно долго была превалирующей.

Со временем все большее число исследователей исходило из признания связи целей нормативных предписаний, измерителей (критериев) и результата как единой «триады»[2].

Научный поиск в сфере определения эффективности правовых явлений распространился и на правоприменительную деятельность. Постепенно складывалось устойчивое мнение большинства ученых о том, что *суждение об эффективности правовых норм возможно только в процессе его реализации*.

Четкая организация процесса воплощения юридических моделей в жизнь и оптимизация правореализационного механизма играют ключевую роль в повышении общей эффективности права. В эту деятельность включаются меры по обеспечению доступности и понятности норм права, результативности системы судебного разбирательства, адекватному применению санкций и механизмов контроля за исполнением правовых норм[3].

Постепенно современная наука исследует различные аспекты определения эффективности правовых явлений, учитывая сложность и многообразие общественных отношений. Важно учесть, что она права может быть установлена по-разному в зависимости от контекста, целей и ценностей общества, в котором оно функционирует.

---

1 См.:, например, Иконицкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979; Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юридическая литература, 1971. С. 24; Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.

2 См.: Лебедев М.П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Сов. государство и право. 1963. № 1. С. 29; Михайловская И. Вопросы социологии в уголовном процессе // Сов. юстиция. М., 1970. № 19. С. 11, 12; Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 98; Шикин Е.П. Основные условия эффективности применения права. С. 5; Ковалев М.И. Пути повышения эффективности криминологических исследований // Вопросы эффективности уголовно-правовых норм: сб. науч. тр. Сведловск, 1978. Вып. 66. С. 9; Общая теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 151; Сабанин С.Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 47 и др.

3 Подробнее об этом см.: Шундиков К.В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 30.

Заметный вклад в развитие подходов к оцениванию правовых феноменов, связанных с правоприменительной деятельностью государства внес профессор G. F. Schuppert[1], представитель Берлинской исследовательской группы. Он предложил оценивать изменения государственности с помощью двух типов индикаторов: семантических и содержательных (появление новых функций государств).

Этапы институционализации оценочного процесса отмечали и другие ученые. Так, G. M. Hellstern подчеркивал, что к 60–80-м годам XX века оценочные исследования уже были привычным элементом управленческой практики и одновременно прогрессивным познавательным процессом. Стратегия выработки методологии оценочных измерений государственного управления начинается от простых форм комплексного учета социальных факторов и доходит до качественно более сложных исследований, позволяющих задать нужный вектор развития социальным процессам в стране.

Исследовательский интерес ученых разных стран к оценочным процедурам постепенно стал набирать силу. Если в начале этого пути речь шла об узкоцелевых экспериментальных проектах, то позже разрабатывались теории социального проектирования национальных проблем, а затем – особого рода теории или модели, учитывающие специфику любых социальных процессов.

В научных кругах высказывается мнение, что родилось принципиально новое знание о развитии теории эффективности права, которое позволит одновременно отслеживать как этапы социального развития, так и процесс формирования знания о нем с целью использования научного потенциала в государственном управлении[2].

Весомый вклад в развитие теории эффективности правоприменительной деятельности внес В.В. Лазарев, который предложил углубленный и широкий подход к пониманию данной темы путем включения в рассмотрение затрат — как экономических, так и временных, а также социальной ценности. Он утверждает, что полная эффективность правоприменительного акта заключается в достижении всех его целей, будь то ближайшие, отдаленные или конечные, выполненные с минимальным негативным влиянием на социальные цен-

---

1 Schuppert G. F. Was ist und wie misst man Wandel von Staatlichkeit? // Staat. B., 2008. Bd. 47, H. 3. S. 325–358. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2009-02-002-shuppert-g-f-chto-takoe-izmenenie-gosudarstvennosti-i-kak-ego-izmerit-schuppert-g-f-was-ist-und-wie-misst-man-wandel-von

2 Hellstern G. M. Generating Knowledge and Refining Experience: The Task of Evaluation // The Public Sector – Challenge for Coordination and Learning / Ed. by F.-X. Kaufman. Berlin, New York : Walter de Grayter, 1991. P. 271–308.

ности, с наименьшими экономическими затратами и в кратчайшие сроки[1].

В научной литературе также присутствует значительный объем эмпирических данных, подтверждающих возможность оценки эффективности правовых предписаний только в процессе их реализации. Однако важно отметить, что результативность правоприменительной деятельности играет важную роль в измерении эффективности норм права и служит средством выражения последней.

Таким образом, в научной литературе просматривается связь между эффективностью правовых норм и результативностью деятельности государственных органов, осуществляющих свои полномочия в определенных сферах. В этом контексте эффективность правоприменительной деятельности выступает в качестве индикатора действия норм права, являясь выражением их эффективности, но однако не полным их синонимом[2].

Дальнейший переход в понимании права с социалистической концепции на естественно-правовую, присущую либертарному типу правопонимания, привело к изменению подхода к цели права, которая теперь стала базироваться на «обеспечении максимально возможной в обществе свободы личности»[3].

В работе В.В. Лапаевой научному сообществу было предложено пересмотреть установившийся подход к оценке эффективности права. Автор, оперируя довольно вескими аргументами, утверждает, что эффективность правового регулирования должна быть определена вкладом этого регулирования в укрепление правовых принципов в государственной и общественной жизни, в развитие свободы в общественных отношениях, а также в реализацию прав и свобод человека и гражданина[4].

Пересмотр парадигмы правопонимания требовал переработки концепции правовой эффективности. Теперь при оценке результа-

---

1 Подробнее об этом см.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. С. 98.

2 См.: Кожевников В.В. Эффективность норм права и эффективность их применения: проблема соотношения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3(147). С. 43.

3 См.: Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 196–225.

4 См.: Лапаева В.В. 1) Эффективность закона и методы ее изучения. С. 33; 2) Социология права. С. 212; 3) Российская социология права. С. 159; Проблемы общей теории права и государства. С. 503.

тивности правового регулирования существенное внимание уделяется достижению правовых целей, сосредоточенных на обеспечении и защите прав и свобод человека[1].

Аналогичный подход используется рядом зарубежных ученых, включая Р.Д. Кутера из Калифорнийского университета в Беркли. Он подчеркивает, что при оценке эффективности права юриспруденция предоставляет информацию о нормативных ресурсах, а экономика показывает, как максимизировать их ценность. Исходя из этого, главной юридической ценностью должна быть свобода, а цель справедливого общества и права заключается в максимальном увеличении объема базовой свободы, которой все пользуются в равной степени[2].

Либертарная концепция права определяет право как формально равную для всех меру свободы на основе взаимного признания участниками общества и ограничения свободы каждого в свете свободы других. Таким образом, достижение этой цели возможно путем внутренней готовности каждого члена общества ограничить свою свободу, т.е., по словам И. Канта, «Свобода размахивать руками заканчивается у кончика носа другого человека»[3]. В соответствии с либертарной концепцией право считается эффективным, если оно обеспечивает максимальные гарантии прав и свобод человека при минимальном их ограничении.

Анализ современных исследований в области эффективности права и правоприменительной деятельности выявил тенденцию к разнообразию и расширению концептуальных подходов к пониманию права. Исходя из того, что право является многогранным и многоаспектным явлением с различными уровнями, аспектами и фасетами, его эффективность в контексте правоприменительной деятельности требует использования разнообразных методологических подходов.

Следовательно, возникает необходимость в основательном исследовании эффективности права, законодательства и правоприменительной практики на методологическом плюрализме и множественности подходов к пониманию права. Наряду с этим в научно-методологическом плане плюралистический подход к проблеме

---

1 См.: Лапаева В.В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М.: БЕК, 1997. С. 38.

2 Cooter R.D. Liberty, Efficiency, and Law // Law and Contemporary Problems. 1987. Vol. 50. Issue 4. Pp. 141–163.

3 Кант И. Критика практического разума. М.: Изд. АСТ. 2019.

результативности права связывается с широким философско-антропологическим подходом, который утверждает, что эффективность права имеет глубокие связи с обеспечением осмысленного, безопасного и психологически комфортного существования как отдельной личности, так и обществу в целом.

Был предложен «множественный подход» к оценке эффективности права в рамках плюралистического подхода[1]. Была разработана классификация[2] эффективности права, включающая семь различных типов, включая политическую эффективность права — эффективность права в качестве инструмента государственной политики и достижения государственных целей, а также поведенческую эффективность — эффективность права как регулятора общественно значимой деятельности и поведения людей[3].

Таким образом, на основе этих рассуждений можно сделать вывод, что для обеспечения эффективности права и правоприменительной практики необходимо учитывать разнообразие подходов к пониманию права и особенностей конкретных ситуаций. Это позволит достичь максимально положительных результатов как для индивидуальных лиц, так и для общества в целом.

С.А. Жинкин подчеркивает, что правовое воздействие не может быть ограничено одной сферой, поскольку право оказывает влияние на различные аспекты социальной, культурной, политической, экономической и психологической жизни. Следовательно, разнообразные критерии, показатели и методики измерения эффективности правоприменительной деятельности весьма релевантны.

Таким образом, плюралистический подход к изучению результативности права выявляет необходимость проведения независимых исследований различных политических, юридических, экономических, социальных, психологических и духовно-культурных аспектов правовой эффективности. Изучение результативности права включает понимание трех различных явлений, а именно: «соразмерности экономических затрат и правового результата», «соотношения социальной цели и правового результата» и «способности обеспечивать

---

1 Жинкин С.А. О методологических принципах исследования эффективности норм законодательства // Российский следователь. 2008. № 19. С. 33–34.

2 Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 196–225.

3 См.: Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009. С. 136–137; Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридичесая наука. 2020. № 2. С. 196–225.

позитивную, гуманную, нравственную, интеллектуальную и физическую самореализацию индивидов и их объединений»[1].

Поэтому необходимо учитывать множество различных факторов и аспектов при анализе эффективности права и правоприменительной деятельности, а плюралистический подход позволяет учесть все эти аспекты и способы воздействия права на общество.

Одним из важных аспектов исследования права является анализ не только его юридической, но и социальной эффективности.

Юридическая эффективность определяется соответствием фактического результата применения правовой нормы желаемому результату, а также соблюдением и исполнением правил поведения, закрепленных в данной норме. Однако социальная эффективность сопряжена с адаптацией фактического поведения субъектов правовой нормы к социальной цели, которую преследует законодатель[2].

Но в контексте оценки эффективности правового воздействия нередко возникает противоречие между указанными подходами. Противопоставление этих двух подходов к оценке эффективности правового воздействия можно обнаружить в исследовании Ю.И. Шуплецовой, в котором описывается ситуация, когда промышленное предприятие без соответствующего разрешения сбросило отходы производства в реку. Этот акт причинил ущерб окружающей среде, государству, имуществу и здоровью граждан[3].

Несомненно, существуют нормы права, запрещающие такое поведение, однако важно оценить *результаты применения этих правовых норм и их эффективность*. Указанная ситуация привела к возмещению ущерба, компенсации стоимости погибшего скота, затрат на лечение пострадавших граждан, наказанию сотрудников и главного инженера. Тем не менее, реализация юридических мер, таких как компенсация ущерба и наказание виновных лиц, не гарантирует достижения социальной цели. Юридическая эффективность достигнута, поскольку виновные стороны подверглись правовой ответственности, но социальный эффект, состоящий в обеспечении чистоты реки и сохранении природной среды, нереализован. Компенсация ущерба и наказание виновных лиц не способствуют очистке реки и предотвра-

---

1 Жинкин С.А. О влиянии психологических факторов на эффективность норм права // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 6(25). С. 75.

2 Подробнее об этом см.: Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М.: Юридическая литература, 1980. С. 48–49.

3 Шуплецова Ю.И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: Монография. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2018. С.181.

щению повторных нарушений, поскольку предприятию может быть экономически выгоднее оплатить ущерб, чем инвестировать в соответствующие меры.

Таким образом, при оценке эффективности правового воздействия необходимо учитывать не только соблюдение юридических норм и применение мер ответственности, но и достижение социальных целей, таких как сохранение окружающей среды и улучшение качества жизни. Исследования, посвященные оценке эффективности права, должны учитывать оба этих аспекта и предлагать механизмы для достижения желаемых результатов.

В рамках постнеклассической юриспруденции выделяется новое понимание эффективности правоприменения — цифровизация правоприменительной деятельности[1].

Эффективность правоприменительной деятельности достигается, по мнению А.А. Дорской, с помощью цифровых технологий: более высокой степенью открытости деятельности государственных органов, направленных на применение действующей нормативно-правовой базы; путем создания для населения новых ресурсов, позволяющих пользоваться предоставляемыми им правами, активизирует взаимодействие органов государства в правоприменительной сфере и т.д.[2].

Тем не менее, необходимо отметить, что активное внедрение цифровизации также несет определенные угрозы. Например, использование искусственного интеллекта в правоприменении может повлечь за собой социальные и юридические последствия, которые сложно предсказать. Существует множество негативных сценариев, связанных с цифровизацией, что вызывает озабоченность общества и создает необходимость тщательного регулирования этого процесса, а также этической оценки внедрения цифровых технологий в правоприменительную сферу.

Тем не менее цифровизация как инструментальное средство обладает потенциалом более быстрого и эффективного разрешения противоречий, упрощения и ускорения взаимодействия между государственными органами и гражданами в рамках правоприменения. В свете этого, цифровизация правоприменительной деятельности остается актуальной темой и требует дальнейших исследований и

---

1 См.: Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская и др.; отв. ред. Д.А. Пашенцев. М.: Инфо-тропик Медиа, 2022.

2 См.: Дорская А.А. Цифровизация как направление повышения эффективности правоприменения / в кн.: Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская и др.; отв. ред. Д.А. Пашенцев. М.: Инфо-тропик Медиа, 2022. С.

изучения для достижения оптимального баланса между эффективностью и рисками, связанными с цифровыми технологиями.

В заключение отметим, что доктринальность подходов к пониманию эффективности правоприменительной деятельности как некой системы взглядов на устройство правовой действительности формировалась под влиянием типов правопонимания, действующих в определенный исторический период.

Приведенный анализ показал, что понятие «эффективность» всегда отражает **соотношение,** а вот — «между чем и чем», мнения расходятся, порой диаметрально: между буквой закона и поведением людей; социальными целями и фактической реализацией; результатами правового воздействия и затратами на правовое регулирование и проч.

В рамках кельзиновского позитивизма эффективность права определяется соответствием поведения субъектов права модели, закрепленной в правовой норме. В советском позитивизме важным является соответствие фактического поведения субъектов права социальным целям, содержащимся в нормах права. В либертарной теории эффективность права измеряется степенью обеспечения свободы личности при минимальных ограничениях. В рамках правового плюрализма эффективность права представляет собой многомерное понятие, охватывающее политические, экономические, социальные, духовные, воспитательные и психологические аспекты[1].

Каждый подход отражает уникальные особенности и доктринальные принципы правовой теории.

Использование различных типов правопонимания позволяет получить более полное представление об эффективности правовой системы. Например, позитивистский подход с его акцентом на формальных требованиях и их соответствии может быть полезен для оценки того, насколько полно общество придерживается юридических норм и правил. Однако такой подход может оказаться ограниченным, так как он игнорирует социальные и этические аспекты права.

Осмысление права в рамках критического рационализма подчеркивает не только соответствие поведения субъектов правовым нормам, но и активное участие в социальном преобразовании и борьбе за справедливость. Это позволяет учесть социальные цели и идеалы, определенные обществом, и оценить, насколько правовая система способствует их достижению.

---

[1] Подробнее об этом см.: Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 196–225.

Деятельностный подход дополняет другие типы правопонимания, ориентируясь на практическую реализацию правовых норм. Он подчеркивает результативность правоприменения и эффективность в решении конкретных правовых проблем, позволяя оценить, как правовая система функционирует на практике и влияет на жизнь людей.

В итоге использование различных типов правопонимания дает возможность получить глубокое и многогранное представление об эффективности многих и разных правовых явлений. Оценка эффективности должна учитывать не только выполнение формальных требований, но и соответствие социальным целям, активность участия в социальных преобразованиях и уровень практической реализации правовых норм. Комбинирование этих подходов помогает увидеть более полную картину функционирования правовой системы и ее влиянии на общество.

Каждый из этих типов правопонимания имеет свои преимущества и недостатки, поэтому важно рассматривать различные подходы и использовать их в комбинации для получения наиболее полной и объективной оценки эффективности правовой системы.

Каждый подход отражает универсальность правовой теории, доктринальность толкования категории «эффективность» как феномена права, который наглядно можно увидеть только в процессе правоприменительной деятельности.

§ 3. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ОСНОВАНИЯ И СТАДИИ

Правоприменение связано с активными действиями уполномоченных субъектов по претворению в жизнь обязывающего предписания. Роль правоприменителя заключается в организации, стимулировании поведения других участников реализации права[1]. Как деятельность уполномоченных государственных органов, в результате которой принимаются юридически значимые решения общего или индивидуального характера, правоприменение обладает всеми признаками юридического процесса:

– это совокупность логически взаимосвязанных действий и операций, совершаемых субъектами правоприменения[2];

---

1 Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления. Автореферат соиск. к.ю.н. М., 2007. С. 10.

2 Общая теория права. Академический курс: в 3 т. / под ред. М. Н. Марченко. М.: Норма, 2002. Т. 2. С. 460.

– правоприменительная деятельность имеет официально установленную процедурно регламентированную форму[1];

– в процессе правоприменения происходит воздействие на обязанных лиц[2];

– объектом правоприменительной деятельности выступает разрешение юридических дел;

– принятие решения в процессе правоприменения порождает юридически значимые последствия.

Правоприменительный процесс, как юридически оформленная процессуальная деятельность государственных органов и должностных лиц, направленная на разрешение юридических дел и правовых споров, представляет собой динамическую составляющую правоприменения[3].

Понятие правоприменительного процесса характеризует условия и порядок деятельности органов государственной власти, их должностных лиц по реализации материальных норм права. Причем отмечается, что такая деятельность носит творческий и властных характер, что опосредуется, во-первых, статусом субъектов правоприменения, а, во-вторых, — несмотря на то, что интересы правоприменительного органа «должны лежать в плоскости закона, в плоскости реализации публичного интереса»[4], — наличием определенной дискреции, которая является необходимым условием функционирования органа государственного управления.

Норма права вне зависимости от ее отраслевой принадлежности представляет собой модель возможного, оптимального поведения участников общественного отношения. Для ее воплощения необходимо обеспечить соответствие поведения субъектов права установленным предписаниям. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением А.П. Коренева, что сущность правоприменения сводится только к подведению конкретного, имеющего юридическое значение факта под соответствующую правовую норму и принятию решения на ее основе[5], поскольку в такой формулировке правоприменительная де-

---

1 Правоприменение в советском государстве .Под ред. И.Н. Кузнецова, И.С. Самощенко. М.: Юридическая литература. 1985. С. 33.

2 Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат. 1960. С. 137.

3 Заира Д.К, Бидова Б.Б. Вестник Владимирского юридического института № 1(62). С. 161

4 Более подробно см.: Интересы в механизме публичной власти: проблемы теории и практики : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. — Москва: Проспект, 2023. С. 152-164.

5 Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М.: Юридическая литература, 1978. С.54.

ятельность ограничивается только деятельностью органов государственной власти. Думается, что процесс применения права является обоюдным, предполагающим активные действия всех субъектов по осуществлению обязывающего или дозволительного правового предписания. Активные поведенческие действия субъектов направлены в данном случае на выполнение требований, установленных правовой нормой, либо на инициирование начала возникновения правоприменительного процесса (например, в связи с подачей заявления на оформление лицензии или регистрации юридического лица). Является очевидным тот факт, что применение норм права является юридическим фактом возникновения, изменения или прекращения правовых общественных отношений. Тем более сам автор (А.П. Коренев — прим. автора) далее указывает, что разрешение конкретного дело нельзя понимать как односторонний процесс, сводящийся исключительно к подведению факта под ту или иную норму[1]. Субъект, который применяет определенную правовую норму, влияет на поведение иного субъекта, являющегося стороной возникающего правоотношения.

В правовой доктрине существуют различные определения правоприменительного процесса, хотя их анализ позволяет выделить общие признаки данной дефиниции.

К.И. Егоров, рассматривая правоприменительную деятельность, отмечает, что сущность правоприменительной деятельности внешне выражается в ее процессуальных формах, под которыми он понимает совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к участникам процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата[2]. С.С. Алексеев считает, что правоприменительный процесс формирует содержание процессуального права совместно с правоприменительной деятельностью и складывающимися процессуальными отношениями[3]. В.А. Сапун к правоприменительному процессу относит определенную совокупность последовательно совершаемых действий, объединенных в конкретные стадии, направленных на осуществление индивидуального регулирования[4]. О.Е. Солдатова правоприменительный процесс рассматривает, как часть юридического процесса, вид

---

1 Коренев А.П. Указ. соч. С. 55.

2 Егоров К.И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 67.

3 Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т.: Т.2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 329.

4 Сапун В.А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 12. С. 191

правовой материальной процедуры по реализации диспозиции и гипотезы, т.е. позитивного (нормального) применения права. При этом она отмечает, что правоприменительный процесс по своей юридической природе может регулироваться только административным и конституционным законодательством[1]. С последним трудно согласиться, учитывая разноотраслевую принадлежность материальных норм, реализуемых уполномоченными субъектами в процессе правоприменения, с одной стороны, и разновидностью юрисдикционного процесса, в рамках которого осуществляется правоприменение, с другой. А.А. Захаров отмечает, что правоприменение представляет собой «юридический процесс, который включает совокупность правовых средств, используемых государством, его органами и должностными лицами в целях обеспечения законного, справедливого и обоснованного применения норм права в строгом соответствии с волей законодателя»[2]. А.Н Илясов предлагает понимать правоприменительный процесс, как определенную совокупность последовательно совершаемых действий, объединенных в конкретные стадии, направленных на осуществление индивидуального регулирования»[3]. На необходимость учета степени правовой урегулированности порядка правоприменительной деятельности, ее процессуальной формы указывает в своем исследовании А.А. Светличный[4]. Совпадение сущности правоприменения с сущностью правоприменительного юридического процесса обосновывает З.Д. Хабиева[5].

Из приведенных дефиниций видно, что правоприменительный процесс является сложной процедурно оформленной деятельностью, период осуществления которой зависит от достижения цели реализации правовой нормы. В процессе правоприменения происходит индивидуализация правовой нормы, ее экстраполяция на конкрет-

---

1 Солдатова О.Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2014. С. 24.

2 Захаров А.А. Применение права как юридический процесс // История государства и права. 2009. № 8. С. 44.

3 Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 12.

4 Светличный А.А. Несовершенство терминологии процессуального законодательства как причина неоднозначности понятийного аппарата правоприменительной практики раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 5. С. 28.

5 Хабиева З. Д. Доктринальное осмысление правоприменения как основы юрисдикционного процесса// Аграрное и земельное право. 2022. № 6(210). С. 43.

ную ситуацию и случай. Основания для начала правоприменительного процесса включают в себя несколько ключевых моментов:

1) наличие спора или конфликта: правоприменительный процесс начинается тогда, когда возникает конфликтная ситуация между двумя или более сторонами. Это может быть гражданский спор, уголовно наказуемое деяние, административное правонарушение и т.д. Наличие спора становится основанием для применения права для урегулирования ситуации;

2) заявление, подача жалобы, иск или иное обращение в органы государственной власти или к уполномоченным лицам, не являющимся органом государственной власти, но наделенным властными полномочиями по применению норм права. Например, в отдельных сферах управления федеральными законами разрешительными, регуляторными, юрисдикционными полномочиями наделены некоммерческие юридические лица (саморегулируемые организации, государственные корпорации, публично-правовые компании и т.д.), которые будут выступать в качестве субъекта правоприменения. Обращение в компетентный орган наверное одно из самых распространенных оснований начала правоприменительного процесса;

3) самостоятельное начало процесса. В некоторых случаях правоприменительный процесс может начаться и без прямого волеизъявления как со стороны органа власти, так и гражданина. Так, например, поступление сведений о причинении вреда (ущерба) или об угрозе причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям либо выявление соответствия объекта контроля параметрам, утвержденным индикаторами риска нарушения обязательных требований, или отклонения объекта контроля от таких параметров является основание для проведения контрольных (надзорных) мероприятий[1]. А наличие в действиях лица признаков, указывающих на событие административного правонарушения, служит поводом к возбуждению дела об административном правонарушении[2];

4) наличие достаточных оснований: Правоприменительный процесс начинается при наличии объективных, достоверных и главное убедительных данных для рассмотрения дела. Такие сведения могут включать в себя аналитическую информацию, свидетельства, экспертные заключения, материалы фото- и видео-фиксации и т.д., т.е. тот

---

[1] Часть 1 ст. 57 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I), ст. 5007.

[2] Статья 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. .2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

необходимый объем информации, который позволит правоприменителю сначала осуществить сбор фактического материала и доказательств с достаточной степенью отвечающих целям правоприменения, затем проанализировать эту информацию с точки зрения действующего законодательства, чтобы определить, какие права и обязанности имеют стороны в данной ситуации и наконец, на законном основании, вынести решения по рассматриваемому казусу.

Таким образом, в основе правоприменительной деятельности лежит как правомерное поведение лиц, так и их неправомерные действия, вызывающие спорные или конфликтные ситуации.

Правиприменительная деятельность подразделяется на стадии, имеющие строгую последовательность. Стадийность правоприменительной деятельности обусловливает взаимосвязанность процессуальных действий и процессуальных решений, их оформление документами соответствующей формы и содержания. Обособленные стадии правоприменительного процесса образуют «группы действий (операций), выражающие развертывание содержания правоприменительной деятельности»[1]. Важно подчеркнуть, что, несмотря на обособленность данных групп действий, сам процесс правоприменения является непрерывным, логически выстроенным, где каждые действия скоррелированы с предыдущими, «близки друг к другу, взаимно переплетаются и обуславливают друг друга»[2].

Стадия правоприменительного процесса характеризуется наличием нескольких элементов: установлением субъектов, участвующих в процессе применения права; определением их прав и обязанностей и процедуры реализации ими своих прав и обязанностей.

Значение процессуальной формы заключается в первую очередь в том, что ее соблюдение гарантирует объективность и оперативность правоприменительной деятельности, а также обоснованность и справедливость выносимых правоприменительных актов[3]. Процессуальные нормы позволяют упорядочить процесс принятия властных решений и их исполнения, поскольку устанавливают конкретные технологические правила реализации органами государства и их должностными лицами возложенных на них полномочий, что минимизирует возможности субъективистских отклонений от заданных целей деятельности и способствует повышению эффективности управления в целом.

---

1 Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций в двух томах.Т. 2. Свердловск: Уральский рабочий, 1973. С. 232.

2 Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат. 1962. С. 26.

3 Егоров К.И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 67.

Иначе говоря, процессуализация правоприменения позволяет ограничить и предупредить социально нежелательные последствия произвольных действий должностных лиц, повысить степень подконтрольности их деятельности невластным субъектам права. Наконец, процессуализация гарантирует права граждан и организаций на защиту от произвола. Тем самым она способствует более полному и четкому исполнению требований норм материального права, поддержанию режима законности в сфере государственного управления[1].

Кроме того, тщательно прописанная юридическая процедура позволяет разрешать часто повторяющиеся юридические ситуации (задачи, проблемы) в разумные сроки. Решение таких юридических задач требует их алгоритмизации, т. е. наличия четкого однозначного механизма совершения юридических операций рассмотрения юридической ситуации, которые должны завершиться в номинальные или нормативные сроки[2].

Именно отсутствие надлежащей регламентации деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, возросшая бюрократизация процессов взаимодействия органов государственной власти между собой и с физическими и юридическими лицами были названы одной из проблем создания адекватной системы органов государственной власти. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р[3], в целях повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти предусматривала разработку и принятие административных регламентов. Предметом правового регулирования административного регламента является административная процедура, т.е. официально установленное действие органа исполнительной власти, имеющее фиксируемое начало (юридический факт), четко определенные стадии и сроки исполнения действия, включающее критерии и варианты принятия решений и юридически фиксируемый результат в виде стандарта исполнения[4]. Сам по себе административный регламент в доктрине административного права предлагается рассматривать как обеспечительное правовые средство

---

1 Суворов М. А. Административное производство: понятие, виды, классификация // СибЮрВестник. 2002. № 3

2 Нестеров А. В. О юридическом процессе // Административное и муниципальное право. 2009. № 12

3 СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.

4 Ноздрачев А.Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 3–13.

и институт, которые позволят улучшить процесс публичного управления в стране.[1]

Принятие административных регламентов позволило добиться определенных положительных результатов в правоприменении: минимизация временного периода установления фактических обстоятельств, поскольку они во многом определены административным регламентом; упрощение выбора применимой нормы права, так как правовая основа осуществления функции определена административным регламентом; исключение возможности в дискреционном порядке толковать применяемую норму права, в связи с нормативным определение результата, который должен быть достигнут в связи с выполнением функции органа государственной власти.

Другим трендом регламентации порядка исполнения государственных функций органами государственной власти и их должностными лицами является включение процедурных вопросов в федеральные законы, исключение дискреции деятельности органов исполнительной власти. В качестве примера следует привести Федеральные законы от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле»[2], от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[3], от 28 декабря 2013 г. № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе Российской Федерации»[4] и др.

Сказанное позволяет сделать вывод, что правоприменительный процесс, являясь частью административного процесса, неразрывно связан с осуществлением государственного управления и будучи в достаточной мере алгоритмизированным, обеспечивает эффективность управления и является гарантом прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Большинство исследователей выделяют 3 стадии правоприменительного процесса, а именно:

– установление и исследование фактических обстоятельств;

– выявление и анализ нормативно-правовой основы применения права;

– вынесение решения по делу и доведение до сведения заинтересованных лиц содержания решения.

---

1 Старилов Ю.Н. Исполнительная власть в структуре современного административно-правового регулирования: проблемы и основные направления разрешения // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. М., 2003. С. 85.

2 СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I), ст. 5007.

3 СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

4 СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6977.

Основываясь на том факте, что процесс познания носит непрерывный характер и в нем попеременно происходит обращение то к анализу юридических фактов, лежащих в основе правоприменения, то к юридическим нормам, вследствие чего трудно разграничить именно временные рамки выполнения таких действий некоторые исследователи считают возможным объединить первую и вторую (из названных) стадии[1].

Некоторые ученые предлагают другие наименования стадий. Так, например, П.Е. Недбайло включает в правоприменительный процесс такие стадии (этапы), как: установление достоверности и юридической значимости тех фактов и обстоятельств, в отношении которых требуется найти юридическое решение; проверка подлинности и юридической силы действия правовых норм, проверка их действия во времени и пространстве; подбор соответствующего юридического средства (актов применения правовых норм) [2].

Изменение названий стадий не изменяет существо совершаемых в рамках них действий и операций, однако заметим, что в авторской классификации, предложенной П.Е. Недбайло, упор делается на качество сведений, лежащих в основе правоприменения: достоверность информации, легитимность правовых норм.

Важно отметить, что вне зависимости от того является ли процесс правоприменения процедурным или юрисдикционным, характеризуется он наличием схожих стадий. Вместе с тем юрисдикционный процесс вносит свои коррективы. Так, например, если речь идет о применении нормы права в связи с совершенным административным правонарушением, что следование нормам процессуального законодательства позволяет говорить нам о выделении следующих стадий:

– выявление факта совершенного правонарушения;

– возбуждение дела об административном правонарушении;

– рассмотрение дела об административном правонарушении;

– вынесение определение по делу об административном правонарушении;

– исполнение определения по делу об административному правонарушении.

Правовое регулирование стадии правоприменения по возможности должно предусматривать и исключать:

– несогласованность норм закона или их противоречие;

– незнание правил, предусмотренных законом, должностными лицами;

---

[1] Карташов В.Н. Применение права. Ярославль, 1980. С. 8–9.

[2] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 185.

– игнорирование процессуальных правил поведения и действий должностными лицами;

– нечеткость регулирования поведения участников процесса в противовес незаконному поведению должностных лиц или неопределенность контроля или противодействия названному поведению должностных лиц со стороны граждан;

– незаконное и необоснованное вмешательство в процессуальную деятельность.[1]

Особую важность в процессе правоприменения имеет правовая квалификация фактических обстоятельств разрешаемого дела. Правовая квалификация предусматривает необходимость уяснения: подпадет ли действие, событие или поведение субъекта права под правовое регулирование; какими нормами права регулируется данное действие, событие или поведение субъекта; конкретизировать норму применяемого права.

Осуществляя правовую квалификацию, субъект правоприменения должен быть уверен, что выбранная норма установлена уполномоченным органом государственной власти, относится к числу действующих норм. Эффективность правовой квалификации во многом зависит от качества правового пространства, от согласованности и исполнимости устанавливаемых государством правовых предписаний. Между тем в последнее время мы наблюдали рост количества обязательных требований, увеличение новых предметных областей правового регулирования, ужесточение правовых режимов осуществления деятельности без учета их обременительности и вообще возможности физически их исполнить на практике. Проведенная реформа «регуляторной гильотины» была направлена на установление нового баланса убеждения и принуждения при регламентации поведения субъектов права.

Установленные Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ ««Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[2] принципы разработки и принятия нормативных правовых актов, являющихся основой правовой квалификации, коррелируются с основными требованиями правильного применения норм права[3].

---

1 Лонь С. Л. О стадии правоприменения процесса правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса (вопросы теории уголовного процесса) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 39–46.

2 СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006

3 К принципам правильного соблюдения норм права относят законность, обоснованность и целесообразность //Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 176-217; Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М.: Юридическая литература, 1978. С 65-72.

Обсуждение правоприменительного процесса немыслимо без рассмотрения вопросов цифровизации. Внедрение цифровых технологий в процесс правоприменения предполагает использование роботов и искусственного интеллекта, что ставит на повестку дня вопрос о правовых алгоритмах их использования. Машиночитаемое право и автоматическое правоприменение направлено на кардинальное изменение взаимоотношений гражданина и бизнеса с государством[1]. Одним из ключевых аспектов цифровизации правоприменения является создание электронных реестров, баз данных и информационных систем, которые позволяют хранить, обрабатывать и обмениваться информацией о юридических случаях, решениях судов, законодательстве и других аспектах юридической практики. Это способствует более быстрой и эффективной работе органов правоприменения. В качестве примера можно привести реестровую модель оказания услуг и осуществления отдельных функций, которая позволяет упростить процедуру получения услуг, обеспечить внутреннее взаимодействие всех заинтересованных лиц (органов государственной власти между собой, граждан и юридических лиц с органам государственной власти), а также исключить непосредственное общение с должностными лицами.

Другим аспектом цифровизации правоприменения является внедрение онлайн-сервисов для подачи заявлений, запросов, исков, апелляций и других документов, что, несомненно, делает процедуру взаимодействия между субъектами отношений, возникающих в процессе правоприменения, более удобной и доступной для граждан и предпринимателей. Например, создание портала контрольно-надзорной деятельности позволило создать сквозные процессы по контролю, объединить в одном цифровом контуре реестры разрешений, реестры административных нарушений, мобильное приложение «Инспектор» (дистанционные проверки), систему досудебного обжалования.

Цифровизация правоприменения предполагает автоматизацию процессов, применение аналитики данных для прогнозирования юридических трендов, использование электронной подписи и шифрования для обеспечения безопасности информации, внедрение электронных систем уведомлений и многие другие аспекты, способствующие современной и эффективной работе в сфере применения права и осуществления правосудия. Так, по данным Министерства экономического развития Российской Федераици количество обращений, поданных через систему досудебного обжалования, выросло

---

[1] Сухарева, А. В. Цифровизация правоприменения // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 340–342.

по сравнению с 2022 годом более чем в 1,5 раза, и в первом квартале 2023 года превысило 3 тысячи[1]. Предприниматели положительным образом оценили не только прозрачность системы, но и быстроту разрешения спорных ситуаций.

Автоматизация принятия решений правоприменительными органами предполагает использование систем искусственного интеллекта для анализа больших объемов информации и предоставления рекомендаций, прогнозов тенденций в экономике, оптимизации бюджетных расходов, анализа социальных программ и многих других аспектов государственного управления. При внедрении цифровых сервисов такие стадии правоприменения, как установление (и исследование) фактических обстоятельств, выявление и анализ нормативно-правовой основы (базы) применения права могут проходить без участия соответствующего властного субъекта. Объективность в данном случае будет зависеть от достоверности и достаточности тех сведений, которые анализирует искусственный интеллект.

Несомненно, новые технологии и удобное программное обеспечение призваны, с одной стороны, упростить деятельность правоприменителя путем облегчения сбора информации в электронном виде при правовой квалификации и принятия решения, с другой порождают проблемы, связанные с неопределенностью правовой природы правоприменительных документов, принятых искусственным интеллектом. Все это обуславливает новый виток исследований в этой сфере.

§ 4. ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОЦЕНКИ И КОНТРОЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из самых важных форм оценки и контроля правоприменительной деятельности является правовой мониторинг. Нередко в этом качестве выделяют такие инструменты, как оценки фактического и регулирующего воздействия и ряд др. При этом в юридической литературе отмечается, что их также можно рассматривать как составные части института правового мониторинга[2].

При этом роль правового мониторинга не ограничивается только правоприменительной сферой, поскольку непосредственным

---

[1] URL:https://www.economy.gov.ru/material/news/aleksey_hersoncev_za_pervyy_kvartal_2023_goda_kolichestvo_obrashcheniy_cherez_sistemu_dosudebnogo_obzhalovaniya_vyroslo_bolee_chem_v_15_raza.html (дата обращения 15.12.2023).

[2] См.: Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. Риск и право: научное издание. М., 2012. С. 50.

образом он связан и с правотворчеством. В российском механизме публичной власти перманентные поправки в правовые акты являются скорее правилом, чем исключением. Результатом этого становится недооценка научной обоснованности принимаемых актов, что приводит к снижению качества правового регулирования. Постоянное изменение действующих правовых норм препятствует максимальному сбору достаточного аналитического, статистического, социологического и иного материала для правоприменения. Но повышение качества правоприменительной деятельности теснейшим образом связано со стабильностью нормативно-правового регулирования.

Для этого необходимо внедрение соответствующих научных инструментов, своеобразных заслонов от бессистемного изменения действующего правового массива.

Именно таким инструментом является правовой мониторинг, в том числе анализ статистических данных нормотворческого процесса, о чем уже говорилось в § 1 настоящей главы.

Институт законодательства и сравнительного правоведения всегда являлся новатором в деле проведения научных исследований по оценке действия правовых актов[1]. Так, в его стенах был впервые разработан механизм правового мониторинга, предназначенного для обеспечения систематической оценки и корректировки процедур подготовки и принятия (издания) нормативных правовых актов, результативности их реализации и ответственности органов публичной власти. Впоследствии именно на основе этих разработок была сформирована всероссийская система осуществления мониторинга правоприменения[2]. Научные исследования посвящены как теории правового мониторинга[3], так и вопросам его применения в различ-

---

1 См.: например: Самощенко И.С., Никитинский В.И. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. 1969. Вып. 18. С. 3–19; Самощенко И.С., Никитинский В.И. Цели правовых норм — масштаб оценки их эффективности // Ученые записки ВНИИСЗ. 1969. Вып. 19. С. 46–61.

2 См.: Указ Президента Российской Федерации 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации».

3 См.: Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М., 2009; Тихомиров Ю.А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3; Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5; Механизм правового мониторинга: науч.-практ. пособие Д.Б. Горохов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов и др.; отв. ред. А.В. Павлушкин. М., 2012.

ных сферах общественной жизни[1], в том числе противодействия коррупции[2].

Не остаются без внимания сравнительно-правовые исследования в российских регионах, зарубежных странах, а также межгосударственных объединениях и наднациональных органах в области правового мониторинга[3].

Активно готовятся методические и практические материалы в области осуществления правового мониторинга[4], в том числе отраслевые[5].

Стремительное разрастание массива законодательства, необходимость обеспечения его эффективной реализации привели к увеличению масштабов проведения мониторинговых исследований в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности[6].

---

1 См.: Ноздрачев А.Ф., Чернобель Г.Т., Чеснокова М.Д., Болдырев В.Б. Мониторинг реализации Федерального закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Законодательство и экономика. 2007. № 7; Мониторинг законодательства о лесах и животном мире: науч.-практ. пособие. М., 2011.

2 См.: Хабриева Т.Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10; Тихомиров Ю.А. Практические аспекты осуществления антикоррупционного анализа и оценки реализации правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10; Залоило М.В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции: науч.-практ. пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Проспект, 2021.

3 См.: Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Новые юридические технологии в государствах — участниках Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5 (78). С. 49–64; Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Правовой мониторинг в Евразийском экономическом союзе // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 144–157.

4 См., например: Тихомиров Ю.А., Павлушкин А.В. Горохов, Д.Б., Чеснокова М.Д., Черепанова Е.В., Глазкова М.Е. Об организации и проведении правового мониторинга // Журнал российского права. 2010. № 6.

5 См.: Черепанова Е.В. Формирование модели отраслевого правового мониторинга // Журнал российского права. 2011. № 3; Нанба С.Б. Организация правового мониторинга в сфере ведения Минкультуры России // Журнал российского права. 2011. № 4. Судебная практика в механизме правового мониторинга: науч.-практ. пособие / М.Е. Глазкова, А.В. Павлушкин, В.В. Севальнев и др.; отв. ред. А.В. Павлушкин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2017.

6 См.: Залоило М.В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции: науч.-практ. пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Проспект, 2021; Горохов Д.Б., Глазкова М.Е. Организация мониторинга законодательства: опыт зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. Вып. 4; Тихомиров Ю.А., Горохов Д.Б. Административная реформа в Орловской области: исследование правовых проблем // Журнал рос-

В настоящее время на постоянной основе осуществляется мониторинг российского законодательства, принятого с 1994 г.[1] Это позволяет показать состояние системы законодательства в контексте интенсивности нормотворческой деятельности, а также предложить меры по совершенствованию данного процесса.

Рассматривая собственно правовой мониторинг как форму оценки и контроля правоприменительной деятельности, подробнее остановимся на следующих этапах (стадиях) правового мониторинга: законопроектной (федерального уровня) и реализации уже действующего федерального законодательства (на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов).

Как известно, в большинстве стран мира именно правительства являются основными субъектами права законотворческой инициативы как в количественном, так и качественном плане. Не является здесь исключением и Россия. Соответственно высший федеральный государственной орган исполнительной власти ежегодно на основе предложений министерств и ведомств формирует план для внесения проектов федеральных законов в парламент. Мониторинг реализации таких планов можно рассмотреть на примере исполнения Плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2022 г., утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 3994-р (далее — План-2022).

Анализ исполнения Плана-2022 показывает, что в итоге 13 предусмотренных в нем законопроектов были реализованы в иных федеральных законах (п. 12, 24, 29, 36, 38, 51, 53, 48, 113, 116, 121, 122, 129). Также два законопроекта реализованы в иных законопроектах (п. 31 и 92 Плана-2022).

сийского права. 2007. № 4; Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Новые юридические технологии в государствах — участниках Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5(78). С. 49–64. Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Правовой мониторинг в Евразийском экономическом союзе // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 144–157; Тихомиров Ю.А., Павлушкин А.В., Горохов Д.Б., Чеснокова М.Д., Черепанова Е.В., Глазкова М.Е. Об организации и проведении правового мониторинга // Журнал российского права. 2010. № 6; Черепанова Е.В. Формирование модели отраслевого правового мониторинга // Журнал российского права. 2011. № 3; Нанба С.Б. Организация правового мониторинга в сфере ведения Минкультуры России // Журнал российского права. 2011. № 4; Судебная практика в механизме правового мониторинга: науч.-практ. пособие. М., 2017.

[1] См., например: Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Мониторинг законодательства Российской Федерации: динамика и тенденции развития в постсоветский период. Ч. I. // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2. С. 4–13.

Таким образом, из 136 законопроектов, предусмотренных Планом-2022, 15 были реализованы в иных проектах, что составляет более 10% их общего количества. Для сравнения можно указать, что из 160 и 283 законопроектов, предусмотренных планами на 2021 г. и на 2020 г., утвержденными распоряжениями Правительства Российской Федерации соответственно от 31 декабря 2020 г. № 3683-р и от 26 декабря 2019 г. № 3205-р, только по одному законопроекту в каждом из них (п. 118 и 126 соответственно) было реализовано в иных проектах, внесенных в Государственную Думу.

В ряде случаев указанная выше практика была связана с необходимостью объединения нескольких законопроектов в единый документ (например, п.121 и 122 Плана-2022). Однако в иных случаях положения предусмотренных Планом-2022 законопроектов были реализованы во внесенных депутатами и сенаторами Российской Федерации иных законопроектах (например, п. 31 и 92). Косвенным образом это может свидетельствовать о нарушении отдельными ФОИВ установленного порядка внесения законопроектов и (или) поправок к ним после первого чтения в нижней палате российского парламента.

Следует отметить, что ранее такая практика являлась весьма распространенной. Поэтому в Регламенте Правительства Российской Федерации (п. 93) был установлен запрет на представление ФОИВ законопроектов в палаты российского парламента, минуя федеральное Правительство, а также передачу подготовленных ими законопроектов иным субъектам права законодательной инициативы. При этом Председатель Правительства РФ мог согласиться с предложением о совместном внесении в Государственную Думу РФ законопроекта, в разработке которого вместе с Правительством участвовали другие субъекты законотворчества, либо о внесении совместно разработанного законопроекта этими субъектами без участия Правительства[1].

Сейчас же в Регламенте Правительства РФ (п. 103) прямо установлен запрет на включение в проект поправок положений, не относящихся к предмету правового регулирования проекта, принятого нижней палатой парламента в первом чтении[2].

---

[1] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 2000 г. № 760 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» — утратило силу в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от июня 2004 г. № 260.

[2] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации».

Полагаем, что необходимо обратить более пристальное внимание на недопущение возвращения к указанной выше практике внесения законопроектов, так как это не только приводит к нарушению официальной процедуры внесения законопроектов, но и ведет к ухудшению их качества, поскольку отсутствуют предусмотренные в общем порядке экспертизы и заключения на такие законопроекты.

Этап (стадию) правового мониторинга по реализации действующего федерального законодательства на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов вначале целесообразно рассмотреть на примере приведения этих нормативных правовых актов в соответствие с новым Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон № 414-ФЗ). Данный выбор обусловлен тем, что этот акт кардинальным образом изменил нормативную базу построения системы публичной власти на всех уровнях.

Следует отметить, что, хотя Закон № 414-ФЗ вступил в силу с января 2022 г., субъекты Российской Федерации приступили к его исполнению фактически с марта этого же года.

И если в марте-апреле в месяц принималось от 10 до 20 законов, которыми в основном наименование ранее действовавшего Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», механически заменялось на наименование Закона № 414-ФЗ, то уже с мая 2022 г. ситуация кардинально меняется: принято уже более 100 законов субъектов Федерации; в июне — 134 закона, а с июля — более 150 законов ежемесячно.

С ноября количество новых нормативных правовых актов значительно возрастает: принят 261 закон. Пиком законотворческой деятельности в российских регионах стал декабрь 2022 г., в котором свет увидели 379 законов субъектов Федерации.

Примечательно, что, хотя в соответствии с нормами Закона № 414-ФЗ (о чем подробнее будет сказано ниже) процесс принятия указанных региональных законов должен был прекратиться с начала 2023 г., на практике этого не произошло. Так, в январе 2023 г. было издано более 200 законов, в феврале–августе — более 100 законов в каждом, в сентябре — более 10, а в октябре и ноябре — более 50 законов. Очевидно, что далее количество этих законов будет уменьшаться, однако тенденция понятна: в большинстве регионов прямо были нарушены предписанные федеральным законодателем временные сроки.

В проведенном подсчете учитываются только так называемые самостоятельные законодательные акты, каждый из которых оформляется отдельным документом. Таким образом, в некоторых регионах в один день может быть принято 50 и более законов по вопросам организации публичной власти, вносящих изменения в каждый из действующих актов. Другим вариантом является принятие комплексных актов, которыми изменяются все или большинство региональных законов. Например, в Мурманской области одним актом изменено сразу 134 областных закона[1], в Костромской области — 165[2].

Но возникает закономерный вопрос: что составляет большинство изменений в законах субъектов Федерации?

Это, как показывает проведенный правовой мониторинг, опять же замена одних терминов и понятий на другие, поскольку это жестко предопределено федеральным законодателем. Рассмотрим один из законов Курской области, в котором содержатся два вида изменений[3]. Первым слова «органа исполнительной государственной власти» заменяются словами «исполнительного органа»; вторым слово «Администрация» заменяется словом «Правительство». Более того, в 2015 г. в Тульской области наименование высшего органа исполнительной власти — «Администрация области» — было заменено на слова «Правительство области». Но это не решило всех законодательных проблем. В ряде областных законов[4] пришлось слово «правительство» (со строчной буквы) заменять словом «Правительство» (с прописной буквы), поскольку именно так предусмотрено Законом № 414-ФЗ. При этом в данном Законе (ст. 20) установлена возможность закрепления другого наименования высшего исполнительного органа субъекта Федерации с учетом его исторических, национальных и иных традиций (в конституции или уставе соответственно).

---

1 См.: Закон Мурманской области от 30 мая 2022 г. № 2767-01-ЗМО «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Мурманской области и признании утратившими силу законодательных актов (положений законодательных актов) Мурманской области».

2 См.: Закон Костромской области от 26 апреля 2022 г. № 196-7-ЗКО «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Костромской области и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Костромской области».

3 См.: Закон Курской области от 10 ноября 2022 г. № 115-ЗКО «О внесении изменений в Закон Курской области «О наделении органов местного самоуправления Курской области отдельными государственными полномочиями на государственную регистрацию актов гражданского состояния».

4 См., например, Закон Тульской области от 27 октября 2022 г. № 108-ЗТО «О внесении изменений в Закон Тульской области «О недропользовании».

На основании изложенного полагаем, что в федеральных законах необходимо максимально учитывать указанные выше исторические и иные особенности регионов, главным образом с учетом федеративного строения российского государства. Здесь уже есть здесь первые подвижки. Например, в марте 2022 г. в Законе № 414-ФЗ руководитель региона стал называться как «Главой», так и «Губернатором»[1].

Что касается муниципального уровня управления, то проведенный мониторинг показал целесообразность установления разумных сроков приведения в соответствие с федеральным уровнем правового регулирования муниципальных правовых актов. В Законе № 414-ФЗ (ч. 4 ст. 65) закреплено, что и акты органов местного самоуправления подлежат приведению в соответствие с ним не позднее 1 января 2023 г. Однако в ряде случаев срок изменения как муниципальных, так и региональных правовых актов в принципе не может быть одинаковым. Зачастую муниципальные правовые акты следуют в фарватере нормативных правовых актов регионов. Более того, пока на уровне субъекта Федерации нормативно не закрепят какие-либо положения, невозможно будет изменить и соответствующие муниципальные правовые акты.

Другие конкретные проблемы осуществления правового мониторинга рассмотрим на примере двух принятых в 2020 г. федеральных законов.

Первый из них — Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» (далее — Закон № 123-ФЗ). Второй — Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее — Закон № 258-ФЗ).

Следует заметить, что оба этих законодательных акта касаются вопросов цифровизации, приняты с разницей в три месяца и имеют довольно сходное содержание. Конечно же, необходимо учитывать, что Закон № 123-ФЗ регламентирует только проведение эксперимента в сфере разработки, внедрения и возможного использования искусственного интеллекта. Область возможных экспериментов в соответствии с Законом № 258-ФЗ является куда более широкой, поскольку

---

[1] См.: Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

распространяется на значительное количество сфер экономической и социальной жизни общества (медицина, включая телемедицину; транспорт, включая беспилотные аппараты; сельское хозяйство; финансы; дистанционные продажи; промышленность и ряд др.).

Но при этом обращают на себя внимание и разные подходы к их правовому наполнению. Так, имеются различия в наполнении дефиниций, используемых в этих федеральных законах (например, «участник экспериментального правового режима» — ст. 2 Закона № 123-ФЗ и ст. 2 Закона № 258-ФЗ); не совпадают цели и задачи экспериментальных правовых режимов (ст. 3 и ст. 3 и 4 соответственно), максимальные сроки проведения экспериментов и др.

Однако, на наш взгляд, главное различие в рассматриваемых федеральных законах состоит именно в регламентации вопросов осуществления мониторинга их реализации. В Законе № 258-ФЗ такому мониторингу посвящена отдельная ст. 18, содержащая довольно детальную регламентацию его осуществления. При этом предварительным итогом проведенного мониторинга может являться один из вариантов: придание специальному регулированию свойства общего регулирования; без изменения специального регулирования; с его изменением. И конечно же, результатом может быть и признание неудачности эксперимента, без изменения действующего законодательства.

При этом детальная регламентация осуществления собственно мониторинга, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима, а также общественного обсуждения данных вопросов установлена специальным актом Правительства РФ[1].

В Законе № 123-ФЗ такой законодательной регламентации о мониторинге не содержится, а сам мониторинг лишь упомянут как одна из целей деятельности специально создаваемого органа: координационного совета экспериментального правового режима. Еще более усугубляет это ситуацию то, что в подзаконном акте Правительства г. Москвы, регламентирующем порядок деятельности указанного совета[2], также не содержится развернутой регламентации осуществления мониторинга.

---

[1] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2020 г. № 2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций».

[2] См.: Постановление Правительства Москвы от 3 декабря 2020 г. № 2135-ПП «Об утверждении Положения о Координационном совете экспериментального правового режима».

Имеется лишь норма, в соответствии с которой по результатам проведения эксперимента и последующего возможного использования результатов применения искусственного интеллекта совет подготавливает и представляет в федеральное Правительство предложения о целесообразности или нецелесообразности внесения изменений в законодательство Российской Федерации (п. 4 Положения о совете). Таким образом, полагаем необходимым нормативным образом всеобъемлюще урегулировать вопросы осуществления мониторинга экспериментального правового режима в г. Москве.

Говоря о мониторинге как форме оценки и контроля правоприменительной деятельности в Российской Федерации, нельзя обойти вниманием и вопрос о цифровизации собственно правового мониторинга.

Как известно, в настоящее время мониторинг на федеральном, региональном и местном уровнях зачастую проводится по различным методикам, показателям, зачастую не связанных между собой. И в основном взаимодействие субъектов правового мониторинга осуществляется без использования новых цифровых технологий в бумажной форме.

При определении способов цифровизации мониторинга весьма важным является вопрос о технологических аспектах такого взаимодействия. Прежде всего речь идет о создании соответствующего программного обеспечения, в том числе обмене информацией об осуществлении мониторинга, а также ее первичного анализа. Естественно, при этом необходимо предусмотреть использование общих форматов, регламентов и технологий.

Наименее затратным вариантом цифровизации правового мониторинга является модернизация и расширение функциональных возможностей уже действующего официального интернет-сайта путем создания нового сервиса (раздела). На специальной странице сайта Министерства юстиции Российской Федерации в настоящее время уже содержатся различные формы и методические материалы по мониторингу правоприменения. Хотя следует не признать, что этот вариант будет и наиболее ограниченным по своей функциональности[1].

Конечно же, возможно создание самостоятельного комплекса программного обеспечения, единственной целью которого является осуществление правового мониторинга. Но здесь имеются и значительные недостатки, включая большие временные, финансовые и иные затраты, обучение субъектов правового мониторинга всех уров-

[1] URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/formy-i-metodicheskie-materialy/

ней публичной власти. В этом ряду можно назвать и неизбежное увеличение самих информационных систем и программного обеспечения.

Поэтому целесообразно использование имеющихся в настоящее время информационных систем. Здесь уже есть довольно широкий выбор. Например, создание специального раздела на портале «pravo.gov.ru» либо на официальном портале проектов нормативных правовых актов «regulation.gov.ru». Для взаимодействия органов публичной власти в процессе осуществления правового мониторинга следует рассмотреть вопрос об использовании предлагаемой к введению в действие государственной информационной системы «Нормотворчество». В любом случае необходимо будет глубоко интегрировать указанные порталы между собой.

Весьма важным является вопрос непосредственного привлечения самих граждан и институтов гражданского общества к осуществлению правового мониторинга. Если для органов публичной власти вопросы их взаимодействия в процессе проведения мониторинговых исследований в принципе урегулированы, то для граждан, как правило, предусматриваются только общие формулировки их участия в правовом мониторинге, без дальнейшей конкретизации.

Полагаем, что именно в процессе цифровизации осуществления правового мониторинга открываются новые возможности для всех заинтересованных лиц. Прежде всего, это связано с расширением использования информационных технологий для взаимодействия граждан и их институтов в процессе осуществления правового мониторинга.

Интересен здесь опыт Республики Казахстан, где с целью обмена информацией с представителями институтов гражданского общества по вопросам правового мониторинга созданы официальные группы «Правовой мониторинг действующего законодательства» в социальных сетях, мессенджерах[1].

Следует отметить, что и в российских регионах уже предпринимаются попытки указанного взаимодействия. Например, постановлением Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 1 сентября 2016 г. № 819-П «О модуле «Народный мониторинг правоприменения» (далее — постановление № 819-П) утверждено положение о данном модуле, который внедрен на официальном сайте Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО).

---

[1] См.: Тлембаева Ж.У., Калиева А.У. Роль правового мониторинга в правовой системе Казахстана // online.zakon.kz/Document/?doc_id=31730518

Среди целей внедрения модуля указаны: создание открытой модели государственного управления; ориентация органов публичной власти ЯНАО на удовлетворение интересов общества; совершенствование имеющихся и принятие качественных правовых документов; повышение эффективности правотворческой деятельности.

Задачей модуля является выявление и учет мнений граждан о правовом регулировании, осуществляемом органами власти ЯНАО, посредством предоставления им свободного доступа к текстам нормативных документов ЯНАО и возможности оставления комментариев о недостатках действующей нормативно-правовой базы, выявленных гражданами и подлежащих, по их мнению, усовершенствованию.

По сути, сам модуль довольно прост по содержанию и использованию и состоит из собственно текстов нормативных правовых актов ЯНАО и комментариев пользователей. Важно, что в этих комментариях имя пользователя не указывается, доступ к модулю осуществляется без регистрации и авторизации. При этом регламентирован и механизм учета комментариев в деятельности исполнительных органов ЯМАО. Эти органы в течение 15 рабочих дней рассматривают комментарии и в случае необходимости разрабатывают проекты, изменяющие действующие акты.

По данным органов публичной власти ЯНАО использование рассматриваемого модуля дает заметные практические результаты. Например, с его помощью был урегулирован вопрос об усыновлении детей представителями коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни[1].

Однако дальнейшее изучение информации о действии модуля не позволяет сделать однозначный вывод о его высокой эффективности. Так, постановлением № 819-П предусмотрено, что анализ эффективности функционирования модуля, в том числе результатов рассмотрения исполнительными органами ЯНАО комментариев пользователей, размещается в подразделе «Направления деятельности» раздела «Государственно-правовой департамент ЯНАО» на официальном сайте ЯНАО. Между тем в настоящее время в этом подразделе не содержится указанной информации. Более того, все сведено к одному предложению: «По состоянию на 31 декабря 2022 г. все поступившие комментарии рассмотрены»[2]. И только не указаны результаты рассмотрения комментариев, но даже не приведены статистические данные о них, что не соответствует названной выше норме.

---

1 URL: https://www.yamal.kp.ru/online/news/3097214/

2 URL: https://gpd.yanao.ru/activity/37437/

§ 5. ПРЕОДОЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ОШИБОК: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ И ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сложно детерминируемое развитие права отличается многовекторностью, нестабильностью и вариативностью. Оно происходит в рамках диалектического противоречия между случайностями и закономерностями, объективными факторами и субъективными причинами[1].

Одним из факторов, влияющих на процесс конструирования новой правовой реальности как неотъемлемой части реальности социальной, выступают юридические ошибки. Избежать их полностью невозможно, но преодолевать и минимизировать необходимо. Как справедливо отмечает И.Л. Честнов, «ошибки в правотворчестве, как и в любой другой социально значимой деятельности, неизбежны и принципиально неустранимы. Однако это не означает, что наука не должна пытаться их минимизировать»[2].

Деятельность, связанная с преодолением юридических ошибок, должна опираться на соответствующее теоретическое обоснование, а еще лучше — на полноценную теорию юридических ошибок и их преодоления. В настоящее время, несмотря на имеющиеся работы в данной сфере, такой теории не создано.

Подходы к определению юридической ошибки, представленные в отечественной доктрине, различаются в основном в деталях. В то же время их анализ показывает возможность выделить признаки юридической ошибки:

– совершается государственными органами и должностными лицами;

– выступает результатом ненамеренных действий, в ней отсутствует злой умысел;

– влечет неблагоприятные последствия для общества;

– осложняет процесс конструирования правовой реальности.

Юридические ошибки бывают разного рода, они происходят на различных этапах правовой деятельности. Представляется возможным классифицировать юридические ошибки по нескольким основаниям:

---

[1] См.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира. М.: Проспект. 2023. С. 15–16.

[2] Честнов И.Л. Ошибки в правотворчестве в контексте социально-антропологического типа правопонимания // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах. М., 2009. С. 205.

1) по субъекту, совершившему ошибку:

– законодатель;

– правоприменитель (включая судебную);

– правотолкователь (может совершить любой официальный субъект, толкующий право);

2) по характеру ошибки:

– правоинтерпретационные — ошибочное в толкование норм в процессе их применения;

– технико-юридические — неправильное использование способов и приемов юридической техники: грамматические, логические, юридические (избыточная нормативность, коллизии, пробелы);

– познавательные — неверная оценка общественных отношений, выступающих объектом правового регулирования, что ведет к принятию ошибочных правотворческих решений;

– информационные — неверный выбор формы акта и недостаточно убедительное ее обоснование. Например, принятие кодексов на региональном уровне;

– содержательные — недостаточные методы и средства правового воздействия, с помощью которых невозможно достигнуть запланированную цель;

– фактические — неверная оценка юридического факта при правоприменении, например в случае необходимой обороны, и ее отличия от мнимой обороны, от превышения пределов необходимой обороны;

3) по степени юридических последствий:

– влечет юридическую ответственность для совершившего ее, например при применении процессуальных норм.

– не влечет правовых последствий (юридически нейтральная) — в юридической технике, при доктринальном толковании.

Среди всех обозначенных видов, перечень которых не является исчерпывающим и может быть дополнен, особое внимание следует обратить на ошибки правотворческие и правоприменительные.

По мнению В.М. Баранова, высказанному еще в советский период, «правотворческая ошибка — это официально реализованное добросовестное заблуждение, результат неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы или конкретные нормы социалистического правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия»[1].

---

[1] Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 357.

Правотворческие ошибки приводят к созданию и принятию некачественного правового акта, что может негативно повлиять на правоприменение, на общую ситуацию состояния правового регулирования общественных отношений. В отдельных случаях правотворческие ошибки могут иметь глобальный характер, негативно сказаться на развитии общественных отношений в целом. В качестве примера можно назвать акты, с помощью которых в 2005 г. была проведена так называемая монетизация льгот. Непродуманность данного шага и способов реализации его целей привело к социальному кризису, подорвало доверие населения к государству. Эту ошибку можно отнести к числу познавательных, так как правотворческий орган дал неверную оценку тем общественным отношениям, применительно к которым было принято новое регулирование.

Разновидностью правотворческой ошибки можно считать ситуацию, когда региональные органы законодательной власти принимают закон по вопросу, относящемуся к компетенции федеральных органов.

Юридические ошибки в законотворчестве могут быть связаны, например, с криминализацией и декриминализацией определенных деяний, следствием чего может стать исключение ответственности за какое-то социально вредное деяние либо установление ответственности за такие действия, которые объективно не представляют опасности для общества.

Как отмечает Ю.А. Тихомиров, к числу содержательных ошибок можно отнести следующие: «а) неверное установление предмета правового регулирования, б) произвольное определение способов (методов) регулирования, в) неверное закрепление характера и объема полномочий субъектов права, г) несбалансированность норм публичных институтов и правового поведения, д) ошибки в расчетах и обоснованиях, сохранение возможных юридических пробелов, е) недооценка вероятных юридических коллизий, ж) допущение коррупционных проявлений и иных нарушений законности, з) поспешные или запоздалые изменения текстов актов, и) нарушение баланса законов и подзаконных актов, л) ложные юридические образы субъектов права»[1].

Технико-юридические ошибки связаны с неверными способами составления текстов правовых актов, нарушением правил юридической техники. Они приводят к тому, что осложняется правильное понимание, толкование, применение нормативных правовых актов.

---

[1] Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 5–6.

К их числу могут быть отнесены: неверный выбор формы акта, нарушение взаимосвязей между отдельными частями акта, произвольное использование терминологии, неправильное оформление законопроектов, нарушение лингвистических требований и т.д.[1] Более конкретный пример — неверное формулирование наименования нормативного правового акта. Оно должно быть четким, понятным, обозначать предмет правового регулирования, по наименованию правоприменитель должен легко отыскать данный акт в случае необходимости.

Еще одна часто встречающаяся в законотворческой практике ошибка связана с неверным определением сроков вступления законов в силу. Нередко такие сроки устанавливаются без учета общепринятого порядка вступления законов в силу, предусмотренного специальным федеральным законом. Иногда не учитываются положения Бюджетного кодекса РФ, касающиеся законов устанавливающих дополнительные расходы из федерального бюджета, вступающих в силу не ранее следующего финансового года.

Совсем грубой ошибкой можно считать использование терминологии, которая отличается от общепринятой, в том числе неологизмов.

Правоприменительные ошибки встречаются чаще, так как правоприменение — индивидуальный акт, в значительной мере субъективно обусловленный. Общее количество правоприменительных решений существенно выше, чем количество решений правотворческого характера. Нередко их принимает только один субъект. В таких случаях повышается риск субъективной оценки всех обстоятельств дела, интерпретации фактов и норм. Возможность коллективного обсуждения принимаемого решения снижает вероятность ошибки, но не исключает ее полностью.

Усиливает вероятность совершения юридической ошибки такая правоприменительная ситуация, при которой используется аналогия либо возможен выбор правоприменительного решения в рамках установленной вилки.

В отдельных случаях правоприменительная ошибка может быть фатальной. Например, когда суд выносит обвинительный приговор невиновному лицу, неправильно оценив имеющиеся улики, и приговаривает его к смертной казни. Достаточно много случаев в зарубежных странах, в первую очередь в Соединенных Штатах Америки, когда осужденные проводили в тюрьмах по 18–20 лет, ожидая смертной казни, но в силу вновь открывшихся обстоятельств, в том числе

---

[1] Там же. С. 6.

связанных с анализом ДНК, были признаны невиновными и отпущены на свободу[1]. Некоторых ошибочно осужденных успевали казнить.

В целом правоприменительная ошибка может быть охарактеризована как несоответствие между изначальным замыслом законодателя и полученным в процессе правоприменения результатом, который не будет соответствовать общей цели правоприменения.

Таким образом, юридические ошибки влекут неблагоприятные последствия для общества и его правовой сферы, а потому требуют принятия мер, направленных на их преодоление, т.е. на совершенствование правотворчества и правоприменения, в конечном счете — на достижение общих целей правового регулирования, укрепление законности, формирование устойчивого правопорядка.

Преодоление юридических ошибок — это комплексная, системная, постоянно осуществляемая деятельность, которая не может быть ограничена временными рамками из-за постоянного появления новых ошибок. В то же время с помощью указанной деятельности возможно снизить количество возникающих ошибок, а также создать условия для этого.

Способы преодоления юридических ошибок можно условно разделить на общие и специальные. Общие связаны с повышением уровня правовой культуры общества в целом, правовой культуры правотворческой и правоприменительной деятельности. Важную роль здесь играет развитие и совершенствование системы юридического образования, повышение требований к тем лицам, которые профессионально занимаются правотворчеством и правоприменением. Необходимо шире привлекать представителей научного сообщества к подготовке и обсуждению проектов нормативных правовых актов, так как сочетание науки и практики позволит улучшить качество законопроектов и снизить риск возможных ошибок.

Специальные способы преодоления юридических ошибок можно выделять в зависимости от того, на борьбу с какими именно ошибками они направлены.

Преодоление ошибок, совершаемых в правотворчестве, в немалой степени зависит от совершенствования самого механизма правотворческой деятельности. Повышение качества законов благоприятно скажется и на правоприменении, снизит количество ошибок при принятии правоприменительных решений на основе законодательных норм.

---

[1] URL: https://www.planeta-zakona.ru/blog/9-istoriy-nevinno-osuzhdennykh-kak-slozhilas-ikh-sudba.html/

По мнению В.М. Баранова, правотворческая ошибка — не одномоментный, спонтанный акт, это целая цепочка неправильных формализованных решений. В связи с этим важную роль играет профилактика, связанная с выявлением и преодолением ошибок уже на стадии концепции законопроекта. «Выявление ошибочных концепций законопроектов — своего рода «ранняя диагностика» и необходимое условие своевременного предотвращения правотворческих ошибок»[1].

Правовая экспертиза проектов нормативных правовых актов, осуществляемая с привлечением представителей научного и экспертного сообщества, поможет снизить вероятность совершения юридических ошибок, повысить качество подготавливаемых законопроектов, принимаемых законов и подзаконных нормативных актов. В то же время в России отсутствует единое нормативное закрепление основ экспертной деятельности на федеральном уровне, соответственно, нет и единообразных методик проведения экспертизы. В связи с этим заслуживает внимания предложение о разработке и принятии единого федерального закона, предметом которого стали бы правотворческий процесс и в его рамках проведение правотворческой экспертизы. Таким законом мог бы стать федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», проект которого подготовлен Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ[2]. Помимо порядка и правил проведения экспертизы, он установит четкую иерархию правовых актов, приведет в систему требования к ним, будет способствовать повышению качества нормотворческой деятельности.

Большое значение для преодоления юридических ошибок, в том числе технико-юридических, имеет совершенствование самой юридической техники. Предлагается разработать и принять единые правила юридической техники, которые были бы установлены нормативным правовым актом и в силу этого приобрели бы общеобязательность.

Важное значение для минимизации ошибок в правотворческой деятельности может иметь правильное и активное использование юридических технологий, к числу которых относят юридическое прогнозирование, правовой эксперимент, планирование правотвор-

---

1 Баранов В.М. Признаки ошибочности концепции законопроекта // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах. М., 2009. С. 92.

2 См.: Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». 6-е изд. М., 2021.

ческой деятельности, экспертизу проектов нормативных правовых актов, правотворческий краудсорсинг, правовой мониторинг[1].

Снизит количество юридических ошибок в правотворческой деятельности использование юридического прогнозирования, которое «позволяет выявить риски реализации альтернативных вариантов правового регулирования тех или иных общественных отношений, выбрать наиболее перспективный вариант»[2].

Прогнозирование взаимосвязано с планированием. Как отмечал К.В. Агамиров, «юридическое прогнозирование всегда предшествует юридическому планированию. Они различаются по способам оперирования информацией о будущем правовой системы. Прогноз в праве — это вероятностное описание возможного или желательного развития того или иного правового явления или процесса»[3]. Достоверный прогноз позволяет использовать научное предвидение развития общественных отношений для планирования правотворческой деятельности таким образом, чтобы максимально избежать юридических ошибок и их негативных последствий. В условиях цифровизации появилась возможность повысить точность прогнозов за счет использования искусственного интеллекта, который способен обработать и учесть большие объемы данных. Потенциал этой технологии при ее рациональном применении может играть позитивную роль в преодолении юридических ошибок в правотворческой деятельности.

Уберечь от ошибок в правотворчестве помогает использование правового эксперимента. Он дает возможность апробировать предлагаемую правовую модель в ограниченном масштабе, чтобы полученные результаты подтвердили либо опровергли рабочую гипотезу и позволили избежать юридической ошибки. К сожалению, как отмечает Ю.А. Тихомиров, правовые эксперименты, обладая богатым потенциалом, используются довольно редко[4]. В современных условиях «цифровые технологии позволяют проводить правовой эксперимент на основе моделирования, что снижает риски возможного негативного воздействия на реальные общественные отношения»[5].

---

1 См.: Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве. М.: Норма, 2020. С. 44.

2 Там же. С. 46.

3 Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы. М.: Проспект, 2021. С. 66.

4 См.: Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 86.

5 Пашенцев Д.А. Правовой эксперимент в правотворческом процессе в условиях цифровизации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2021. № 1. С. 35.

Эффективным средством преодоления юридических ошибок является правовой мониторинг, который способствует получению необходимой информации о юридических ошибках на основе анализа конкретных правоприменительных решений, обобщения практики. Мониторинг имеет не только ретроспективный, но и перспективный характер, за счет осмысления практики он ориентирован на совершенствование правового регулирования в будущем. Результаты мониторинга позволяют улучшать и законодательство, и практику его применения, выявлять противоречия и пробелы, тем самым преодолевать юридические ошибки.

Снизить вероятность ошибок в правоприменении, которые могут быть связаны как с несовершенством принимаемого законодательства, так и с особенностями функционирования системы правоприменительных органов, а также и с субъективными личностными характеристиками субъектов правоприменительной деятельности, способно официальное толкование нормативных правовых актов. В первую очередь речь идет о судебном толковании, в наибольшей степени ориентированном именно на проблемные вопросы правоприменения. Разъяснения по вопросам судебной практики, которые дают высшие судебные инстанции, ориентируют судей, рассматривающих конкретные дела, на определенный, выверенный и согласованный подход к применению норм права.

Судебное толкование права имеет значение не только для правоприменительной, но и для правотворческой деятельности. Как отмечает Х.И. Гаджиев, «суды отправляют законодателю импульсы на основе естественного отбора, когда фактические обстоятельства конкретных дел и процесс правовой аргументации выявляют те пробелы, недостатки, которые требуют новых законодательных подходов»[1].

Ежедневно сталкиваясь с разнообразными жизненными ситуациями, судьи могут первыми увидеть те или иные конкретные ошибки в законодательстве или сложившейся правоприменительной практике. В связи с этим большое значение приобретает судебная аргументация, которая позволяет правильно и своевременно донести необходимые аргументы до тех органов, которые могут повлиять на ситуацию, отменить или исправить ошибочное решение — как правотворческое, так и правоприменительное.

Играет важную роль и доктринальное толкование, с помощью которого до сведения правоприменителей доводится научно обосно-

---

[1] Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 94.

ванная доктринальная позиция по вопросам применения той или иной конкретной нормы. Поднимать статус такого толкования, повышать роль ученых в процессе созидания правовой реальности — важнейшая задача, непосредственно связанная с преодолением юридических ошибок. В этом отношении может быть полезным опыт тех государств, где юридическая доктрина официально признана источником права.

Таким образом, юридические ошибки — неизбежная часть правовой жизни, сопровождающая процесс созидания новой правовой реальности. Их многообразие, объективная и субъективная обусловленность определяют потребность в комплексном подходе к их преодолению. Важное значение в этом контексте приобретает совершенствование как правотворческой, так и правоприменительной деятельности. Существенную роль может сыграть нормативное закрепление вопросов, связанных с иерархией нормативных правовых актов, с порядком и формами экспертной деятельности, с использованием современных юридических технологий: прогнозирования, моделирования, эксперимента, мониторинга, краудсорсинга и т.д. Представляется, что важное значение для преодоления юридических ошибок может сыграть использование цифровых инструментов, в том числе на стадии подготовки и обсуждения законопроектов, а также для составления правовых моделей, проведения виртуальных правовых экспериментов, анализа результатов правового мониторинга. Также большую роль играет привлечение представителей научного сообщества для осуществления экспертизы проектов нормативных актов, судебного и доктринального толкования. Совокупные усилия помогут минимизировать юридические ошибки и более успешно двигаться по пути созидания новой социальной реальности с помощью правовых средств.

Глава 7
ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ

§ 1. НОВЫЙ КОНЦЕПТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ НАУЧНОГО РАБОТНИКА К ТВОРЦУ НАУКИ

Современный мир выступает перед нами как многогранное явление, в котором соединяются не только различные сферы и виды деятельности, появляются и приобретают свойства объективной реальности идеальные субстанции, материальный мир настолько переплетен с виртуальным, что перетекание сущностей из одного в другой, формирование вследствие этого химер уже не вызывает недоумения.

Если рассматривать состояние обществ с позиций концепции постмодерна, то ее признаками являются «радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще»[1], равные мнения субъектов вместо истины. Вводя в начале 80-х гг. прошлого века термин «постмодернизм» Ж.–Ф. Лиотар[2] понимал под ним скептическое отношение к любым концепциям в духе рационалистических традиций Просвещения (экономические, исторические, социологические и пр.), которые претендуют на объяснительную силу и истинность, т.е. соответствие изучаемой реальности, и которые, как поясняет В.Г. Хорос, исходят из просветительских, эмансипирующих функций научного знания[3].

Проблема постмодерна (с точки зрения правового исследования) состоит в том, что эта идеология допускает «полную индивидуализацию поведения»[4], а значит, ставит под сомнение важность и значимость права как общего универсального регулятора. Поэтому требуется множество толкователей реальности, в том числе правовой, обладающих авторитетом у массового потребителя контента. С точ-

---

1 Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. М., 2011. С. 87.

2 См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. СПб., 1998.

3 См.: Постиндустриальный мир и Россия / отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков М., УРСС, 2001. С. 11.

4 См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 30.

ки зрения достижения оптимального качества толкования его субъектом должно быть лицо, обладающее специальными познаниями, — эксперт, ученый. Владение информацией и знаниями, навыками и умениями как признаками работников интеллектуального труда — гарантии возрастания роли экспертного сообщества, призыв к ученым, которые должны выйти из кабинетов и библиотек и войти в виртуальные сообщества, предъявив научно обоснованный взгляд на мир, призванный вытеснить господствующий там сегодня набор «квазизнаний», тиражирование личного субъективного опыта.

Если обратиться к доктрине постиндустриализма, то следует вспомнить о том, что важнейшими признаками постиндустриального общества Д. Белл определял: 1) рост класса носителей знаний (ученые и инженеры — ключевая группа постиндустриального общества); 2) переход от производства товаров к производству услуг; 3) превращение труда во взаимодействие людей (чиновником с посетителем, врача с пациентом, учителя с учащимися, членов исследовательских групп или работников бригад обслуживания); 4) новая социальная стратификация общества (ситусы[1]); 5) меритократия (власть достойных) и др.

Главным критерием для выделения тех или иных социальных страт программированного общества, по мнению А. Турена[2], является образование и доступ к источникам информации, в силу чего наибольший доступ к властным рычагам должен быть у меритократии — социальной группы, члены которой обладают лучшим образованием и максимальным объемом знаний, добиваются всего благодаря собственным способностям и личным талантам. Интересно, что, по мнению А. Турена, в программированном обществе конфликты возникают не по поводу перераспределения собственности, а за способность инициировать социальные изменения[3].

---

1 Классы и страты — это горизонтальные единицы общества, вступающие друг с другом в отношения превосходства-подчинения. Ситусы (от латинского situ — положение, позиция) — это вертикально расположенные социальные единицы (четыре функциональных ситуса): научный, технический (прикладные профессии: инженеры, экономисты, медики), административный, культурный; пять институциональных ситусов: экономические предприятия, государственные учреждения, университеты и научно-исследовательские центры, социальные комплексы (больницы, центры социальных услуг) и армия.

2 См.: Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П.С. Гурвича. М., 1986. С. 410–530; Его же. Способны ли мы жить вместе? // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 631.

3 См.: Бронзино Л.Ю. «Антисоциология» Алена Турена // Вестник РУДН, сер. Социология, 2008, № 1. С. 87–95.

Постиндустриальное общество является такой социальной организацией, в которой принятие решений становится более осознанным, его значение определяется тем, что оно:

1) укрепляет роль науки и знания как основной институциональной ценности общества;

2) делая процесс принятия решений более техническим, непосредственно вовлекает ученых или экономистов в политический процесс;

3) углубляя тенденции в направлении бюрократизации интеллектуального труда, вызывает к жизни набор ограничителей традиционных определений интеллектуальных интересов и ценностей;

4) создавая и умножая техническую интеллигенцию, поднимает серьезнейший вопрос отношения технического интеллектуала к гуманитарному собрату.

Постиндустриальное общество — основано на «игре между людьми», в которой на фоне машинной технологии возникает технология интеллектуальная, базирующаяся на информации. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория.

Пребывание в ускоряющемся обществе, в котором техническое формирование приводит не к тому, что у людей оказывается больше времени на досуг и безделье, а к непрерывному подхлестыванию (убыстрению) темпа жизни, вновь делает актуальными позабытые идеи о «праве на лень»[1], о возврате к медленной жизни.

Появился даже манифест «За медленную науку», призывающий ученых не торопиться и находить время на то, чтобы думать, читать и делать ошибки[2].

Высказанное в 2016 г. Хироаки Китано предположение о научном потенциале искусственного интеллекта сегодня не только стало объектом многочисленных дискуссий, но и получило в качестве оснований для дальнейших размышлений множество фактических обстоятельств. Ученые[3] отмечают, что искусственный интеллект (ИИ) доказывает известные теоремы и находит новые; более того, ИИ выявил несколько нетривиальных закономерностей, а в физике ней-

---

1 См.: Лафарг П. Право на лень. Религия капитала / пер. с фр. 2017.

2 См.: Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М., 2022. С. 282.

3 См.: Анохин К.В., Новоселов К.С., Смирнов С.К., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 93–105.

росеть влияет на разработку материалов самым прямым образом, становясь конкурентом ученому-физику-человеку. Описывая выявленные им закономерности, ИИ конструирует новый язык простых терминов и уравнений, с помощью которого описание становится понятным людям.

Нейробиологи нас успокаивают[1]: искусственный интеллект станет помощником ученого, но не заменит его, поскольку ИИ никогда не сможет овладеть одним из важнейших методов в арсенале ученого — абдукцией как процессом формирования объяснительных гипотез, логической операцией, следствием которой является появление новых идей.

Несмотря на убеждение ряда авторов[2] в том, что в искусственном интеллекте абдукция сегодня используется предельно широко, полагаем, что интуитивный охват большого количества фактов, с помощью которого в истории и делались самые крупные научные открытия, а также выявление проблем (которым много внимания уделял Энштейн) как методы научного познания не могут быть пока формализованы. Следовательно, именно за человеком, а не за ИИ останется решение самых сложных задач — «это поиск в темноте, интуитивный и трудно формализуемый процесс выявления сути проблемы и алгоритма ее решения»[3].

Отмечаемое в научной литературе[4] разнообразие «видов» и «подвидов» видов и групп научных работников (исследователей), квалифицируемое как весьма спорное[5], присутствует в отечественном законодательстве в связи с отсутствием юридической определенности в отношении главного, базового понятия — «ученый». Местом для закрепления такового, несомненно, должен стать акт системообразующего плана, возглавляющий законодательство Российской Федерации о науке.

---

1 Там же. С. 98–99.

2 См.: Абдукция. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/abduktsiia-70f183.

3 Анохин К.В., Новоселов К.С., Смирнов С.К., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Указ. соч. С. 99.

4 См.: Габов А.В., Путило Н.В., Гутников О.В. Проект федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 385–399; Феномен научного права / Е.В. Семенов, А.А. Васильев, Д. Шпопер и др. Барнаул: Азбука, 2021.

5 См.: Васильев А.А., Путило Н.В. Правовой статус ученого как фактор научно-технологического развития России // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 2. С. 57–74.

В этом качестве может выступать как действующий Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон № 127-ФЗ) (при условии его модернизации и изложении в новой редакции), так и новый федеральный закон в сфере науки, определяющий правовые основы ее функционирования.

На законодательном уровне должны быть отражены и главные юридические параметры ученого как основного субъекта научной деятельности. Первый из них — *осуществление деятельности по созданию и применению научных знаний*.

В рамках трудового законодательства выделяются два таких субъекта: 1) научные работники и 2) педагогические работники[1]. В юридической литературе последних лет предложены новые подходы в отношении существования такой категории субъектов научных правоотношений, как самостоятельные, инициативные исследователи, научная деятельность которых осуществляется без заключения трудового договора или иных соглашений о проведении НИОКТР.

В исследованиях по данному вопросу отмечается, что «вместо «творца науки» мы имеем научного работника, которым может быть лишь физическое лицо, находящееся в юридической связи с той или иной организацией»[2], поэтому важно выделить новый, самостоятельный субъект правоотношений в сфере науки и инноваций — «ученый, ... — физическое лицо, занимающееся деятельностью, квалифицируемой федеральным законом как научная (научно-техническая) деятельность, которое может находиться в формальных отношениях с научной организацией либо инициативно, самостоятельно заниматься научным творчеством, при условии, что научное сообщество признает научный характер (значение) такого творчества»[3].

В этом плане термин «ученый», как представляется, является более удачным, поскольку в реальном мире, свободном от юридических фикций, презумпций и конструкций, создателем научного труда выступает либо конкретный ученый, либо группа конкретных

---

1 См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

2 Габов А.В., Путило Н.В., Гутников О.В. Проект федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 389.

3 Путило Н.В., Шуплецова Ю.И. Правовое регулирование научной деятельности в Российской Федерации: общие тенденции через призму частных проблем // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 1. С. 102.

ученых вне зависимости от привязки к научной или абстрактной организации. Поэтому для подведения итогов научной деятельности (оценки ее результатов) принципиально не имеет значения, существует ли юридическая связь ученого с организацией и какова отраслевая природа этой связи.

Иного, на наш взгляд узкого, подхода придерживается законодатель относительно понятия «научный работник». В статье 4 Закона № 127-ФЗ закреплено легальное определение научного работника: «научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью».

Считаем целесообразным использовать термин «ученый (исследователь)» или «субъект научной деятельности» для того, чтобы охватить максимально широкий круг лиц и видов деятельности в сфере науки. Под определением «ученый (исследователь)» нами понимается физическое лицо, которое занимается научной, научно-технической, научно-педагогической, научно-экспертной и научно-просветительской деятельностью. При этом не имеет значения возраст, статус, связь с трудовыми отношениями. Определяющим, на наш взгляд, выступает сама деятельности в сфере науки и ее творческий характер[1]. В данном случае сложность состоит в подборе перечня нужных критериев, которые бы, с одной стороны, позволяли считать данную работу продуктом творчества конкретного автора, а с другой стороны — подтверждали именно научный характер данного творчества.

Критерием отнесения тех или иных лиц к ученым можно считать наличие *признания результатов труда ученого научным сообществом*. Ранее предлагалось это признание сводить к двум формам: 1) публикация работы в рецензируемом издании или 2) получение патента на изобретения[2]. Считаем, что особой, третьей формой может стать наличие ученой степени и (или) ученого звания, как это предлагается на уровне актов СНГ, где субъекты научной и научно-технической деятельности — физические и юридические лица, осуществляющие научную и научно-техническую деятельность.

---

[1] См.: Соколова Т.В. Научное творчество как вид трудовой функции научных работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 43–45.; Грачев Д.А. Трудовой договор творческих работников исследовательских и технологических организаций: дис. ... канд. юрид. наук, 2017. С. 33–34.

[2] Круглый стол по обсуждению проекта федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» // Управление наукой: теория и практика. Т. 1. № 1. 2019. С. 18.

Модельный закон СНГ[1] о статусе ученого и научного работника (далее — Модельный закон) — единственный документ, дающий определение понятию «ученый» в качестве физического лица (гражданин страны, иностранец или лицо без гражданства), обладающего следующими признаками:

1) наличие ученой степени и (или) научного звания;

2) осуществление профессиональной научной или научно-технической деятельности с целью проведения научных исследований и опытно-экспериментальных разработок;

3) получение признанных научным сообществом научных и (или) научно-технических результатов в определенной области знаний, науки и техники.

Более того, в Модельном законе научный работник рассматривается как ученый, но ввиду того, что он прежде всего сотрудник, работающий в режиме постоянной занятости или совместительства на условиях, установленных трудовым договором (контрактом), должностной инструкцией или квалификационными требованиями, к научному работнику предъявляется меньше требований, чем к ученому[2].

Так, если ученый обязательно должен иметь степень или звание, а также научные результаты, получившие внешнее признание, то научный работник должен иметь лишь соответствующую квалификацию, подтвержденную результатами аттестации[3].

Степень доктора или кандидата наук следует рассматривать не только как «признание «качества» научного сотрудника»[4], но и как признание научного характера деятельности данного лица.

Принадлежность к той или иной профессиональной группе, имеющей особые юридические характеристики, определяется путем либо

---

1 См.: Модельный закон СНГ о статусе ученого и научного работника (принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2008 г. постановлением 31-14 на 31-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43. С. 337–358.

2 Данный вывод представляется дискуссионным ввиду того, что в Модельном законе правовой статус научного работника определен противоречиво: будучи ученым, научный работник должен соответствовать всем признакам ученого и иметь некоторые особенности. Либо же при формулировании понятия «научный работник» должно быть показано, какие признаки ученого к нему не применяются или применяются с оговорками.

3 Согласно ст. 13 Модельного закона к научным работникам относятся лица, которые имеют академическую степень магистра.

4 См.: Шепелев Г.В. Динамика численности кадров науки при переходе от СССР к Российской Федерации // Управление наукой: теория и практика. Т. 2. 2020. № 4. С. 164–187.DOI: 10.19181/smtp.2020.2.4.7.

особых признаков самих лиц, образующих ту или иную группу, либо выявления деятельности, которой данные лица занимаются. Весьма часто происходит сочетание этих подходов, в результате чего принадлежность к группе устанавливается благодаря наличию особых признаков как у лица, так и у его деятельности.

Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 44) гарантирует свободу преподавания и творчества, включая научное и техническое творчество. Однако не всякий итог творчества является научным результатом, который для того, чтобы «быть включенным в корпус научного знания, должен пройти через горнило публичного обсуждения»[1]. Административными эквивалентами публичного обсуждения могут быть рецензирование, экспертная оценка на предмет соответствия требованиям и т.п.

Наличие ученой степени и ученого звания, а также зачисление на должности научных сотрудников являются своеобразными юридическими фактами, поскольку презюмируется, что соответствующие лица выпускают только научную продукцию, любой результат их деятельности в указанных качествах (научный сотрудник, доцент, кандидат наук) является научным результатом. Необходимость и сложность деятельности по отграничению научных результатов от иных конструкции? не раз подтверждались учеными[2], отражались в результатах деятельности специализированных структур (например, комиссия по борьбе с лженаукой и комиссия по противодействию фальсификации научных исследований[3]).

Интерес представляют правовые аспекты создания и функционирования научных коллективов — неформального объединения исследователей в целях совместного проведения научных и научно-технических программ. Такой коллектив ученых не приобретает статуса организации, юридического лица в качестве субъекта права. При этом фактическое объединение интеллектуальных и иных ресурсов приводит к формализации тех или иных аспектов совместной деятельности. Так, законодательство Российской Федерации предусматривает (создание деятельность функционирование?) такие коллективы ученых:

– научные школы;
– временные научные коллективы (научные группы);
– лаборатории.

---

1 См.: Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 11.

2 См.: Thornton S. Karl Popper. The Problem of Demarcation // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2006; Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. 2000. № 1. С. 72–81 и др.

3 URL: http://www.ras.ru/win/db/show_org.asp?P=.oi-2357.ln-ru; http://klnran.ru.

Причем указанные научные коллективы в зависимости от наличия или отсутствия в них иностранных ученых могут быть поделены на:

– национальные научные коллективы;

– международные научные коллективы.

В большинстве современных исследований, посвященных такому феномену, как научная школа, отправной точкой ее формирования признается наличие ученого, обладающего особыми характеристиками: 1) имеет учен(ую)ой степенью доктора наук, работает в конкретной организации, его научно-педагогическая деятельность обеспечивает сохранение лидирующих позиций научной школы[1]; 2) обладает тонким восприятием нового в науке, практике, наделен организаторскими способностями, умеет создать вокруг себя творческий коллектив единомышленников[2] и др.

В значительной части работ, касающихся научных школ в гуманитарных отраслях знаний, научные школы рассматриваются как форма совместной научной деятельности коллектива ученых, объединенных общей программой изысканий для решения задачи воспроизводства знаний и научных кадров, как «объединение исследователей, выполняющее функции продуцирования и распространения новых знаний и обладающее способностью к самовоспроизводству»[3].

Несомненно, научные школы разнообразны, выделяются следующие виды: 1) научно-образовательная школа; 2) школа — исследовательский коллектив; 3) школа — направление (национального или наднационального уровня)[4]. При создании характеристики той или иной научной школы должны учитываться особенности организации науки как особой сферы общества.

Важно, например, иметь в виду, что у науки советского периода был ряд особенностей организационного характера, отличающих ее от европейской науки, где субъектами научной деятельности были исследователи-одиночки[5].

---

1 См.: Ершова И.В., Тарасенко О.А., Филиппович А.А. Научные школы: палитра мнений или единство взглядов? Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 173–188. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.173-188.

2 См.: Кванина В.В. Понятие и признаки научной школы // Вестник Московского университета им. О.Е. Кутафина. 2016. № 11. С. 37–42.

3 Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б. Научная школа как структурная единица научной деятельности. М., 2011. С. 3.

4 См.: Школы в науке: сб. / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штейнера. М., 1977.

5 См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 629, 645,647.

В СССР основными субъектами, обеспечивающими научный результат, были: научный коллектив или научно-исследовательская организация. Подобное понимание отражено и в Законе Азербайджанской Республики от 14 июня 2016 г. № 271-VQ «О науке», где в легальной дефиниции научная школа определяется как субъект научной деятельности со способностью саморазвития, имеющий своеобразные научные взгляды, систему традиций и ценностей, сформировавшиеся в течение длительного периода, создающий, распространяющий, передающий и применяющий новые знания по определенному направлению науки, известный своими основателями и последователями.

Социальный статус ученого (и отражение его в законодательстве) является одной из серьезных проблем, встающих не только перед Россией и не только перед такими сферами, как экономика и организация науки. Как указывал академик В.С. Степин, проблема возникла на рубеже веков в самом обществе: в потребительском обществе, в котором деньги можно заработать довольно легко, выбирая любую деятельностью, кроме научной, которая невыгодна. Люди, занимающиеся ею, выпадают из сферы развлечений. Наука требует колоссального самоограничения, но не приносит доходов, сопоставимых с доходами от более легких, малообременительных для людей видов деятельности, поэтому наука не считается ныне привлекательной[1].

Представляется практически бесспорным, что успешное научно-технологическое развитие возможно при условии повышения правового и социального статуса ученого, а отправной точкой этих процессов должно стать законодательное внедрение термина «ученый» для обозначения той категории граждан, которая в эпоху знаний становится основной производительной силой общества.

Уже в конце 1960-х гг. в научных исследованиях Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (тогда — ВНИИСЗ) обособлялось в самостоятельный блок законодательство о научно-техническом прогрессе[2]. Работы того периода (далее — Институт) имели не только глобальный характер[3], охватывая весь круг организационно-правовых проблем

---

1 См.: Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. 2000. № 1. С. 72–81.

2 См.: Дозорцев В.А. Правовые проблемы экономического стимулирования изобретательства и законодательство о научно-техническом прогрессе»: дис. ... д-ра юрид. наук.

3 См.: Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс. М., 1978; Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986.

научно-технического прогресса, но и касались его отдельных аспектов[1].

В итоге названные проблемы (неопределенность результата научных исследований, особенно в области фундаментальных наук; сверх свобода творчества участников научного процесса; невозможность планирования научных открытий[2]; необходимость привлечения ученых[3] (объекта управления) к процессу управления; вероятностный характер научно-исследовательских работ и невозможность нормирования научно-исследовательского труда по аналогии с нормированием в промышленном производстве[4]; ошибка отождествления административного управления наукой с научным руководством как специфическим явлением[5]) остаются актуальными и сегодня, свидетельствуют о значимости института научной экспертизы и демонстрируют правильность сохранения данной тематики исследований и в настоящее время[6]. Особо следует отметить вклад специалистов Института в выявление специфики актов, регулирующих сферу науки, включая акты технико-юридического характера[7], программы и планы в области науки[8]. Предложена следующая классификация результатов научно-технической деятельности: 1) технические устройства, приборы, инструменты, оборудование, материалы; 2) документы, методики, пособия; 3) профессиональные знания должностных лиц, экспертов, специалистов[9].

---

1 См.: Казьмин И.Ф. Научно-технический прогресс и применение законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1984. Вып. 27. С. 27–39.

2 См.: Маевский С.А. С. 71.

3 Там же. С. 72.

4 См.: Журавлев Н.В. Совершенствование системы оплаты труда научных работников (правовой аспект). В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 21. М., 1981. С. 139–148.

5 См.: Маевский С.А. Ук. соч. С. 78.

6 См.: Путило Н.В. Научная (научно-техническая экспертиза): сравнительный анализ правового регулирования в странах СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. №4 (35). С. 19–26;

7 См.: Тузов Н.А. Ускорение научно-технического прогресса и технико-юридические акты. В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 28. 1984. С. 147–160.

8 См.: Ноздрачев А.Ф. Правовые аспекты адресных плановых документов по решению научно-технических проблем. В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 34. 1986. С. 58–69.

9 См.: Казьмин И.Ф. Научно-технический прогресс и применение законодательства. В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1984. Вып. 27. С. 27–39.

Представляется, что выводы Института относительно того, что для полноценного управления наукой требуется переход от «оперативного распорядительства к нормативному регулированию и координации»[1], что акцент должен быть сделан на методическом руководстве, а «не на принятии решений по конкретным фактам и обстоятельствам»[2], во многом объясняли и расширяли возможности разрастания нормативного правового регулирования в данной сфере, появления законодательного регулирования и увеличения числа подобных актов.

Весьма важные предложения с точки зрения разработки системы мер социальной защиты были сделаны в отношении ученых, занимающихся научной деятельностью после их выхода на пенсию. Так, по мнению Е.И. Астрахана[3], «очевидна и бесспорна целесообразность введения правового института научных работников-консультантов», которые обладают высокой научной квалификацией, но в силу возраста или состояния здоровья уже не могут нести полную трудовую нагрузку. В настоящее время специально для этих ученых учреждены должности научных руководителей образовательных и научных организаций, руководителей научных направлений и т.п., указанная идея получила развитие в научной доктрине, в концепциях научного наставничества как института, обеспечивающего не только» последовательную передачу знаний, умений и профессиональных компетенций от научного руководителя (наставника) к ученику, но и поведенческий паттерн»[4].

Развитие науки в любом государстве невозможно без создания таких условий деятельности, при которых потенциал каждого ученого, исследователя, научного коллектива и каждой научной организации будет максимально реализован. Задача юридической науки — предусмотреть и нормативно закрепить надлежащий комплекс прав и обязанностей субъектов научной деятельности, соответствующих гарантий и механизмов их деятельности с учетом исторических традиций и особенностей, а также целей и задач, стоящих перед наукой России.

---

1 См.: Тихомиров Ю.А. Развитие функции управленческих органов // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 28.

2 См.: Маевский С.А. Указ. соч. С. 77.

3 См.: Астрахан Е.И. Пенсионное обеспечение работников науки / Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды 1. М., 1974. С. 98–112.

4 Волкова Н.С., Путило Н.В., Аксу Э. О правовом положении молодых ученых и начинающих исследователей: российский и зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 6. 2022. С. 118–127.

Правовой статус физического лица как субъекта научной деятельности стал объектом внимания и получил законодательное закрепление в принятой Всемирной федерацией научных работников Хартии научных работников (1948 г.) и Декларации прав научных работников (1969 г.), на основе которых ЮНЕСКО в 1974 г. были разработаны и приняты Рекомендации о статусе научных работников[1]. К числу базовых положений, на основе которых рекомендуется строить научную деятельность в странах — участниках ООН, следует отнести и предложенный статус научно-исследовательских работников в качестве «предоставляемого им места в обществе и проявляемой о них заботы», в виде, во-первых, определения обязанностей и ответственности, присущих научно-исследовательской деятельности, компетентности научно-исследовательских работников и, во-вторых, установления прав, условий работы, материальной помощи и моральной поддержки при выполнении своих задач.

Важным средством, позволяющим повысить социальный статус ученого, решить проблему привлечения молодежи в науку, должно стать совершенствование механизма признания, стимулирования и поощрения научного творчества в глобальном понимании этой системы, в которой одним из элементов является оценка эффективности научной деятельности.

Начало и главный вектор для осуществления данного процесса уже заложены: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» дополнил Конституцию РФ рядом принципиальных положений в части науки. К их числу следует отнести предписания ст. 71 Конституции Российской Федерации об отнесении к ведению Российской Федерации деятельности по установлению основ федеральной политики и принятию федеральных программ в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации и новое полномочие Правительства РФ по обеспечению государственной поддержки научно-технологического развития Российской Федерации, сохранению и развитию ее научного потенциала, закрепленное в ст. 114 Конституции РФ.

---

[1] Рекомендация принята в г. Париже 20 ноября 1974 г. на 18-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М.: Международные отношения, 1991. С. 199–213.

Включение в Конституцию РФ указанных норм в не только усилило данный регуляторный блок, но и четко определило преемственность традиций советской науки, которая являясь подлинным локомотивом развития государства, а государство было обязано в соответствии с потребностями общества обеспечивать ее планомерное развитие и подготовку научных кадров, организовывать внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни[1].

Перед Российской Федерацией стоит задача превратить отечественную науку в одну из самых мощных и эффективных в мире, чтобы ее использование дало нашим гражданам серьезные преимущества в ситуациях глобальных эпидемий, военных и экологических катастроф, природных катаклизмов, цифровых манипуляций, избежать которых, как показывает новейшая история, не сможет ни одно государство в мире.

Право — это лишь форма общественных отношений, но от того, насколько сбалансированы правовые нормы и институты, насколько одни его нормы скоррелированы с другими нормами и институтами, насколько правовые средства соответствуют практическим целям, зависит эффективность государственной политики в сфере науки и технологий.

Правовая политика современного российского государства характеризуется тем, что постоянно совершенствуется, укрепляется законодательная база научной деятельности. Направлениями, для которых свойственна высокая динамика изменений, являются не только права и обязанности субъектов науки, система критериев оценки научной деятельности, и механизм этой оценки, но и правовой статус физических лиц — субъектов научной деятельности.

§ 2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУКИ

Значение науки в современном мире сложно переоценить — она превращается во все более важный сегмент современной экономики, неотъемлемую часть, атрибут повседневной жизни. Несмотря на это,

---

[1] Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. С. 58–59.

текущее состояние правовой основы научной деятельности нельзя назвать удовлетворительным. Законодательный акт, который должен был стать системообразующим, — Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон № 127-ФЗ) — изначально содержал чрезмерно большое количество декларативных норм. За годы, прошедшие с момента вступления Закона в силу, в него была внесена масса изменений, вследствие чего устанавливаемое им правовое регулирование науки утратило логичность и эффективность. Кроме того, принято много законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих различные аспекты научной, научно-технической и инновационной деятельности, положения которых не согласуются с принципами и нормами, установленными Законом № 127-ФЗ. Это свидетельствует о необходимости существенной корректировки правовых основ научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Первый шаг на этом пути был сделан в ходе конституционной реформы 2020 г., по итогам которой развитие российской науки получило конституционную поддержку в виде четырех статей Конституции, чего не было даже в советский период, когда наука служила подлинным локомотивом развития государства. Однако потенциал этих конституционных норм реализуется не в полной мере — за более чем три года, прошедших с момента вступления в силу Закона № 127-ФЗ в целях реализации конституционных новелл, формирующих конституционно-правовой базис российской науки, разработано и представлено в Государственную Думу РФ только 10 законопроектов. Причем бóльшая часть этих законопроектов вносит в систему правового регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности лишь «косметические» изменения, не отвечая масштабу ни конституционной реформы, ни вызовам, которые стоят сегодня перед российской наукой.

Говоря о вызовах, следует отметить, что особенности современного этапа развития различных сфер жизни человеческого общества определяются в основном следующими факторами:

– изменение динамики и направленности глобализационных процессов;

– укоренение в общественном сознании обществ, относимых к техногенному типу цивилизационного развития, парадигмы постмодернизма;

– формирование нового технологического уклада. В настоящее время в основе этого процесса лежит интенсивное развитие инфор-

мационно-коммуникационных и цифровых технологий, которые все более активно внедряются в жизнь каждого человека. Однако не менее активно, хотя и с определенным «лагом», развиваются и так называемые конвергентные технологии, к которым относятся также нанотехнология, биотехнология и генная инженерия, когнитивные науки, социогуманитарное знание.

Сочетание указанных факторов предопределяет необходимость формирования законодательных механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической и инновационной деятельности с мерами промышленной, экономической и социальной политики и готовность Российской Федерации к большим вызовам и порождаемым этими вызовами угрозам. Одновременно указанные механизмы должны максимально усилить положительное воздействие названных факторов на российскую науку и свести к минимуму влияние факторов отрицательных.

По нашему мнению, совершенствование правового регулирования российской науки в этих условиях должно включать в себя:

– разработку и принятие нового законодательного акта, который определит правовые основы реализации государственной политики в области научно-технологического и инновационного развития при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности, заменив тем самым Закон № 127-ФЗ, и будет регулировать отношения, возникающие между физическими и юридическими лицами, органами государственной власти, органами местного самоуправления в указанной сфере;

– приведение законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты общественных отношений в сфере науки и инноваций, в соответствие с новым законом о науке;

– сопряжение научной, научно-технической и инновационной деятельности и деятельности в области стратегического планирования.

При этом приоритетными направлениями развития законодательства в рассматриваемой сфере должны стать[1]:

1) совершенствование правового статуса субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности, что предполагает:

а) реализацию нового концепта правового регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности, о котором

---

[1] Подробнее об этом см.: Хабриева Т.Я., Лукьянова В.Ю. Развитие законодательства о науке / Научные концепции развития российского законодательства: монография. 8-е изд. / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; ИЗиСП. М., 2024. С. 309–323.

речь шла в начале настоящей главы. Сегодня перед российским государством стоит задача сформировать законодательное поле, позволяющее наилучшим образом реализовать право человека заниматься научным и техническим творчеством, обеспечить эффективную государственную поддержку творческих людей. Для ее решения требуется законодательное закрепление:

– критериев, позволяющих разграничить между собой лиц, занимающихся научным и (или) научно-техническим творчеством, ученых, исследователей и научных работников, критериев выделения в рамках каждой из таких категорий отдельных подкатегорий, а также критериев и процедур перевода лица из одной категории (подкатегории) в другую;

– прав и обязанностей лиц, относимых к каждой из названных категорий;

б) совершенствование правового статуса научных организаций и иных «коллективных субъектов», осуществляющих научную, научно-техническую и инновационную деятельность, включая закрепление механизма создания консорциумов в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, иных форм объединения субъектов такой деятельности, а также их (объединений) особенностей;

в) оптимизацию системы (в том числе критериев) оценки эффективности и результативности научной, научно-технической и инновационной деятельности, осуществляемой физическими и юридическими лицами. При построении данной системы необходимо: совершить переход от реализации подходов, названных видным российским социологом М.К. Горшковым «культурным колониализмом»[1], к «национализации» российской науки, а также отказ от чрезмерной ориентированности на формальные, наукометрические показатели и повысить дифференцированность системы определения вклада ученого и научной организации в научно-технологическое развитие страны;

г) установление системы государственных гарантий субъектам научной, научно-технической и инновационной деятельности;

2) развитие инфраструктуры научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также укрепление правового режима

---

[1] См.: Горшков М.К. О критериях оценки результативности деятельности научных организаций и ученых в области общественных наук / М.К. Горшков, М.Ф. Черныш // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. С. 667.

отдельных ее объектов. Дальнейшее совершенствование законодательства о науке предполагает:

а) закрепление общих подходов к пониманию научной инфраструктуры;

б) определение перечня объектов (категорий объектов), образующих научную инфраструктуру (инфраструктуру науки);

в) установление особенностей правового режима объектов (категорий объектов), образующих научную инфраструктуру (инфраструктуру науки);

г) укрепление правового режима территорий развития научной, научно-технической и инновационной деятельности;

3) совершенствование правового регулирования отдельных видов деятельности в сфере науки;

4) усиление правового регулирования отдельных направлений научных исследований;

5) укрепление регионального научно-технического развития страны, что предполагает совершенствование:

а) разграничения полномочий органов публичной власти различных территориальных уровней;

б) правового режима территорий с особым режимом осуществления научной деятельности, включая наукограды, которые должны рассматриваться одновременно и как инструмент повышения интенсивности социально-экономического развития соответствующей территории, и как инструмент сглаживания дифференциации регионов Российской Федерации по уровню научно-технологического развития;

6) совершенствование правовых основ, в том числе основных принципов международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в сфере науки.

Ярким примером актуальности для Российской Федерации проблемы приведения законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты общественных отношений в сфере науки и инноваций, в соответствие с новым законом о науке является законодательство о территориях с особым режимом осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности. Как известно, в настоящее время в стране существует большое число законодательных актов, предусматривающих создание различных территорий с особым режимом осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности. В числе таких территорий — особые экономические зоны технико-внедренческого типа[1],

[1] См.: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.

инновационные научно-технологические центры[1], кластеры[2], наукограды[3] и др.

Первым шагом на пути поиска оптимальной правовой модели территорий с высокой концентрацией научно-технологического и интеллектуального потенциала, как представляется, должны стать всестороннее изучение практики функционирования различных территорий с особым режимом осуществления экономической, в том числе научной, деятельности, созданных на основе различных законодательных актов и вследствие этого базирующихся на различных принципах, и мониторинг применения соответствующих законодательных актов. Результат данного мониторинга — подготовка предложений по унификации законодательства, предусматривающего создание указанных территорий, что может послужить основой перспективного направления модернизации их правового статуса и снижения уровня фрагментированности единого научного и правового пространства страны.

Важнейшим направлением правового регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности является сопряжение научной деятельности и деятельности в области стратегического планирования Российской Федерации. Его значимость объясняется тем, что, с одной стороны, государство, разрабатывая документы стратегического планирования в сфере науки, задает направленность развитию научной деятельности и определяет динамику совершенствования отдельных течений научных исследований.

---

1 См.: Федеральные законы от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4765; от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» // СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 4970; от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ «О Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5220; постановления Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2133 «О создании инновационного научно-технологического центра «Квантовая» долина» // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. II). Ст. 8318; от 24 декабря 2019 г. № 1805 «О создании инновационного научно-технологического центра «Долина Менделеева» // СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. II). Ст. 8030 и др.

2 См.: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3951; Указ Президента Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 672 «О создании на территории г. Москвы инновационного кластера» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7582.

3 См.: Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 15. Ст. 1750.

С другой стороны, динамика и направленность научной деятельности, воплощение научных открытий в технологиях в известной мере предопределяют динамику и направленность процессов социально-экономического развития страны, что должно быть отражено в документах стратегического планирования. Кроме того, стратегическое планирование, чья значимость сегодня недооценена и может быть существенно повышена, позволяет:

– проводить качественный и количественный анализ объективных процессов развития хозяйственного комплекса страны и социальной, если не сказать социокультурной, среды, в которой этот комплекс функционирует;

– взвешивать сложившиеся тенденции общественного воспроизводства в ретроспективном периоде и вероятности их проявления в периоде перспективном, выявляя при этом узкие места и возможные точки роста;

– и уже на этой основе определять возможные альтернативы социально-экономического развития страны в перспективе, обосновывать цели и задачи экономической, социальной и бюджетной политики, и необходимость принятия тех или иных экономических, управленческих, законодательных решений для реализации желаемого варианта развития и др.

Как известно, институт планирования имеет в нашей стране довольно длительную историю. Так, в Советском Союзе уже в первые годы Советской власти широко использовались всеобщий учет и контроль, которые некоторые исследователи[1] называют исходной формой планирования, прото-планированием. В 20-е годы XX в. на смену прото-планированию пришла система косвенного селективного регулирования экономики, ключевыми элементами которой являлись:

– кратко- и долгосрочные прогнозы развития народного хозяйства;

– система плановых документов, в составе которой выделялись генеральный, перспективный пятилетний и краткосрочный (сроком на 1 год), включавший в себя индикативные параметры ожидаемого развития для важнейших предприятий государственного сектора, конкурировавшего тогда с частным, планы: «генеральный план как основа, перспективный план как первое уточнение, контрольные цифры как вполне конкретизированный годовой отрезок генеральной

[1] См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс) // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 1. С. 17.

перспективы»[1]. При этом исследователями постулировалось, что план, который «должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости»[2], — это «не только генетическое исследование, но и телеологическая конструкция, не только учет объективных возможностей, но и система мероприятий, потребных для оптимального использования этих возможностей»[3]. В условиях присутствия в экономике СССР в период новой экономической политики (НЭПа) предприятий различных форм собственности такая система предусматривала «селективное регулирование государственного и частного секторов при помощи дифференцированных налогов, кредитов, государственных закупок, инвестиций и др.»[4];

– планы и программы экономического развития важнейших сфер жизни общества.

Безусловно, наиболее известным опытом планирования стали разработка и утверждение в декабре 1920 г. Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО) Государственного плана электрификации РСФСР — первого перспективного плана развития экономики, принятого и реализованного в России после революции[5].

По мере перехода от НЭПа к политике ограничения и вытеснения частного капитала на смену косвенным регуляторам и индикативным планам периода НЭПа пришли сталинские пятилетки, в рамках которых главные пропорции и направленность развития советской экономики стали все больше определяться директивными (имеющими силу обязательного для применения и исполнения закона), перспективными, годовыми и квартальными планами, разрабатываемыми единым планирующим органом — Государственной плановой комиссией при Совете народных комиссаров Союза ССР (Госпланом СССР) — на основе плановых документов, составляемых наркоматами, ведомствами Союза ССР и союзными республиками. При этом основной упор делался на командные и административные методы регулирования экономических отношений. «Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для ру-

---

1 Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9.

2 Базаров В.А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 38.

3 Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов.

4 Бузгалин А.В., Колганов А.И. Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс).

5 См.: История ГОЭЛРО. Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. URL: https://minenergo.gov.ru/node/3039

ководящих органов и которые определяют направление хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны»[1], — звучало неоднократно с партийных и советских трибун. При этом и органы общей компетенции (Правительство СССР, правительства союзных республик, исполкомы местных Советов), и отраслевые органы управления нередко прибегали к методам непосредственного управления предприятиями, объединениями и другими подчиненными объектами, перераспределяя их ресурсы, устанавливая «твердые задания каждому заводу и колхозу, что именно они должны дать и в какие сроки»[2]. Также применялись меры экономического стимулирования: поощрительные расценки оплаты труда, заготовительные цены и т.п.

Подверглось корректировке и понимание целеустанавливающей направленности народнохозяйственного планирования: постулировалось, что оно может дать требуемый эффект лишь в том случае, если известно, во имя какой задачи совершается плановое развитие народного хозяйства, «если оно сообразуется во всем с требованиями основного экономического закона социализма»[3]. Иначе говоря, наиболее общая, «генеральная» цель, которая должна быть достигнута в результате выполнения директивных планов, не столько предопределялась логикой (генетикой) развития отдельных отраслей и советской экономики в целом, сколько задавалась извне, партийными и советскими органами. В свою очередь, народнохозяйственное планирование решало «чисто прикладные вопросы хозяйственной политики, необходимой для активного преодоления всех препятствий, стоящих на пути к намеченной цели»[4].

Важнейшей задачей Госплана СССР в этот период было провозглашено «обеспечение в плане народного хозяйства Союза ССР правильных соотношений в развитии различных отраслей»[5], для чего необходимо было обеспечить сбалансированность:

---

1 Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. 1949. С. 327.

2 Струмилин С.Г. Планирование в СССР. М.: Госполитиздат. 1957. С. 50–51.

3 См.: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР / предисл. Г.Г. Малинецкого. М.: ЛЕНАНД. 2020. С. 105. При этом суть основного экономического закона социализма формулировалась следующим образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

4 Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 21.

5 См.: Положение о Государственной плановой комиссии при Совете народных комиссаров Союза ССР. Утверждено постановлением СНК СССР от 2 февраля 1938 г. № 107 // СП СССР. 1938. № 7. Ст. 41.

– работы смежных отраслей социалистического производства;

– добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и индустрии, транспорта и народного хозяйства;

– роста производства и потребления;

– финансирования производства и его материального обеспечения;

– районного размещения предприятий, исходя из необходимости ликвидации дальних и встречных перевозок, приближения предприятий к источникам сырья и районам потребления их продукции.

В целом можно констатировать, что с первых лет советской власти народнохозяйственное планирование в СССР рассматривалось как один из важнейших методов организации экономической политики советского государства, метод столь значимый, что он получил закрепление в Конституции СССР. И если Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик[1], утвержденный ЦИК СССР 6 июля 1923 г., лишь отнес «установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза» к предметам ведения Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов, то Конституция (Основной Закон) СССР 1936 года[2] рассматривала народнохозяйственное планирование как один из краеугольных камней, на которых строится общественное устройство советского государства. «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности», — гласила ст. 11 документа.

Еще более детально регламентировала вопросы народно-хозяйственного планирования Конституция СССР 1977 года[3]. В частности, ст. 16 Основного Закона Союза ССР устанавливала, что «руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций». Однако закре-

---

1 Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 2. Ст. 45.

2 См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 декабря.

3 См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята ВС СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

плением этого принципа конституционно-правовое регулирование народно-хозяйственного планирования не ограничивалось — Конституция СССР 1977 г. регламентировала вопросы участия в плановой деятельности органов государственной власти Союза ССР, союзных республик, местных органов государственной власти и управления, гарантировала право на участие в планировании производства и социального развития профессиональных союзов, ВЛКСМ, кооперативных и общественных организаций, трудовых коллективов, отдельных граждан (ст. 8 Основного Закона). Согласно ст. 108 Конституции СССР при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета Советы народных депутатов разного уровня должны были рассматривать и учитывать, кроме прочего, наказы избирателей, а потом — информировать граждан о реализации этих наказов и включивших их планов. Закреплялись ею и предпосылки (экономические, политические, организационные, правовые), и гарантии планирования.

Обобщая приведенные конституционные нормы, положения иных нормативных правовых актов и юридических документов, регламентирующих плановую деятельность, а также существовавшую в разные периоды в СССР практику народно-хозяйственного планирования, ученые отмечали:

– в рамках системы директивного народно-хозяйственного планирования каждый акт плановой деятельности осуществлялся субъектом плановой деятельности не изолированно, а в единстве и во взаимодействии с иными субъектами такой деятельности, прежде всего с государственными органами;

– «сущность планирования ... заключалась в определении целей, направлений пропорций, темпов и конкретных задач экономического и социального развития, мер выполнения этих задач, эффективных путей и средств их достижения *на основе научных принципов управления социалистической экономикой*»[1] (выделено нами — В.Л.).

Советская правовая наука[2] и практика правотворчества неоднократно обращались к проблеме гетерохронности процессов научно-технологического и социально-экономического развития. Один из путей элиминации негативного влияния этой проблемы на научно-техническое, экономическое и социальное развитие страны был предложен советским законодательством: в соответствии с постанов-

---

[1] Ноздрачев А.Ф. Государственное планирование и правовое регулирование. М.: Экономика. 1982. С 16.

[2] См.: Ноздрачев А.Ф. Указ. соч.; Право и социальное планирование. М.: Юридическая литература. 1981.

лением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»[1] разработке документов народно-хозяйственного планирования (например, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 10 лет (по пятилетиям)) предшествовала разработка Академией наук СССР совместно с ГКНТ СССР по науке и технике и Госстроем СССР Комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет (по пятилетиям). Документом особо оговаривался временной сдвиг в разработке и реализации Комплексной программы и иных плановых документов: Программа должна была представляться Академией наук СССР в Совет Министров СССР и Госплан СССР не позднее чем за два года до очередной пятилетки.

В процессе перехода «от построения развитого социализма к капитализму» система планирования и прогнозирования хозяйственной и иной, в том числе научной, деятельности в стране претерпела существенные трансформации. Изменился, утратив научные основы, подход к установлению целевых ориентиров социально-экономического развития. Народно-хозяйственное планирование было заменено разработкой государственных прогнозов и программно-целевым принципом управления. При этом горизонт прогнозирования существенно сузился. Если до 1990 г. система научно-проектного обоснования экономического и социального развития в России включала в себя не только пятилетние планы, но и иные документы, разрабатываемые в течение 15–20 лет *(например, схемы развития и размещения производительных сил 10 экономических районов и шести территориально-производственных комплексов, территориальный разрез комплексной программы научно-технического прогресса, схемы систем расселения),* то в 1990–2000 гг. эта система очень упростилась. Согласно Федеральному закону от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»[2] (далее — Закон № 115-ФЗ) система государственных прогнозов включала в себя прогнозы на долгосрочную (на 10-летний период), среднесрочную (три–пять лет) и краткосрочную (один год) перспективу.

При столь узком горизонте прогнозирования, как он был определен Законом № 115-ФЗ, эффективно могли решаться задачи только тактического плана. Оно не выполняло своей основной функции —

---

1 СП СССР. 1979. № 18. Ст. 118.

2 СЗ РФ. 1994. № 34. Ст. 3540.

определения государством желательных параметров экономического развития в сколько-нибудь длительной перспективе, что препятствовало решению стратегических задач перехода к инновационному социально ориентированному типу развития.

При этом нормы Закона № 115-ФЗ описывали только самые общие вопросы разработки на федеральном уровне программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу. Вопросы комплексного планирования на иных уровнях, кроме федерального, т.е. на региональном и муниципальном, в нем не затрагивались, как не рассматривались вопросы развития науки, научно-технической, инновационной деятельности. Очевидно, что в этих условиях говорить о решении проблем универсального управленческого характера, имеющих отношение в равной степени к разным отраслям российской экономики, не приходилось.

Таким образом, Закон № 115-ФЗ не выполнял функцию законодательного акта, комплексно регулирующего систему прогнозирования социально-экономического развития страны.

Ситуация существенно изменилась в лучшую сторону после принятия Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Закон № 172-ФЗ), который установил механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования при осуществлении разработки и реализации программных и прогнозных документов федерального, регионального и локального уровня, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения. В отличие от Закона № 115-ФЗ им предусмотрена разработка двух документов стратегического планирования федерального уровня в сфере научно-технологического развития — Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации (далее — Стратегия и Прогноз), а также отраслевых документов стратегического планирования в области научно-технологического развития, разрабатываемых в рамках целеполагания, государственных программ Российской Федерации и государственных программ субъектов Российской Федерации.

Однако нормы Закона № 179-ФЗ не учитывают гетерохронность процессов научно-технологического и социально-экономического развития. Поэтому разрабатываемые в соответствии с требованиями

этого Федерального закона Стратегия и Прогноз носят, если можно так выразиться, подчиненный, вторичный характер по отношению документам стратегического планирования социально-экономического развития страны. Об этом свидетельствуют, в частности, положения п. 4 Правил разработки и корректировки Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и Правил мониторинга реализации Стратегии научно-технического развития Российской Федерации[1], согласно которым основанием для корректировки данной Стратегии являются утверждение и (или) корректировка стратегического прогноза Российской Федерации, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации и (или) прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период. Однако в условиях чрезвычайной интенсификации процессов повсеместного распространения цифровых технологий, наблюдаемой в последние годы, повышения скорости разворачивания научно-технической революции, новых технологий последовательность в ряде случаев должна быть обратной: обусловленное зарождением и развитием новых технологий, выявлением возможных высокотехнологичных точек роста экономики, изменением прогноза научно-технологического развития страны, прогноза развития отечественной и мировой науки и, как следствие, корректировкой Стратегии научно-технологического развития может повлечь за собой изменение прогноза и стратегии социально-экономического развития страны. В этих условиях представляется целесообразным более детально изучить советский опыт правового регулирования вопросов, касающихся согласования процессов разработки и реализации документов народно-хозяйственного планирования в сфере социально-экономического и научно-технического развития и на этой основе внести корректировки в положения Закона № 172-ФЗ, устранив подчиненное положение документов стратегического планирования в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности. Такое смещение акцентов позволит перейти от ориентированности программных и прогнозных документов на решение текущих задач к построению экономики, отвечающей новому технологическому этапу, на прочной научной осно-

[1] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2018 г. № 421 «Об утверждении Правил разработки и корректировки Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и Правил мониторинга реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 16 (Ч. II). Ст. 2375.

ве, а также будет способствовать выявлению новых возможных точек роста.

Такие изменения означают расширение горизонта прогнозирования и программно-целевого планирования, повышение приоритета среднесрочных и долгосрочных целей развития, разработки соответствующих методов их достижения. Иначе говоря, для того чтобы в условиях перехода к новому технологическому укладу (если не к новому типу цивилизационного развития) повысить эффективность управления социально-экономическим развитием страны, необходимо учитывать не только сиюминутные, но и отдаленные последствия реализации тех или иных управленческих решений, а также возможности появления новых трендов и приоритетов в развитии науки и технологий. Это, в свою очередь, требует значительных усилий в разработке среднесрочных и краткосрочных прогнозов. При этом основным их содержанием должны стать определение главных направлений научно-технического развития, а также вариантная проработка состояния различных отраслей промышленности и экономики в целом в зависимости от реализации тех или иных проектов, развития научно-технологического и инновационного комплекса.

По мере приближения горизонта прогнозирования сам прогноз должен приобретать все более конструктивные черты с выдвижением конкретных задач в области научно-технологического развития, совершенствования законодательной и нормативной базы, осуществления институциональных преобразований, оказания государственной поддержки развитию определенных направлений научных исследований. В процессе решения текущих задач и достижения целей, поставленных на краткосрочную перспективу, будут открываться новые, ранее неучтенные возможности. Поэтому процесс планирования и прогнозирования должен иметь перманентный характер с внесением дополнений в ранее составленные прогнозы и с отнесением горизонта прогнозирования. И осуществляться он должен с участием всех заинтересованных сторон — и государства, и ученых, и деловых кругов.

Названные меры позволят повысить эффективность процесса превращения российской науки в локомотив социально-экономического развития страны.

Глава 8
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАК СРЕДСТВО И РЕЗУЛЬТАТ СОЗИДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ. ЭВОЛЮТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Правовая система является одной из фундаментальных основ человеческого общества. На протяжении всей истории правовая система развивалась и трансформировалась, отражая изменения в социальных нормах, политических, экономических и технологических процессах. С древних времен до наших дней правовая система как сложноструктурированное явление постоянно претерпевала преобразования, которые в целом можно охарактеризовать в качестве эволюционных, соответствующих общим признакам эволюции систем.

Правовая система наиболее отчетливо иллюстрирует созидательное начало права, когда волевые и интеллектуальные усилия направляются на формирование четких, непротиворечивых регуляторных механизмов, позволяющих повышать уровень жизни и организации в обществе. В построении и развитии правовой системы проявляется стремление к упорядоченному регулированию общественных отношений, поиску баланса интересов различных групп населения и государства. Более того, правовая система приобретает рабочие, институциональные механизмы, т.е. помимо высокой идеи предполагает реальные, «рукотворные» способы реализации нормативных правовых положений. Этот факт обусловливает распространенность понятия правовой системы в законодательстве при том, что четкого законодательного определения этого явления нет.

Безотносительно к разнообразию правовых систем в современном мире в науке утверждается, что все они обладают «необходимыми атрибутами», а именно включают обычаи, справедливость и законы[1], а также двумя параллельными системообразующими характеристиками: линия правопорядка (легистская) и линия «правильности»,

[1] Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 47.

справедливости (гуманитарная)[1]. Полагаем, что не будет ошибкой отнести перечисленные «атрибуты» и характеристики к неотъемлемым элементам правовой системы, что позволит рассмотреть процесс ее эволюции с теоретических позиций.

Понятие правовой системы — одно из ключевых для юридической науки[2]. В литературе отмечается, что оно создается «не ради игры в понятия и нормативные построения, а в целях встраивания права в реальность, определения архитектуры права, чтобы оно выступало важнейшим инструментом общества и государства в решении актуальных проблем существования и жизнедеятельности»[3]. При этом подчеркивается, что правовая система позволяет добиваться высокой степени управляемости в делах государства и общества, от чего зависит устойчивое развитие страны[4]. Данное научное утверждение позволяет сгруппировать все предлагаемые в доктрине признаки правовой системы (в отсутствие единого мнения по этому вопросу) по трем категориям «встроенность в реальность», «архитектура» и «способность влиять на управление».

При этом «встроенность в реальность» будет отражать востребованность правовых механизмов в регулировании общественных отношений, «современность» правовых регуляторов и своевременность их введения, «архитектура» — тип правовой системы, сбалансированность законодательства (с учетом структурных процессов внутри его отраслей) и структуру органов управления, «способность влиять на управление» — рациональность регуляторов, их релевантность социальному запросу и, соответственно, отношение к ним на уровне правосознания.

В научной литературе справедливо отмечается, что неотъемлемым элементом правовой системы являются активные действия субъекта права[5]. Тогда речь, безусловно, пойдет о правопонимании, правосознании, правомерных действиях, а правовая система будет включать тех действующих лиц, которые создают не только контуры права, но и его фактическую реализацию. С этим связано и включение в правовую систему тех юридических учреждений, которые непосредственно связаны с правообразованием, правоприменением, защитой прав и свобод граждан, охраной государственного суверенитета. По-

---

1 Там же. С. 77

2 См. также § 4 гл. 1, гл. 5 настоящей монографии.

3 Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5.

4 Там же.

5 Там же.

добный подход открывает возможности для лучшего понимания сложных связей, возникающих в правовой системе, реальных взаимоотношений между ее элементами.

Правовая система относится к категории динамичных систем. Вместе с тем каждый из указанных признаков и элементов, участвуя в эволюции всей системы, обладает разной степенью динамики. Причем в этом процессе можно выделить более устойчивые, утвердившиеся в теории и на практике, и более подвижные элементы, подверженные определенной конъюнктуре (политической, технологической, социальной). Такое поэлементное рассмотрение правовой системы и их эволюции может способствовать выработке новых (совершенствованию известных) способов выстраивания системных связей, от которых зависит целостность всей системы, ее жизнеспособность и эффективность. К устойчивым элементам можно отнести, например, принципы деления права на отрасли, т.е. предмет и метод, которые уже стали частью систематики и которые можно отнести к «архитектуре» правовой системы. К более подвижным элементам, очевидно, относится законодательство, изменения которого диктуются постоянным развитием общественных отношений.

Эволюция, как ранее упоминалось, всегда связана с изменениями. Как переход из количественного изменения в качественное она отражает зрелость тех или иных юридических явлений и институтов. В литературе отмечается, что наиболее предпочтительным способом развития современной российской правовой системы является не сопряженная с революционным насилием ее естественная эволюция, естественно-историческое, закономерное, непрерывно длящееся качественное и количественное изменение правовых средств, при котором происходит «развертывание», изменение всей правовой системы от низшего к высшему, от простого к сложному, к более передовому и совершенному состоянию, способствующему более эффективному регулированию общественных отношений[1].

Важным элементом системы, в том числе правовой, являются системные связи между ее составляющими, которые выстраиваются «по вертикали» в соответствии с иерархией власти, нормативных правовых актов и «по горизонтали» в зависимости от юридического опосредования коммуникаций между субъектами права.

Юридические коммуникации могут проявляться как во внутригосударственном аспекте, так и в международном. При этом правовая система должна быть очень адаптивной и не допускать консерватив-

---

[1] См.: Надёжин В. И. Эволюция правовой системы в России: Советский и постсоветский периоды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006.

ных решений или действий, не соответствующих новым событиям[1]. Действительно, излишний консерватизм — понятие, скорее противоположное эволюции. В то же время правовая система должна обладать определенным иммунитетом, или избирательностью, по отношению к нововведениям, и в этом будет проявляться способность ее адаптации к внешним факторам, зачастую чужеродным, агрессивным или нецелесообразным для определенного социума.

Ключевым элементом такой «иммунной системы» государства, показывающим его зрелость и уровень эволюции, является конституция, которая «аккумулирует суть политической и правовой системы, содержит наиболее общие принципы и правовые категории, что придает конституционному толкованию и глубину, и широту интерпретации»[2]. В исследовании, посвященном конституционным преобразованиям, отмечается, что в последнее время на уровень конституционного регулирования переносятся вопросы, которые ранее были предметом обычного закона, а то и вовсе не входили в орбиту правового воздействия, например, о принципах устойчивости правовой системы[3]. В контексте влияния международного права подчеркивается, что процессы глобализации и важные гуманистические завоевания цивилизации требуют оценки конституционного регулирования с позиций международных стандартов, определяющих принципы статуса человека и гражданина, основы правового положения коллективов, организации государства и общества. При этом некоторые государства ограничивают возможность оказания давления на текст конституции и его изменения, провозглашая верховенство конституции в правовой системе страны, в том числе и по отношению к международным договорам[4].

Таким образом, к эволюционным факторам развития правовой системы можно причислить наличие устойчивости, которая означает «способность системы пассивно сохранять (жесткость системы, или статическая устойчивость) и/или активно восстанавливать (динамическая, или регуляторная устойчивость) свои существенные параметры в случае малых (не слишком сильных) нарушений[5]. При-

---

1 Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5.

2 Хабриева Т.Я. Избранные труды. Том 2. Правовая охрана Конституции. С. 142.

3 См. подробнее: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М., 2016. С. 65.

4 Там же. С. 67.

5 Раутиан А.С. Букет законов эволюции. В кн.: Эволюция биосферы и биоразнообразия. К 70-летию А.Ю.Розанова. М.: КМК, 2006. С. 20-38.

менительно к правовой сфере это предполагает анализ возможных нововведений («нарушений») на предмет соответствия конституционным и в целом правовым установкам (включая правовые традиции), утвердившимся в данной правовой системе.

Правовая система, в свою очередь, в большей степени нацелена на упорядочение юридической жизни общества, выступает по отношению к последней как организующий фактор[1]. Уровень организации правовой системы можно считать еще одним показателем ее эволюционного развития. Помимо развернутой институциональной структуры, задействованной в организации правовой жизни, включающей систему органов власти и управления, институты гражданского общества, в настоящее время большое внимание уделяется технологическим процессам, которые оказывают влияние на трансформацию правовых институтов, включая правотворчество и правоприменение[2].

В литературе подвергаются анализу процессы технологизации правовой действительности (ядром которой очевидно является правовая система). Роль и значение правовой действительности «заключается в том, что благодаря ей все виды юридической деятельности (правотворчество, правосистематизация, реализация права, правоприменение и толкование права) приобретают более рациональный характер, опираются на новейшие достижения науки, приобретают упорядоченный «алгоритмический» характер, который позволяет повысить эффективность правового регулирования и с меньшими затратами обеспечить формирование благоприятных условий для нормального функционирования и развития общества»[3].

Вопрос о том, можно ли однозначно признать технологизацию (цифровизацию) в праве эволюционным фактором, пока остается дискуссионным. В литературе отмечается, что в зарубежной науке цифровизация в контексте права рассматривается как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы в современную эпоху[4]. Констатируется, что цифровизация становится

---

1 Малько А.В. Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 54.

2 Отметим, что в отдельных исследованиях правотворчество и правоприменение включаются в структуру правовой системы. См., например: Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 18–30.

3 См. подробнее: Березина Е.А. Технологизация правовой действительности как новый вектор развития общества // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 157–160.

4 См.: Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 6.

важным фактором, обусловливающим динамику права[1]. Однако проблемы, связанные с необходимостью преодоления цифрового разрыва, ослаблением гарантий защиты основных прав и свобод, связанным в том числе с неопределенностью последствий внедрения технологий, пока не дают достаточных оснований для однозначного положительного ответа.

На текущем этапе технологизации (цифровизации) права можно отметить, что наблюдается открытость правовой системы технологическим нововведениям. Такие государственные программы, как открытое правительство и электронное правосудие, — тому подтверждение. Так, в частности, в КНР в марте 2021 года была принята дорожная карта по мероприятиям, необходимым для модернизации правовой системы к 2025 году. В частности, проектом подразумевается модернизация судебной системы посредством внедрения «умных судов». В рамках «умного суда» планируется разработка системы, которая сможет анализировать фактические обстоятельства дела, представленные в суд документы, и уведомлять судью в случае отступления от формальных требований законодательства (обращать внимание на истечение срока рассмотрения дела, на ошибку в случае выхода за установленные пределы назначаемого наказания). При этом с апреля 2020 года в десяти шанхайских судах уже применяются технологии по расшифровке аудиозаписей судебных процессов, предоставлению доказательств в цифровом виде и поиску информации в представленных по делу доказательствах[2].

Это является как минимум стремлением к «встроенности в реальность», которая в настоящее время тесно сопряжена с развитием технологий, как максимум — отработкой адаптивных механизмов правовой системы к новому историческому этапу развития общества и государства. Это в свою очередь диктует необходимость изменения «архитектуры» правовой системы на уровне отраслей законодательства, возникновение в доктринальной повестке дискуссии относительно так называемых циклических правовых массивов, формирования цифрового права, киберправа и т.п.

В науке существует и иной подход к исследованию эволюции правовых систем. Так, в работе отдельных зарубежных авторов предлагается рассматривать эволюцию правовой системы с лингвистиче-

---

1 Там же. С. 10.

2 См.: Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31).

ской точки зрения. Утверждается, что правовые системы, подобно языкам, входят в число огромного множества социальных и культурных институтов, созданных людьми; и что человеческая способность создавать культуры, подобно человеческой способности создавать языки и другие знаковые системы, сама по себе является продуктом эволюции[1]. Автор приходит к выводу о том, что подобно языкам, правовые системы меняются с течением времени; и что эти сдвиги поразительно похожи на те, которые мы наблюдаем в эволюции растений или животных.

Параллели с естественно-научными подходами в юридической науке не редкость, что во многом оправданно с точки зрения анализа человеческой жизнедеятельности. Однако полной аналогии автору провести не удается, и исследование эволюции правовой системы сводится к выводу о том, что сдвиги и изменения в правовой системе с течением времени частично являются результатом множества небольших шагов судебного толкования[2]. Закономерно, что подобный вывод сделан представителем науки от системы общего права, где судебный прецедент является источником права. Вместе с тем оценка направления эволюции правовой системы «изнутри», т.е. с позиции одного из элементов правовой системы, очевидно представляет научный интерес и показывает, как правовая система «создает и развивает себя сама» на основании отдельных коллизий и решений. Так, автор подчеркивает, что право развивается в результате «маленьких шагов», которые довольно часто основаны на оценке судей того, какое понимание правовой нормы будет иметь лучшие последствия с моральной, политической, экономической точек зрения, с учетом юридической эффективности и т.д. Эти «мириады маленьких шагов» не подчинены каким-либо всеобъемлющим планам или целям, они в системах как общего, так и континентального права, выводятся логически из законов, правил, регламентов. Но даже самые совершенные законы (чего на практике добиться практически невозможно) могут стать источниками непредвиденных проблем толкования[3], а это в свою очередь предъявляет особые требования к правоприменению и судебной практике.

В отечественной юридической науке также существуют подходы к правовой системе как результату процессов самоорганизации пра-

---

1 Susan Haack. The evolution of legal systems: response to helena baldina, andreas bruns, and johannes müller-salo // BaldinaBrunsMller-SaloTheEvolutionofLegalSystemsfinal10.20.15.pdf

2 Ibid

3 Ibid

ва[1], хотя исследование проводится под иным углом зрения. В частности, важное значение придается вопросам преемственности, без которой процесс эволюции вряд ли можно признать состоявшимся. В данном контексте также подчеркивается значение судебной практики как одного из источников российского права, что свидетельствует о развитии российской правовой системы в направлении сближения не только с правовыми системами стран романо-германского права, но и с правовыми системами стран англо-американского права[2]. Автор справедливо отмечает, что, учитывая усложнение общественных отношений и ускорение темпов их развития на современном этапе, возрастает не только риск отставания законодательства от требований жизни, но и риск принятия законодателем малоэффективных правовых актов.

При таких обстоятельствах судебный прецедент может рассматриваться как своего рода гарантия от ошибок законодателя, как инструмент, позволяющий обществу нейтрализовать действие малоэффективного закона, обеспечить надлежащее правовое регулирование тех общественных отношений, которые по тем или иным причинам не подпадают под действующее законодательство[3]. Данный вывод актуализируется в условиях стремительного научно-технологического развития, когда многие спорные ситуации попадают в сферу судебной практики, вынужденной вырабатывать решение в отсутствие четких законодательных установлений.

Более того, важным признаком эволюционного развития правовой системы является сближение общей и континентальной систем права. Это наблюдение все чаще рассматривается в доктрине[4] и свидетельствует о гибкости современных правовых систем, способных воспринимать и принимать в свою структуру рациональные, обоснованные элементы, отвечающие духу времени. Это подтверждается общетеоретическими подходами к пониманию эволюции, постулирующими, что необходимость постоянного совершенствования своей адаптации (уточним, способов адаптации) даже для сохранения достигнутого уровня приспособленности вызвана преж-

---

1 См., например: Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

2 Там же.

3 Там же.

4 См., например: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 23, 314.

де всего аналогичными процессами партнеров по общей арене жизни[1].

Таким образом, правовую систему можно рассматривать и как созидаемое, и как созидающее явление в жизни общества и государства, стремящееся к эволюционному развитию за счет волевых, сознательных, творческих усилий субъектов права, действия которых обеспечивают (должны обеспечивать) общий позитивный результат.

При этом эволюционные процессы определяются устойчивостью правовой системы, упорядоченной структурой (архитектурой), включающей высокий уровень организации, адаптивными механизмами, необходимым уровнем правового иммунитета, направленного на поддержание преемственности. Важным признаком достаточного уровня эволюционного развития правовой системы являются эффективные механизмы управления общественными процессами.

§ 2. К ВОПРОСУ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ. ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Важным составляющим звеном архитектуры правовой системы является система отраслей права и законодательства. В настоящее время наметились изменения традиционных подходов к отраслевому делению. Возникают новые концепции, направленные на систематизацию стремительно меняющегося законодательства, связанного в том числе с усилением проблем технологического характера.

В одном из современных исследований отмечается, что в условиях интенсивной «цифровизации» происходит модификация сферы правового регулирования. Она становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, а существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи. Ее образуют как типичные, так и нетипичные для нее с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования общественные отношения[2]. В связи с этим обосновывается появление так называемых циклических правовых массивов, которые в своем развитии не обнаруживают тенденции к обособлению подобно отраслям или

---

[1] См. подробнее: Раутиан А.С. Букет законов эволюции. В кн.: Эволюция биосферы и биоразнообразия. К 70-летию А.Ю.Розанова. М.: КМК, 2006. С. 20–38.

[2] См.: Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5—18; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 96.

институтам права, а напротив, демонстрируют способность к пронизыванию всех или большинства элементов системы права, внедрению в устоявшиеся ее элементы, особому взаимодействию с ними, детерминации их содержания, функционирования, а также вектора и темпов дальнейших трансформаций[1].

Данные изменения, несмотря на наличие довольно широкого круга проблем, вполне соответствуют эволюционным факторам правовой системы, поскольку, как утверждается представителями естественных наук, «эволюция происходит не по причине недостаточной устойчивости структуры [организмов во времени], а вопреки их устойчивости. В связи с этим организмы (в нашем случае в качестве организма может рассматриваться подвижная, динамическая правовая система) вынуждены постоянно заново осваивать обновленную ими же среду обитания[2]. Обновления, связанные с внедрением цифровизации, иных технологических процессов в правовую жизнь общества, очевидно диктуют необходимость такого освоения, не затрагивая при этом сути самой системы, не нарушая «запрета на большие порции кратковременно получаемой новизны, способные вызвать необратимую утрату устойчивости системы».

Примером адаптивности правовой системы к технологическим нововведениям и формирования циклических правовых массивов может служить тот факт, что сейчас практически во всех кодексах есть нормы, связанные с использованием Интернета. Исключение составляют только часть третья ГК РФ, Семейный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

В частности, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплены в ст. 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию», где установлены санкции в отношении лиц, организующих доступ к распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет) информации (за исключением операторов связи, оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме), ст. 13.6 «Использование средств связи или несертифицированных средств кодирования (шифрования), не прошедших процедуру подтверждения их соответствия установленным требованиям»;

– в ГК РФ — ст. 1233 «Распоряжение исключительным правом», где закреплена возможность правообладателя сделать заявление о

---

1 Раутиан А.С. Указ. соч.

2 Там же.

предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему произведение науки, литературы или искусства либо объект смежных прав на определенных правообладателем условиях и в течение указанного им срока путем размещения на официальном сайте федерального органа исполнительной власти в сети Интернет. При этом предусмотрен специальный субъект, ответственный за размещение соответствующих заявлений, — Федеральный орган исполнительной власти, определяемый Правительством РФ; ст. 1243 «Исполнение организациями по управлению правами на коллективной основе договоров с правообладателями», в которой фактически установлена не только возможность правообладателя получить необходимую информацию, но и коррелирующая этому праву обязанность аккредитованной организации в целях представления правообладателю посредством сети Интернет сведений, указанных в абз. 4 п. 4, обеспечить функционирование информационной системы «личный кабинет правообладателя» и предоставить правообладателю авторизованный доступ к ней; ст. 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника», где сформулировано определение информационного посредника и установлены случаи его освобождения от ответственности за нарушение интеллектуальных прав;

– в Налоговом кодексе РФ (части первой) — ст. 11.2 «Личный кабинет налогоплательщика», где установлено, что в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, личный кабинет налогоплательщика может быть использован для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей, установленных НК РФ, что не только уточняет правовой статус налогоплательщиков, но и предполагает наличие субъекта, способного обеспечить реализацию этого правового статуса;

– в Кодексе административного судопроизводства РФ — ст. 45 «Права и обязанности лиц, участвующих в деле», где закреплено право таких лиц получать с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет копии судебных актов, выполненных в форме электронных документов, извещения, вызовы и иные документы (их копии) в электронном виде, за исключением документов, содержащих информацию, доступ к которой в соответствии с законодательством ограничен.

Подобные примеры «оседания» норм, касающихся использования глобальной информационно-коммуникационной сети «Интернет» в разноотраслевых нормативных правовых актах, можно продолжить. В результате они образуют некий замкнутый правовой массив, который образуется из разнородных по своей природе норм, имеющих

общий элемент (аналогично химическим соединениям), позволяющий соединить эти разноплановые нормы по признаку вовлеченности в интернет-процессы.

В развитие данной идеи можно привести результаты исследования аддитивных технологий, в котором показана необходимость соединения элементов права (норм, институтов и даже отраслей), которые ранее не составляли единой системы и не взаимодействовали комплексно либо взаимодействовали фрагментарно, если «созрели» соответствующие условия и синтез этих элементов будет прорывным для новой системы, в которую они объединились, а также возникнут новые качественные характеристики у объединившихся элементов. Отмечается, что российская юридическая наука много лет шла по пути дробления «правовой площадки» на отдельные сектора и их обособления в отрасли права, подотрасли и институты. Цифровизация меняет «систему координат». Исследуется вопрос возможного применения дивергенции (наряду с конвергенцией) в праве. Предпринята попытка дать ответы на вопросы: насколько будут долговечны «вершины циклических массивов» (юридическое верховенство); какую роль играет и какие угрозы несет «скорость» цифровизации права и экономики. По мнению автора, конвергентные отрасли права — это промежуточный этап к объединению социо-гуманитарной сферы и этап к назревшему и продуманному объединению отраслей, подотраслей и институтов права под влиянием ускоряющихся процессов цифровизации[1].

Еще одним примером формирования предпосылок к изменению архитектуры правовой системы может служить дискуссия относительно формирования «киберправа». Для специалистов этот термин уже стал привычным, хотя не получил однозначной трактовки в доктрине и практике. Это своеобразный феномен терминологии, выражающий единое смысловое целое в процессе мыслительного процесса и речи, т.е. при высказывании. Иными словами, само его звучание приводит нас к пониманию смысла и таким образом закрепляется в сознании.

Вопрос о формировании самостоятельной отрасли, связанной с киберпроцессами, довольно активно обсуждался несколько лет назад. Большинство ученых согласились в том, что многие вопросы уже урегулированы в известных отраслях права и законодательства, предмет и метод киберправа выделить невозможно, смысла загромождать теорию неопределенностями нет. Более того, скорость развития тех-

[1] См. подробнее: Грудцына Л. Ю. Цифровое будущее права: к вопросу об аддитивных технологиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 5—14.

нологий и соответствующих общественных отношений настолько высока, что намного удобнее использовать отработанные механизмы правового регулирования.

Однако термин оказался довольно востребован, а, как известно, наличие понятия доказывает существование обозначаемого им явления. Более того, проблемы правового регулирования в области инновационных технологий усложняются, в частности в области кибербезопасности.

К вопросу о происхождении термина. В литературе (в том числе в зарубежных публикациях) киберправо рассматривается как синонимичное понятие цифровому праву, интернет-праву, виртуальному праву, праву компьютерных сетей, компьютерному праву, праву информационных технологий.

Это разнообразие терминов отражает процесс поиска, осмысления относительно нового по историческим меркам явления. Вместе с тем хотелось бы напомнить, что киберне́тика (от др.греч. κυβερνητική — «искусство управления») — наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в различных системах, будь то машины, живые организмы или общество.

Термин «кибернетика» изначально ввел в научный оборот в 1830 г. Андре-Мари Ампер, определивший в своем фундаментальном труде «Опыт о философии наук» (1834—1843) кибернетику как науку об управлении государством, которая должна обеспечить гражданам разнообразные блага.

В современном понимании этот термин в 1948 г. был внедрен Норбертом Винером и подразумевал науку об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Она фокусирует внимание на том, как что-либо (цифровое, механическое или биологическое) обрабатывает информацию, реагирует на нее и изменяется или может быть изменено для того, чтобы лучше выполнять задачи по управлению и коммуникации.

В настоящее время приставка «кибер», благодаря, возможно, интерпретации этого понятия футуристами, приобрела более широкое значение. В этом есть некий ключ к разгадке феномена устойчивости термина, который отражает важный этап развития современных технологий. Технологии социализируются. Уже можно констатировать, что Интернет — *социально-технологическое* изобретение, цифровизация активно внедряется во все сферы социума, почти все укоренившиеся отрасли права содержат нормы, касающиеся цифровизации.

С точки зрения исходного термина «кибернетика», киберправо — суть информационное право, осложненное технологическим элементом, который может составить отдельный предмет регулирования этой новой отрасли. Технологический элемент может включать разнообразные технологии. Сейчас наиболее популярны цифровые, потом, возможно, появится другой термин (например, квантовые), приставка «кибер» проникает также в область биомедицины, ведется дискуссия относительно возможностей, технологий и последствий «киборгизации» человека. В связи с этим появляются основания утверждать, что термин «цифровое право» будет поглощен киберправом как более стабильным (с учетом его довольно продолжительной истории) и адаптированным к социальным процессам.

Предмет — основной критерий выделения самостоятельной отрасли права. Однако к сфере киберправа может быть отнесено очень многое — от вопросов интеллектуальной собственности, охраны частной жизни до защиты суверенитета государства.

Согласно сформировавшейся в доктрине позиции *отрасль права* представляет собой подсистему правовых норм, которые имеют предметное единство, регулируя определенную сферу отношений, предусматривают единые методы регулирования и в совокупности составляют значительную по объему правовую общность. Киберправо очевидно не соответствует этому классическому критерию. Вместе с тем с учетом вышеизложенного можно поставить вопрос об актуализации критериев выделения отрасли права.

Для обобщения общественных отношений, подпадающих под отраслевое регулирование, в качественно однородные группы, помимо прочего, понадобится определить:

а) волевой характер общественных отношений. Здесь также однозначного ответа нет, поскольку взаимодействие социума и технологий характеризуется так называемым несовершенным знанием субъекта о результатах и последствиях действия и использования технологий, причем это несовершенное знание относится не только к пользователям, но и к разработчикам технологий[1];

б) возможность *подчинения* данной группы общественных отношений внешнему контролю со стороны права. Это один из самых распространенных вопросов в киберпространстве, где личные отношения переплетаются с технологическими алгоритмами (например,

[1] В частности, среди представителей технического сообщества существует такое понятие, как технологический долг, когда они четко знают, что не смогли или не успели просчитать возможные варианты работы технологии, но были вынуждены выпустить ее в свет в соответствии с условиями инвестиционных контрактов

при общении в социальных сетях), но масштабы их распространения переводят эти отношения в публичную сферу. Вопрос о том, что подлежит регулированию в киберпространстве и как регулировать те или иные отношения, до конца не решен;

в) общественные отношения, входящие в группу, должны выражать *интересы общественного развития*. Это, наверное, первый критерий, которому киберправо может соответствовать, если ориентироваться на общую установку и договоренности государств, начиная с Окинавской хартии информационного общества и заканчивая национальными Стратегиями, концепциями и программами развития информационного общества. Необходимо отметить, что существуют и алармистские настроения, поэтому интересы общественного развития остаются под вопросом на фоне беспокойства о тотальной слежке, регулярных утечках данных и в целом о неопределенности последствий использования технологий;

г) необходимость правового регулирования данной группы общественных отношений. Это единственный реальный критерий, который нельзя подвергать сомнению. Правовое регулирование киберсферы необходимо. К этому приходят даже скептики от мира техники, которые, оценив конкретные последствия стремительного внедрения технологий, признают, что саморегулирования в этой области недостаточно. В то же время сохраняется проблема обозначения именно «группы общественных отношений». Подчеркнем, это самые разнообразные отношения, которые по-прежнему группируются по известным отраслям права.

Еще один известный (хотя и дискуссионный) критерий формирования отрасли права — *метод правового регулирования* — это совокупность юридических средств, приемов, способов воздействия на качественно однородные общественные отношения. Вопрос императивности и диспозитивности рассредоточивается по устоявшимся отраслям права. В отношении правового регулирования технологической сферы наблюдается некий маятник. Сначала тенденция смещалась в сторону диспозитивности, пропагандировалась свобода информации, творчества, самовыражения, основной акцент был на договорное регулирование. Потом стало понятно, что договор (пользовательское соглашение) в рассматриваемой сфере не является договором в традиционном смысле, поскольку только одна сторона (владелец, администратор ресурса и т.п.) может в одностороннем порядке формировать его условия, которые носят для пользователя исключительно ознакомительный характер. Со стороны пользователя действия крайне ограничены и сводятся только к принятию решения о согласии. При этом формула договора присоединения (эф-

фективно действующая в отношении защиты прав потребителей) также не получила полного признания в технологической среде, в том числе по причине редуцированных гарантий и фактически открытого ограничения гарантий стороны, предоставляющей услуги технологического характера.

Сейчас развивается тенденция усиления государственного регулирования. Теперь даже его противники говорят о том, что властное регулирование, ограничительные и контрольные нормы и правила в свое время пошли только на пользу таким мощным отраслям, как машиностроение (автопром), пищевая промышленность (когда, например, были изобретены и стали активно внедряться в производство пищевые добавки). В связи с этим и новые технологические отрасли не должны настороженно относиться к «зарегулированности», особенно с учетом современных установок на широкое общественное и экспертное обсуждение проектных нормативных правовых решений.

Наука и практика находятся в поиске баланса, поэтому пока отрасли права как таковой не сложилось, но понятие продолжает существовать, а значит, и необходимость в нем сохраняется. Во-первых, в научной сфере, так как кибернетика — изначально наука, а киберправо с уверенностью можно рассматривать в качестве перспективного научного направления.

Во-вторых, в образовании, что подтверждается активным развитием такого направления подготовки, как IT-юрист, юрист-алгоритмизатор и т.п. Это шаг на пути к продуктивной конвергенции технологий и права. Запрос отрасли на подготовку специалистов формировался постепенно, но сейчас он не просто на повестке дня, а активно реализуется. В качестве примера можно привести программу «Cyber Law: Data, Ethics and Digital Property» («Киберправо: данные, этика и цифровая собственность») в магистерской программе «Бизнес-аналитика и системы больших данных» в НИУ ВШЭ, в университете Berkley есть отдельный факультет Law and Tech Faculty с соответствующей программой обучения.

Что касается отрасли права как таковой, киберправо пока — это совокупность разноплановых правовых норм и институтов, относящихся практически ко всем отраслям (областям) права. Помимо такого всеобъемлющего охвата, есть еще одна предпосылка для формирования некой самостоятельной техно-правовой отрасли. Это правовой статус субъектов правоотношений, который иногда рассматривается в качестве составляющей метода правового регулирования (хотя это не самая распространенная тема в отношении отраслевого деления).

Если установление, корректировку, преобразование правового статуса рассматривать как инструменты правового воздействия на субъекта, то можно сформулировать следующие вопросы для выделения самостоятельной отрасли, которая в целом, как и другие, должна служить решению вопросов о системном, последовательном правовом регулировании современных общественных отношений.

Эти вопросы заключаются в следующем:

– определение релевантного субъекта, способного (как технически, так и организационно) оказывать влияние на развитие технологий, на контроль за их правомерным использованием;

– определение заинтересованных в использовании, развитии или, наоборот, сдерживании технологий субъектов. От правильного определения будет зависеть и выбор стимулирующих либо ограничительных правовых мер (а, возможно, отказ от правового регулирования или властного воздействия);

– определение природы прав как составляющей правового статуса (это традиционные права, модифицированные или совершенно новые, возникающие из новых технологических возможностей и формирования соответствующих притязаний). Так, до сих пор обсуждается, является ли, например, право на Интернет, абсолютно новым, требующим закрепления в законодательстве в связи с признанием глобальной сети социальным благом. Есть мнение, что соответствующее субъективное правомочие в российской правовой системе проистекает из конституционного права на информацию, а следовательно, дополнительных законодательных механизмов не требуется. Приоритетность защиты основных прав также подвергается переосмыслению, например, на уровне судебной практики уже неоднократно возникал вопрос о соотношении в виртуальной среде права на неприкосновенность частной жизни и права на свободу слова[1];

– определение коррелирующих обязанностей. Важно подчеркнуть, что правовой статус — комплексное явление, причем корреляцию прав и обязанностей можно также рассматривать в двух направлениях: как соотношение прав и обязанностей самого субъекта (при этом возникает вопрос, способен ли субъект выполнить возложенные

---

[1] См. подробнее: Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29; Юркина Е.Е. Ответственность за публикации в блогах и комментарии в Интернете: практика Европейского суда // Судья. 2019. № 2. С. 54–62; Спано Р. Ответственность информационного посредника за комментарии онлайн-пользователя в контексте Европейской конвенции по правам человека // Международное правосудие. 2017. № 2. С. 28–41.

на него обязанности в той или иной технологической сфере) и как соотношение прав субъекта и обязанностей публичных органов обеспечить реализацию этих прав (при этом требуется решение вопроса об институциональной организации соответствующих правоотношений);

– трансформация института ответственности. В науке было сформулировано предложение ввести гражданскую ответственность в отношении разработчиков так называемых сложных программных продуктов с помощью распространения на них норм об ответственности за источник повышенной опасности[1], поскольку зачастую программное обеспечение связано с большими убытками для его пользователей. Разрабатывается такое понятие, как распределенная ответственность, соответствующее понятию «распределенная структура», которое используется в отношении Интернета и предполагает некоторое снижение ответственности субъектов, задействованных в развитии IT-сферы;

– учет законных интересов субъектов при введении прав и установлении обязанностей. Несмотря на то что в законодательстве существуют так называемые нормы-стимулы, направленные в определенной степени на реализацию интересов, сами по себе интересы нельзя регулировать с помощью прямого законодательного установления. Они остаются своего рода латентным элементом правового статуса, определяющим правовой выбор субъектов, но выявить их необходимо, поскольку это напрямую будет влиять на эффективность правового регулирования;

– рисковый характер технологических нововведений, обусловленный упомянутым ранее несовершенным знанием субъектов права о последствиях использования технологий (подчеркнем, что не только пользователи, но зачастую и разработчики не всегда имеют полное представление о возможных последствиях применения технологий). Включение риска в правовой статус, по меньшей мере, признание наличия такого риска, может повлечь существенное видоизменение правового статуса субъекта за счет, например, введения дополнительных обязанностей разработчиков или владельцев технологий, в том числе, если не по устранению, то по страхованию рисков.

В целом возникновение и развитие в архитектуре правовой системы такого нового понятия, как киберправо, заслуживает по мень-

---

[1] См. подробнее: Крыжановская А.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный в связи с использованием сложных программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

шей мере продолжения научных исследований, поскольку его основной идеей может стать социализация и гуманизация технологий, направленная на сохранение правовых ценностей, выработанных в ходе эволюции человечества. Это в итоге будет отражать усиление роли технологий, которые выходят на новую ступень развития и требуют особого внимания со стороны общественных наук.

Неотъемлемой частью архитектуры правовой системы является общая система нормативных правовых актов, системный подход к формированию нормативных массивов законодательства. Стремительное и зачастую непредвиденное развитие событий в технологической сфере ведет к ситуативным законодательным мерам, оперативность решений приветствуется, поток законодательных актов увеличивается. Это уже не кажется негативным явлением, поскольку помогает преодолевать некоторую инертность законодательства, требующего соблюдения многих процессуальных правил. В настоящее время правовая система нуждается в более четком определении структуры законодательства в связи с новым витком общественного развития, когда временной фактор становится определяющим. В этом отношении реализация концепции системообразующего закона о нормативных правовых актах приобретает новые перспективы научного и прикладного использования[1].

В некоторых исследованиях по юридической технике со ссылкой на концепции Института отмечается, что «модернизация правовой системы — это процесс перехода на новый качественный уровень развития путем усовершенствования законодательного массива и повышения эффективности правоприменительной практики. Модернизация правовой системы России должна осуществляться на научной основе, основной задачей которой является упорядочивание хаотичности и неуправляемости современной социальной реальности, а задача законотворчества сводится к реализации приоритетов развития России»[2].

Совершенствование научных основ развития правовой системы должно предполагать выработку таких эволютивных критериев для каждого из ее элементов, применение которых поможет оптимизировать практические направления модернизации, правильно сочетать

---

[1] См. подробнее: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона) / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021.

[2] См., например: Костенко М.А. Роль юридической техники в совершенствовании коллизионного регулирования: от концепции к законодательной практике // Власть Закона. 2015. № 4. С. 62–70.

традиционные правовые механизмы и нововведения. В свою очередь это послужит выстраиванию устойчивой правовой системы, способной реагировать на вызовы времени, сохраняя ценностные ориентиры и установки, отвечающие интересам поступательного развития общества.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. В современных условиях становится все более очевидным усложнение коммуникаций в обществе и мировом сообществе, увеличение юридических коллизий и открытых конфликтов. Резко возросли скорости процессов, что требует от людей и правовых регуляторов адекватного и быстрого реагирования. При этом сохранение традиционной стабилизирующей и охранительной функции права целесообразно сочетать с увеличением его созидательного потенциала.

2. Первостепенное значение приобретает гибкое изменение компетенций и связей публичных органов, бизнес-структур и институтов гражданского общества. Вместо обилия контрольно-отчетных функций целесообразно увеличить объем прогнозно-аналитических механизмов диагностирования и преодоления рисков.

3. Актуальным является активное участие гражданского общества в созидательной деятельности и преодолении пассивности. Высокая гражданская активность должна сочетаться с повышением уровня профессиональной и управленческой компетентности.

4. В повестке дня – увеличение созидательного потенциала права. Имеется в виду повышение удельного веса стимулирующих норм и норм поощрения, публичной поддержки.

5. Многое зависит от придания более высокой роли науке в управлении делами на всех уровнях. Для этого полезно уделять большее внимание обязательному рассмотрению и использованию научных выводов и рекомендаций.

6. Самым трудным было и остается выявление неуловимой корреляции между регуляторами, правосознанием исполнителей и совершением ими юридических и иных действий. Следующий шаг — выяснение характера их влияния на реальное достижение намеченных целей – создание новых материальных объектов, интеллектуальных продуктов и обогащение информационной картины действительности.

7. Все сказанное легче осуществлять в условиях предотвращения и преодоления конфликтных ситуаций. Это важно для каждой страны и для мирового сообщества. Только тогда удастся обеспечить устойчивое планетарное развитие, сохранение природных ресурсов и иных средств обеспечения жизни на Земле. Нельзя не учитывать сложное и подчас неуловимое влияние космоса.

Научное издание

ПРАВО
КАК СОЗИДАТЕЛЬ
НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

Монография

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Ю.А. Тихомиров

Подписано в печать 29.01.2024.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации